

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 4
Спецвыпуск

2002

Дискуссия об идеологии охраны дикой природы

Редакционная коллегия:

Александров Д.А., Россия, кандидат биологических наук
Борейко В.Е., Украина, главный редактор
Гараев А.С., Азербайджан
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, главный редактор
Данилина Н.Р., Россия
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Левченко В.Ф., Россия, доктор биологических наук
Марушевский Г.Б., Украина, кандидат философских наук
Морохин Н.В., Россия, доктор филологических наук
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Поликарпов Г.Г., Украина, доктор биол. наук, академик НАН Украины
Прохорова И.А., Россия, кандидат социологических наук
Симонов Е.А., Россия
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор географических наук

Адрес редакции:

ул. Радужная, 31–48
02218, г. Киев,
Украина.

e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Address:

Raduzhnaya str. 31–48
02218 Kyiv
Ukraine

Электронная версия журнала: <http://www.ln.com.ua/~kekz/human.htm>

Humanitarian Environmental Magazine

Volume 4 • Supplement • 2002

Discussion on ideology of conservation of wilderness

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Международный экологический журнал
Учредитель — Киевский эколого-культурный центр
Регистрационное свидетельство КВ 4345 от 3.07.2000 г.

Издатели — Киевский эколого-культурный центр,

Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП (**WCPA/IUCN**)

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров
Редакция журнала благодарит Дугласа Уинера за материальную помощь

Компьютерный набор — О.А. Яценко, верстка — В.Н. Грищенко,
корректра — Е.Д. Яблоновская-Грищенко
Обложка — рис. С.А. Лопарева

- © Гуманитарный экологический журнал, 2002
- © Киевский эколого-культурный центр, 2002
- © Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 2002
- © Humanitarian Environmental Magazine, 2002
- © Kiev ecological and cultural centre, 2002
- © World Commission on Protected Areas IUCN, 2002

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ ОБ ИДЕОЛОГИИ ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

Спецвыпуск “Гуманитарного экологического журнала”, посвященный обсуждению идеологии охраны дикой природы (ГЭЖ, 2001, т. 3, спецвыпуск), вызвал горячие дебаты в среде деятелей заповедного дела и охраны дикой природы стран СНГ, к которым подключились также философы, священники, журналисты, экопросветители и т. п. Редакция получила много откликов с просьбой продолжить эту тему. Более того, ее обсуждение выплеснулось даже на страницы других изданий (например, “Охоты и охотничьего хозяйства”, за что мы очень благодарны этому журналу).

В связи с вышесказанным мы решили подготовить еще один номер “Гуманитарного экологического журнала” (Спецвыпуск II), посвященный разработке идеологии охраны дикой природы. Чтобы сделать номер еще более интересным для наших читателей, мы специально перевели и публикуем в нем несколько оригинальных экофилософских работ из англоязычной литературы, посвященных обсуждаемой теме.

Хочется также упомянуть работы двух совершенно забытых ныне русских поэтов — А. Львова и Н. Щербину, чьи стихи не только украсят этот номер, но и сами по себе являются значительным открытием в истории отечественной природоохраны.

ДИКАЯ ПРИРОДА В СИСТЕМЕ СИМВОЛОВ УКРАИНЫ ГЛАЗАМИ НАСЕЛЕНИЯ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

К.Н. Горб, кандидат географических наук, Д.Н. Кибзун

Днепропетровское отделение Украинского географического общества
49044, г. Днепропетровск просп. К. Маркса, 36, комн. 48; e-mail: envi@melr.dp.ua

История знает немало примеров, когда в качестве символа отдельного города, региона и целого государства выступал природный объект: кленовый лист в Канаде, соболь в Сибири, тигр в Бенгалии, медведь в Ярославле, природная целебная грязь в Евпатории и мн. др.

Объекты и явления дикой природы, пользующиеся особым уважением и популярностью внутри определенной территориальной общности людей, которые могут в некоторой мере служить в роли идентификаторов, отличающих данную общность среди других, безусловно, заслуживают особой охраны. В связи с этим такие природные объекты, можно определить как **природоохранные символы** данной общности (города, района, страны, народа и др.).

В связи с вышеизложенным актуальным является изучение мнений широких масс населения Украины о природоохранных символах своей страны и об их месте в общей системе государственной символики в перспективе. Поэтому в анкете “Дикая природа глазами населения Украины”, по которой в разных районах страны в 2000 г. опрошено более 1200 респондентов [3], был включен и ряд вопросов относительно природоохранной символики Украины. При этом следует отметить, что в символике, эмблематике и геральдике, как вполне состоявшихся сферах знания и практики, сформировались довольно четкие смысловые различия между понятиями “символ”, “символическое изображение”, “эмблема”, “герб” ([4], [8]). В наших вопросах данной тематики в качестве вариантов ответа предполагались различные объекты, явления и события, по-

падающие в целом под определения всех данных понятий. Однако в целях простоты и лучшего понимания респондентами сути вопроса все варианты условно были названы символами.

Итак, для выяснения характера предпочтений в выборе символа Украины в анкете был предложен “полузакрытый” вопрос 18, предполагающий 9 конкретных вариантов ответа (символов) и вариант – “собственный” символ для респондента (“другое”) (см. [3]). Респонденту следовало назвать три варианта и расставить их на первое, второе и третье места в зависимости от значимости символа непосредственно для него. В связи с этим “суммарный балл” каждого варианта для каждой опорной общественно-территориальной единицы (ООТЕ), где проводился опрос, и для Украины в целом, рассчитывался следующим образом:

$$y_{ij} = x_{ij}^1 + 0,5 x_{ij}^2 + 0,25 x_{ij}^3, \text{ где}$$

y_{ij} – суммарный балл j -го варианта ($j = \{1, m\}$, m – результирующее количество вариантов ответа, $m = 23$) для i -й ООТЕ ($i = \{1, n\}$, $n = 26$);

x_{ij}^1 – доля респондентов i -й ООТЕ, поставивших j -й вариант на первое место;

x_{ij}^2 – доля респондентов данной ООТЕ, поставивших этот вариант на второе место;

x_{ij}^3 – соответственно доля выбравших j -й вариант, в качестве третьего места.

Общий суммарный балл для данной ООТЕ, набранный всеми вариантами в совокупности, мы определяем как y_i [3]:

$$y_i = \sum_{j=1}^n y_{ij}$$

Отсюда структуру (процентное соотно-

шение) суммарных баллов каждого варианта в общем значении y_i мы истолковываем как рейтинг символов Украины в глазах населения i -й ООТЕ.

В дальнейшем по результатам систематизации все 23 варианта ответа (как предложенных в анкете, так и названных самими респондентами) в силу их смысловой связи были проинтегрированы в шесть “категорий символов”, что представлено в таблице 1. Тогда, соответственно, суммарный балл (рейтинг) каждой категории символов для каждой ООТЕ мы обозначим как Z_{ik} :

$$Z_{ik} = \sum_{j=1}^q y_{ij},$$

где $j = \{1, q\}$, q – количество вариантов K -й категории

($K = \{1, p\}$, p – количество категорий, $p = 6$).

Попытаемся проанализировать результаты проведенных расчетов.

Категория, которая набрала максимальную долю “голосов” в целом по Украине, – это “Государственные атрибуты” ($Z_2 = 39,1$), которая включила четыре варианта ответов (см. табл. 1). При этом почти во всех ООТЕ значение Z_{i2} превысило отметку 30, кроме г. Новомосковска, а также Каневского, Овручского и Бердянского районов. Особенно высоки данные значения в ООТЕ Западного региона (в г. Сокиряны – 42,7, в Сокирянском районе – 40,7, в остальных – более 50). Также превысила отметку 50 в Чигиринском районе (Центр), г. Прилуки (Север), г. Вольногорске (Восток).

Анализ данных показателей свидетельствует о тесной корреляционной связи между ними и национальным составом респон-

Таблица 1

Символы Украины в оценках опрошенного населения

Категория символов	Символы (варианты ответов)	Рейтинг символа в глазах респондентов (по Украине в целом) Z_k
Спортивные объекты и личности (Z_1)	киевская футбольная команда “Динамо” братья Кличко	8,9
Государственные атрибуты (Z_2)	флаг Украины и герб Украины гимн Украины Президент Украины Конституция Украины	39,1
Природные объекты (Z_3)	природные ландшафты Украины река Днепр горы Карпаты калина карась перепел Азовское море	28,3
Исторические объекты (Z_4)	Киево-Печерская Лавра украинская хата запорожские казаки Софиевский собор памятники архитектуры	9,6
Природоохранные учреждения (Z_5)	заповедники и национальные парки Украины	5,8
Природные ресурсы и хозяйственные объекты	сало чернозем поля пшеницы хлеб	5,0

дентов в данных ООТЕ: доля выбравших “государственные атрибуты” в качестве символа Украины возрастает с ростом доли украинцев в национальном составе ООТЕ. В целом факт выхода данной категории на первое место является вполне закономерным: официальные символы в стране (как и в любой другой) законодательно четко закреплены и являются представителями государства на международном уровне.

Второе место в рейтинге символов Украины в глазах населения заняла категория **“Природные объекты”** ($Z_3 = 28,3$), охватившая семь вариантов, два из которых звучали в анкете и пять предложены самими респондентами (см. табл. 1). Максимальные значения Z_3 зафиксированы в Каневском районе ($Z_3 = 37,3$), г. Овруче ($Z_3 = 36$), Чаплинском районе Херсонской области ($Z_3 = 34,6$), Бердянском районе ($Z_3 = 36,3$), минимальные – в Сколевском районе ($Z_3 = 13,8$), Овручском районе ($Z_3 = 16,9$), г. Умань ($Z_3 = 17,9$). При анализе территориальных различий с определенной долей приближенности можно проследить следующую картину: чем более урбанизирован (и вообще – хозяйственно преобразован) район, тем в большей степени в качестве символа страны в глазах его населения выступают природные объекты. В таких районах, где осталось крайне мало уголков нетронутой природы, красота и сохранность которых больше подчеркивают особенности страны, чем антропогенные ландшафты, население более высоко ценит природу (как бы ощущая ее “нехватку”), чем в малоурбанизированных районах. Поэтому в каждом регионе встречаются ООТЕ со значениями экстремумов (как правило, города – максимумов, сельские районы – минимумов) Z_3 , причем разница между экстремумами в регионе постепенно возрастает с северо-запада на юго-восток, по мере роста преобразованности природы. В целом ни в одной ООТЕ данная категория не опускается ниже второго места. Это говорит о том, что население Украины считает природные объекты одними из главных в системе символов страны.

На третье место в качестве символов

Украины в оценках опрошенного населения “взошла” категория **“Исторические объекты”** ($Z_4 = 9,6$), охватившая пять вариантов-символов, лишь один из которых (Киево-Печерская Лавра) был указан в анкете изначально. Максимальная доля “голосов” здесь зафиксирована в Киеве ($Z_4 = 15,8$) и Киевской области (г. Украинка – $16,9$), очевидно, потому, что основные из данных “вариантов-символов” расположены в столице. Также превышение среднеукраинского уровня выявлено в Днепропетровске, Днепропетровском и Петриковском районах, Каневе, Каневском районе, Овруче, Бердянске, Николаевском районе и Сокирянах, т. е. по 1–2 ООТЕ в каждом районе. Низких отметок (5 и менее) значение Z_4 достигло в Черкассах, Умани, Новомосковске, Сколе, Сколевском и Сокирянском районах. При анализе выбора исторических объектов в качестве символа Украины заметной становится определенная корреляционная зависимость между долей выбравших Киево-Печерскую Лавру и долей респондентов, назвавших себя православными. Это говорит о присутствии религиозной составляющей в мнениях населения, с которой следует считаться при разработке общенациональной символики.

На четвертом месте оказалась категория **“Спортивные объекты и личности”** ($Z_1 = 8,9$), представленная киевской футбольной командой “Динамо” и всемирно известными боксерами – братьями Кличко.

Высока доля выбравших представителей данной категории в таких ООТЕ, как города Умань, г. Черкассы, Криничанский, Овручский и Коростенский районы. Во всех остальных ООТЕ значения не превышают среднеукраинский уровень. Это свидетельствует о довольно высокой представленности спортивной символичности в мнениях населения.

Предпоследнее пятое место в рейтинге символов Украины по данным опроса заняла категория **“Природоохранные учреждения”** ($Z_5 = 5,8$), представленная в анкете вариантом “Заповедники и национальные парки Украины” (ЗНП). Самые высокие значения этого показателя были зафиксирована-

ны в Новомосковске (16,8), Овручском районе (15,9), Чаплинском районе (12,9), Бердянске (8,8), Коростенском районе (7,9). Минимальные значения Z_5 были отмечены в Криничанском районе (0,7), Львове (1,3), Чигиринском районе (1,3), Вольногорске (1,9), Новом Роздоле и Умани (по 2,6). При анализе видно, что ЗНП символами Украины больше считают сельские жители (в отличие от категории “Природные объекты”). Также значение Z_5 заметно выше в ООТЕ, расположенных в непосредственной близости с ЗНП: Овручский район – Полесский заповедник, Чаплинский район – заповедник “Аскания-Нова”; в Сокирянском районе и вблизи Новомосковска обширные природные территории на перспективу резервируются под заповедные объекты, о чем широко известно среди местного населения. В целом к настоящему времени в Украине ЗНП не достигли достаточной признанности и популярности, как во многих развитых странах, но в будущем их “символизация” на государственном уровне представляется нам неизбежной, поскольку это – один из показателей цивилизованности страны.

Наконец, последнее, шестое место в рейтинге заняла категория символов “**Природные ресурсы и хозяйственные объекты**” ($Z_6 = 5$), включающий один “анкетный” вариант (“сало”) и три варианта, предложенных респондентами (“чернозем”, “хлеб” и “поле пшеницы”). Существенных различий в распределении данного показателя по территории не наблюдается, за исключением Криничанского, Каневского, Бердянского районов и г. Прилуки, где Z_6 превышает 10. Однако следует сказать, что объективно, на наш взгляд, хозяйственные объекты, занимая важное значение в жизни населения, символизируют Украину в гораздо большей степени, чем выявилось по результатам опроса. Наша анкета в целом и данный вопрос в частности изначально имели “природоохранно-гуманитарное” звучание, в вариантах ответов не делался акцент на экономику, и поэтому, скорее всего, в качестве символов ни разу не встретились промышленные объекты (ни предприятия – гиганты, напри-

мер, “Криворожсталь”, ни экспортная продукция – уголь, сталь, сахар и др.) Как правило, в настоящее время такие объекты представляют Украину больше в рамках СНГ, чем на широкой международной арене.

Таким образом, среди выделенных шести категорий символов природоохранное звучание имеют два из них: “природные объекты” (Z_3) и “природоохранные учреждения” (Z_5). В целом (суммарно) по Украине такие объекты в качестве символов страны в глазах населения заняли 33,7 % голосов в общей структуре выявленных символов, что в общем говорит о довольно высоком уровне природоохранного сознания и мышления людей. Среди ООТЕ в этой связи особо выделяется Новомосковск (64,3 %), а также Овруч, Бердянский, Чаплинский и Каневский районы (в каждом – 40–50 %). Как видно, в защиту природоохранной символики в системе символов Украины больше высказываются жители сельской местности и малых городов.

Также одним из вопросов, характеризующих выбор населением природоохранных символов, выступил “открытый” вопрос анкеты № 19. Он заключался в просьбе к респонденту назвать один из известных ему видов четырех объектов живой дикой природы (дерево, цветок, птицу и зверя), который, с его точки зрения, может выступать в качестве символа Украины. Здесь умышленно не предлагались никакие “наводящие” варианты ответа, поэтому в выборе такого рода символов мы целиком полагались на знания, фантазии и собственные мироощущения респондентов. В результате вирисовалась общая картина, позволяющая определить приоритетные объекты живой дикой природы в качестве символа Украины. Рейтинг (первая десятка) каждого из таких объектов указана в таблице 2. Попытаемся проанализировать данные результаты.

Итак, среди диких деревьев почти четверть опрошенных (24,3 %) выбрали дерево **дуб**. Причем максимальные значения процента респондентов с таким ответом отмечены почти в каждой ООТЕ.

При выборе дуба, как “символа” Украи-

Таблица 2

Объекты живой дикой природы в качестве символов Украины глазами населения

Место в “рейтинге” символов Украины	Объекты живой дикой природы как символы Украины в оценках населения			
	дерево	цветок	птица	зверь
первое	дуб (24,3; Николаевский р-н)	ромашка (17,3; Бердянский р-н)	аист (20,2; Николаевский р-н)	заяц (13,5; Умань)
второе	калина (14,3; Чаплинский р-н)	василек (10,6; Овруч)	орел (14,6; Чаплинский р-н)	вепрь (13,3; Новомосковск)
третье	каштан (10,8; Украинка)	мак (8,5; Криничанский р-н)	соловей (8,2; Украинка)	медведь (9,0; Сколе)
четвертое	верба (9,2; Днепропетровский и Петриковский р-ны)	лилия (7,9; Криничанский р-н)	ласточка (6,0; Криничанский р-н)	волк (8,4; Криничанский р-н)
пятое	ель (5,4; Сколевский р-н)	роза (6,1; Украинка)	голубь (5,7; Чигиринский р-н)	лисица (8,3; Чигиринский р-н)
шестое	береза (5,3; Овручский р-н)	Барвинок (5,0; Чаплинский р-н)	сокол (5,1; Умань)	Лось (7,0; Овручский р-н)
седьмое	тополь (5,2; Бердянский р-н)	рута (4,6; Львов)	журавль (4,8; Криничанский р-н)	косуля (4,8; Новый Роздол)
восьмое	бук (4,4; Сколе)	бархатцы (укр. чорнобривцы) (3,8; Канев)	воробей (2,8; Бердянск)	Олень (4,7; Сколевский р-н)
девятое	липа (3,4; Прилуки)	ландыш (3,4; Овручский р-н)	жаворонок (2,8; Каневский р-н)	лев (4,3; Львов)
десятое	сосна (3,3; Коростенский р-н)	просвирник (укр. мальва) (2,9; Коростенский р-н)	чайка (2,5; Бердянск)	зубр (1,6; Сколевский р-н)
всего указано видов	34	66	51	44

ны не были выявлены существенные региональные различия. Амплитуда максимальных и минимальных значений колебалась в узких пределах от среднего значения в целом по Украине. Экстремумы выявились лишь в Новомосковске – 57 % и Чаплинском районе Херсонской области – 0 %.

Вторым претендентом на символ Украины среди деревьев оказалась калина – 14,3 % голосов. На наш взгляд, в данной ситуации не стоит вдаваться в ботанические подробности, является калина деревом или нет. В исследовании мы преследовали другие цели.

В случае с данным вариантом ответа уже прослеживается опеределенная территориальная дифференциация. В западном регионе доля респондентов, выбравших калину как “символ” Украины, достигают доволь-

но высоких значений, а у представителей Южного региона выбор калины отсутствует, за исключением Чаплинского района, где ее назвали почти все респонденты (97,5 %).

Следующим деревом, характеризующимся также достаточно высокой долей выбравших его респондентов, является **каштан** – 10,8 % (табл. 2).

Наибольшие значения были зафиксированы преимущественно в Центральном регионе (г. Украинка Киевской области и Киев). Это закономерно, поскольку каштан или цвет каштана уже является эмблемой Киева, а столица в некоторой мере представляет собой символ страны (именно в Киеве – городе каштанов, более 28 % респондентов назвали это дерево символом Украины, а в Украинке – почти 30 %).

Еще одним деревом, в защиту которого

выступило 9,2 % респондентов по Украине, является **верба** (ива). Это дерево охарактеризовалось, хотя и не высокими, однако довольно сопоставимыми значениями процентов по всем ООТЕ, за исключением Днепропетровского и Петриковского районов, где “за” вербу выступила почти треть респондентов, и г. Прилуки Черниговской области, где верба вообще не была упомянута.

Во-вторых, сама по себе “плакучая” верба является высокохудожественным и эстетическим образом, и поэтому также часто встречается в народном творчестве. Это поясняет достаточно высокую долю выбравших ее респондентов.

Также относительно высокой долей голосов отмечается **ель** – (5,4 %). Особенно высок этот показатель в горных и предгорных ООТЕ (Сколевский район, г. Сколе, г. Львов) и в полесских районах, поскольку именно в лесах этих регионов ель имеет максимальное распространение.

Некоторую зависимость от географических условий мы видим и в выборе **березы** как “символа” Украины (5,3 % голосов). Именно среди респондентов Северного и Центрального регионов зафиксировано максимальные значения доли выбравших это дерево, поскольку здесь (особенно на севере) оно встречается чаще. **Тополю** отдали предпочтение 5,2 % опрошенных, однако это были в основном жители Юга и Востока, где более широко распространено это дерево. **Бук** в качестве символа Украины выбрали 4,4 % респондентов с максимальными значениями в районах Львовщины и Буковины, а также в Приднепровском регионе.

Примерно поровну разделились процентные значения среди респондентов, выбравших **сосну** и **липу** (3,3 % и 3,4 % соответственно), но сосну выбирали в основном жители Запада и Севера, а липу – жители Центра и Юга.

В целом мы видим, что в своем большинстве респонденты выбирают символом Украины те деревья, которые растут в районах их проживания.

Хотя полученные результаты довольно противоречивы в отношении выбора единого общенационального дерева-эмблемы для всей Украины, однако полезны для разработки символики на более низком уровне (региональном и местном).

Процентные значения голосов респондентов, которые набрали другие названные деревья, и которые не могут претендовать на статус символа Украины, это ясень, рябина, явор, вишня, вяз, акация, платан, граб, тис и многие другие (всего упомянуто 34 вида). Таким образом, по крайней мере два дерева – **дуб** и **калина** – по результатам изучения общественного мнения, могут попасть в систему национальной символики Украины.

В отношении цветов как символов следует отметить, что цветы – наиболее древняя группа растительных изображений в геральдике [4], однако она продолжает пополняться новыми видами и сейчас. В силу своей давности цветы в геральдике имеют не натуральные, а подчернуто геральдические, стилизованные условные изображения. Это относится в первую очередь к хризантеме, розе и лилии. Из других цветков чаще встречаются репейник, нарцисс, колокольчик, ромашка, мак, тюльпан, эдельвейс [8].

В результате же нашего исследования респондентами была проявлена довольно “бурная” фантазия и знание цветочной флоры, поскольку на звание “символа” Украины среди цветов было предложено 66 “претендентов”.

На первом месте здесь оказалась **ромашка** – (17,3 % голосов). Причем единодушные в первоочередности выбора этого цветка зафиксировано почти во всех ООТЕ, в каждой из которых среди выбранных цветов ромашка занимает лидирующие позиции. Исключениями являются города Сколе, Овруч, Новомосковск и Чаплинский район, где доля респондентов, указавших ромашку, не превышала 10 %. А максимума этот цветок достиг в Прилуках (40 %), Бердянске и Бердянском районе – 32,4 % и 46,2 % – соответственно. После того, как интервьюер напомнил респонденту о необходимости на-

звать именно дикорастущий цветок, то он, как правило, без колебаний называл ромашку. Кроме того, ромашка растет почти на всей территории страны и период вегетации у нее сравнительно дольше, чем у других цветов, поэтому она очень часто на виду и соответственно первой “всплывает” в сознании. На наш взгляд, этот полевой цветок больше ассоциируется у населения с дикой природой. К тому же, ромашка широко представлена в фольклоре и народных обрядах, поэтому издавна пользуется некоторым уважением у населения.

На втором месте среди цветов оказался **василек** (10,6 % голосов). Почти у всех ООТЕ (кроме Канева, Сколе, Сокирян и Чаплинского района) процентные значения достаточно высоки. Максимальны они в Овруче, Новом Раздоле и Коростенском районе – 20,7 %, 18,2 %, 20 % соответственно.

Высока доля респондентов, выбравших в качестве “символа” Украины **мак** – 8,5 % (третье место). Этот цветок не был упомянут лишь представителями Северного региона, а также Новомосковска и Вольногорска. В Криничанском же районе отмечен максимум – 40 %, т.е. в соседних ООТЕ зафиксированы экстремумы.

На четвертом месте среди популярных цветов отмечена **лилия** – 7,9 % голосов. Выбор этого довольно экзотического цветка был зафиксирован во всех ООТЕ, кроме Новомосковска и Чаплинского района, а максимальные значения (свыше 10 %) лилия набрала в западных областях и в некоторых ООТЕ Востока и Центра.

Следующим цветком в сформированном рейтинге символов Украины является **барвинок** – 5 % голосов. В основном такая ситуация сложилась за счет респондентов Чаплинского района, где почти все назвали этот цветок (95 %).

4,6 % респондентов выбрали в качестве символа Украины горный цветок – **руту**. В основном это были респонденты – представители предгорных районов (Сокирянского и Сколевского), которые по крайней мере видели этот цветок. Другие респонденты (из Львова, Новомосковска и Коростенского

района) назвали руту символом, на наш взгляд, в основном благодаря известной песне Владимира Ивасюка “Червона рута”, которая за 30 лет своей огромной популярности на просторах всего бывшего СССР приобрела определенную символичность и стала, в определенной мере, неофициальным гимном Украины.

Другие цветы, не набравшие и 4 % голосов – это сон-трава, ковыль, подснежник, ландыш, календула, чернобривцы (бархатцы), мальва (просвирник) и многие другие. Таким образом, среди цветов, живущих в дикой природе, символом Украины население желает видеть прежде всего **ромашку** или **василек**.

Эмблемы **птиц** также использовались в геральдике с древних времен, причем многие из них – в качестве главных гербовых фигур. В нашем случае респондентами была предложена 51 птица – претендент на “символ” Украины.

Среди них на первом месте оказался **аист** – 20,2 %. Не был назван он лишь в г. Умань и Чаплинском районе. Почти во всех других ООТЕ эта птица набирала абсолютное большинство голосов, особенно в Николаевском районе и Новомосковске, где почти половина опрошенных отдавала свои предпочтения аисту.

Вторым претендентом на титул символа Украины оказался **орел** (14,6 % голосов). В основном это респонденты Запада, Юга и Востока, где “голоса за орла” достигли достаточно высоких отметок. А в Центре и на Севере орел не оказался столь популярным, а в некоторых ООТЕ (Прилуки, Овручский район, Канев и Чигиринский район) вообще не был упомянут.

Также относительно высок процент респондентов, выбравших символом Украины **соловья** – 8,2 % (третье место). Четко вирисовывались и региональные различия в выборе этой птицы. Не был упомянут соловей лишь в Днепропетровской области (кроме г. Днепропетровска) и среди представителей Южного региона. Эта птица широко представлена в народном украинском творчестве.

Четвертой в данном рейтинге выступила **ласточка** – 6 %. В отличие от орла ласточку выбрали прежде всего представители Северного и Центрального регионов (максимум – в Черкасской области), немного меньше – в Восточном регионе.

Пятым претендентом на титул символа Украины стал **голубь** – 5,7 %. Его называли почти во всех ООТЕ, кроме Сколевского, Бердянского, Чаплинского, Оручского и Чигиринского районов. В основном голубя указывали жители городов, где, как правило, он проживает.

Эмблема голубя уже давно используется в символике и геральдике прежде всего как символ мира. Поэтому ассоциация голубя с “птицей-символом” достаточно надежно зафиксирована в сознании населения.

Еще одним претендентом с более чем 5 % голосов стал **сокол** (шестое место). Максимальные значения зафиксированы в западных, южных и центральных ООТЕ.

Характеристики этой птицы в основном совпадают с характеристикой орла.

Другие птицы, не набравшие и 5 % голосов респондентов, – это воробей, ворона, синица, жаворонок, фазан, куропатка, перепел, чибис, журавель и другие.

Итак, несомненным лидером среди всех “кандидатов” на статус “символа” Украины среди диких птиц является **белый аист**.

Изображения **зверей** также с древних времен использовались в геральдике во всех регионах мира. На первом месте в этой группе стоят лев и леопард, а также барс, рысь, тигр, ягуар, пантера, пума. Кроме того, для геральдики традиционны такие хищники, как медведь (бурый и белый), волк, лисица, куница, соболь, горноста́й [4]. Лесные звери, не являющиеся хищниками (лось, олень, косуля, бобр, белка, кабан (вепрь), заяц), особенно характерны для европейской геральдики [8]. Это подтверждается и результатами нашего исследования: респондентами было предложено в качестве символа Украины 44 зверя, среди которых большинство – не хищники.

На первом месте среди зверей оказался **заяц** (13,5 % голосов). Достаточно высокий

процент выбравших его зафиксирован почти во всех ООТЕ, кроме Новомосковска, Сколе и ООТЕ Черновицкой области. Максимальные значения его отмечены в Умани (38,5 %) и в Бердянском районе (34,6 %). На наш взгляд, такая ситуация сложилась прежде всего в силу того, что заяц распространен почти на всей территории Украины, и именно заяц в сравнении с другими дикими зверями еще довольно часто встречается людям в диком виде (на 1989 год его численность составляла 1801,8 тыс. особей [5]). Не следует также забывать и о широкой представленности этого животного в украинском фольклоре.

На втором месте среди зверей оказался дикий кабан, или **вепрь** (13,3 % голосов). Его рейтинг по всем ООТЕ довольно высок, а в Новомосковске, Бердянском, Днепропетровском и Петриковском районах достиг максимума (30–55 %). Дикий кабан несомненно, фигура более “геральдичная”, чем заяц, и поэтому уровень возможной символичности у него несколько больше.

Третьим претендентом на титул символа Украины стал **медведь** (9,0 % голосов). Максимальная доля выбравших его в ООТЕ Львовской и Черновицкой областей, несколько меньше – в Центральном регионе. В других регионах доля отдавших предпочтение медведю сравнительно невысока. В западных регионах Украины в основном и распространен бурый медведь. Поэтому для жителей Западной Украины, особенно Карпат и Прикарпатья, медведь несколько “ближе”, чем для жителей других регионов. К тому же этот зверь широко представлен в народном творчестве в разнообразных сказках, легендах, а на западе также в баснях и охотничьих историях. Кроме того, фигура медведя или медведицы с медвежатами в Карпатах и Прикарпатье очень часто встречается в виде скульптур, вырезбленных из дерева, причем такие скульптурные изображения часто расположены при въезде в населенный пункт. Так, можно говорить о некоторой представленности медведя в символике Карпатского и Прикарпатского регионов.

На несколько процентов по значениям доли голосов от медведя отстает **волк** (8,4 %). Доля выбравших волка символом Украины не снижалась ниже 3 % почти во всех ООТЕ (кроме Сколевского и Овручского районов), а в Криничанском районе достигла 40 %. В таких ООТЕ, как Сокиряны и Сокирянский, Чаплинский, Днепропетровский и Петриковский районы, это доля превысила 15 % голосов.

В отличие от медведя, волк распространен, кроме Карпатского региона, еще и в Полесье, где расположены несколько ООТЕ, поэтому региональная дифференциация “голосов за волка” несколько больше, чем за медведя.

8,3 % опрошенных выбрали в качестве “символа” Украины **лисицу** (пятое место). Высокая доля голосов была зафиксирована в центре, на севере и на юге страны.

Необходимо также упомянуть таких зверей, как **лось**, **косуля** и **олень**. Доля респондентов, выбравших каждого из них, колебалась в пределах 5 % между ООТЕ. Эти копытные могут стать “символами” отдельных регионов, поскольку выявились следующие тенденции:

1) максимальные значения доли голосов за лося в качестве символа Украины зафиксированы и вполне конкретно очерчены в ООТЕ Северного региона;

2) также целиком отделенным оказался Западный регион, в каждой ООТЕ которого доля голосов за оленя превышала 10 %;

3) в Центральном регионе повышена доля голосов за козулю как символ Украины.

Также можно выделить среди других зверей льва – 4,3 % голосов. Такое значение получилось преимущественно благодаря респондентам Львова и Львовской области.

Другие звери, набравшие менее 4 % голосов, – это хомяк, барсук, дикий кот, тур, рысь, собака, еж, зубр, бык, буйвол, конь,

як, тигр, крот, вол, пантера, соболь, бобр, куница, крыса, енот. В целом по результатам исследования четко выраженного зверя (с абсолютным большинством голосов за него) как символ Украины выделить довольно сложно. Первое и второе место, разделяют **заяц** и **дикий кабан** (13,5 % и 13,3 % соответственно), и столь низкий процент голосов за “лидеров” и небольшая разница между ними не позволяют объективно выбрать среди зверей единый символ, однако положительной стороной итогов опроса стало то, что более или менее четко выделились звери как символы отдельных регионов на Западе – медведь или олень; на Востоке – волк или дикий кабан; на Юге – заяц.

Литература

1. Баскаков Э. (1967): Биографии гербов, флагов, гимнов зарубежных стран. М: Политическая литература. 1-138.
2. Борейко В.Е. (2001): Современная идея дикой природы. К.: КЭКЦ. 1-150.
3. Горб К.Н., Сесин В.А. (2001): Дикая природа в оценках населения Украины: общая концепция и первые результаты перцепционно-географического исследования. - Гуман. экол. журн. 3 (спецвыпуск): 45-60.
4. Драчук В.С. (1977): Рассказывает геральдика. М.: Наука. 1-256.
5. Заставний Ф.Д. (1994): Географія України. Львів: Світ. 1-470.
6. Иванов К.Л. (1964): Флаги государств мира. М.: Наука. 1-132.
7. Карлот Х.Э. (1994): Словарь символов. М.: Наука. 1-146.
8. Похлебкин В.В. (1995): Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения. 1-223.
9. Рондели Л.Д. (1984): Народное декоративно-прикладное искусство (книга для чтения). М.: Наука. 1-112.
10. Румянцева В.В. (1987): Історія, карбована в гербах. К.: Знання. 11-93.
11. Рыжиков А.И. (1993): Заповедное дело и его восприятие человеком. - Вопросы психологии. 5: 66-74.
12. Сергійчук В.І. (1990): Доля української національної символіки. К.: Знання. 1-61.

ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИРОДООХРАННОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

К.Н. Горб, кандидат географических наук, В.А. Сесин

*Днепропетровское отделение Украинского географического общества
49044, г. Днепропетровск просп. К. Маркса, 36, комн. 48; e-mail: envi@melp.dp.ua*

В настоящее время специалисты приходят к выводу, что современный экологический кризис – это кризис сознания. Отношение к природе, сформировавшееся в сознании людей (которое часто называют экологическим сознанием), вызывает соответствующие мотивации к действиям и определяет характер самих действий. Отношение к природе современного человека, по мнению многих ученых, является пагубным и тупиковым для всего человечества, и поэтому требует корректировки [9]. Однако, чтобы разрабатывать какие-либо программы и рекомендации, необходимо изучить современное состояние экологического сознания людей, тем более, что этот вид сознания, как и всякое явление в географической оболочке, далеко не однородно в пространственном аспекте, поскольку формируется в условиях конкретной местной ситуации.

В этой связи по окончательным результатам социологического исследования по анкете “Дикая природа глазами населения Украины”, общая концепция которого представлена в предыдущей нашей статье [4], мы предприняли попытку диагностики природоохранного сознания (как важнейшей составной части экологического сознания) населения Украины и некоторого его географического осмысления и анализа.

Типология отношений к дикой природе была разработана нами на основании анализа классификаций и типологий восприятия природы в философии, психологии, педагогике и средствах массовой информации ([5] и др.), а также типологии ценностей дикой природы ([1], [8]). Кроме того, учитывалось также разнообразие трактовок данных

ценностей в вариантах ответов, предложенных в вопросах анкеты. Исходя из этого, все возможные типы отношения человека к природе нами были разделены на две группы: утилитарные и гуманные (морально-духовные). Утилитарными названы отношения, направленные на удовлетворение утилитарных, прагматических потребностей человека и общества, в ущерб интересам природы. Отношения, направленные на удовлетворение духовных потребностей человека или интересов самой природы, названы гуманными. Они характеризуются отношением к природе, как к человеку, – с уважением и доброжелательностью, и не предполагают ущерба интересам природы. При этом следует отметить, что гуманное отношение к природе в нашем случае ни в какой мере полностью не отождествляется с эгоцентрическим мировоззрением, а утилитарное – с антропоцентрическим ([2], [3] и др.). В результате данных логических построений выделено шесть типов (степеней) утилитарного отношения и шесть же аналогичных (прямо противоположных, симметричных) типов (степеней) гуманного отношения. Каждый из данных типов был наложен, соответственно, на симметричную шкалу коэффициентов утилитарности или гуманности отношения к природе. В основу введения коэффициента утилитарности была положена степень возможности получения денежной (прямой или косвенной) прибыли и пользы от использования дикой природы, коэффициента гуманности – степень невозможности получения выгоды. Варианты, предполагающие затруднение респондента ответить на вопрос, приобрели нуле-

вой коэффициент и представляют нейтральный тип отношения к природе. Таким образом, всего выделено 13 таких типов – 6 утилитарных, 6 гуманных и один нейтральный.

С учетом изложенного нами был рассчитан уровень утилитарности и уровень гуманности природоохранного сознания жителей для каждой из опорных общест­венно-территориальных единиц (ООТЕ), в которых проводился опрос, а также и для Украины в целом. Для расчета уровня утилитарности использовались следующие формулы:

$y_{yi} = 1,2 x_{ari} + x_{pki} + 0,8 x_{nzi} + 0,6 x_{nchi} + 0,4 x_{oai} + 0,2 x_{эки}$,
где y_{yi} – уровень утилитарности природоохранного сознания населения i -й ООТЕ ($i = \{1, n\}$, $n = 26$);

$$X_{ari} = \frac{\sum_{p=1}^s a_{pri}}{S},$$

где X_{ari} – доля выбравших “агрессивные” варианты ответов на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, S – частота встречаемости данного типа в вопросах анкеты, $S = 18$) в i -й ООТЕ.

По аналогичным формулам вычислялись следующие показатели:

X_{pki} – доля выбравших “рекреационно-оздоровительный” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 2$) в i -й ООТЕ;

X_{nzi} – доля выбравших “рекреационно-познавательный” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 1$) в i -й ООТЕ;

X_{nchi} – доля выбравших “научный” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 2$) в i -й ООТЕ;

X_{oai} – доля выбравших “образовательный” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 1$) в i -й ООТЕ;

$X_{эки}$ – доля выбравших “экологический” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 9$) в i -й ООТЕ.

Уровень гуманности природоохранного сознания населения i -й ООТЕ рассчитывается следующим образом:

$y_{gi} = 1,2 x_{сци} + x_{рци} + 0,8 x_{исци} + 0,6 x_{всци} + 0,4 x_{ргци} + 0,2 x_{эсци}$,
где y_{gi} – уровень гуманности природоохранного сознания населения i -й ООТЕ ($i = \{1, n\}$, $n = 26$);

Другие показатели вычислялись по формулам, аналогичным приведенной выше:

$X_{сци}$ – доля выбравших “самоценностный” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 15$) в i -й ООТЕ;

$X_{рци}$ – доля выбравших “равноценностный” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 8$) в i -й ООТЕ;

$X_{исци}$ – доля выбравших “исторический” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 1$) в i -й ООТЕ;

$X_{всци}$ – доля выбравших “воспитательный” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 3$) в i -й ООТЕ;

$X_{ргци}$ – доля выбравших “религиозный” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 3$) в i -й ООТЕ;

$X_{эсци}$ – доля выбравших “эстетический” вариант ответа на p -й вопрос ($p = \{1, S\}$, $S = 2$) в i -й ООТЕ.

К сожалению, в анкете варианты разных типов отношения к природе встречаются довольно неравномерно, в связи с чем в приведенных формулах учтена частота их встречаемости в вопросах анкеты. Таким образом, как общие уровни гуманности и утилитарности природоохранного сознания, так и симметрично расположенные друг к другу их соответствующие составляющие могут максимально набрать одинаковые оценочные значения, что дает возможность их сопоставления и сравнения в количественном выражении.

Итак, соотношение уровней гуманности и утилитарности природоохранного сознания населения, по данным расчетов, в целом по Украине следующие: уровень гуманности (Y_p) достигает 69,4 балла, уровень утилитарности (Y_y) – 60 баллов, то есть в Украине преобладают гуманные формы отношения к природе. Из них наибольшей популярностью (без учета коэффициентов) пользуются самоценностное отношение (27,8 балла) и равноценностное отношение (26,5 балла); от 6 до 7 баллов достигли эстетическое и “воспитательное”, от 3 до 4 – историческое и религиозное отношения. Из утилитарных высокие баллы имеют рекреационно-оздоровительное отношение (21,4 балла), агрессивное (18,3) и экологическое (17,9), более низкие – рекреационно-позна-

Типология опорных общественно-территориальных единиц Украины по соотношению уровней гуманности и утилитарности природоохранного сознания населения

Тип ООТЕ, его характерные особенности	ООТЕ опорных перцепционных регионов Украины, соответствующие данному типу					
	Центр	Восток	Север	Юг	Запад	
Резкое преобладание утилитарного уровня над гуманным (Уу превышает Уг более чем на 10 оценочных единиц)	г. Умань (Хэк/Хсц)*	Криничанский район (Хаг/Хрц)	г. Прилуки (Хаг/Хрц)	—	—	
	Каневский район (Хрк/Хсц)					
Незначительное преобладание утилитарного уровня (Уу превышает Уг менее чем на 10 оценочных единиц)	—	г. Вольногорск (Хаг/Хсц)	Овручский район (Хпз/Хсц)	Чаплинский район (Хаг/Хрц)	г. Сокиряны (Хрк/Хсц)	
		г. Новомосковск (Хаг/Хсц)				
Незначительное превышение (менее чем на 10 баллов) гуманного уровня над утилитарным	г. Киев (Хрк/Хсц)	г. Днепропетровск (Хрк/Хсц)	—	Бердянский район (Хрк/Хсц)	Сокирянский район (Хпз/Хсц)	
	г. Черкассы (Хпз/Хсц)					
	Чигиринский район (Хрк/Хсц)					
Резкое преобладание (более чем на 10 баллов) гуманного уровня над утилитарным	г. Канев (Хэк/Хсц)	Днепропетровский и Петриковские районы (Хрк/Хрц)	г. Овруч (Хрк/Хсц)	г. Бердянск (Хрк/Хсц)	г. Львов (Хаг/Хсц)	
					г. Украинка (Хрк/Хсц)	Коростенский район (Хпз/Хсц)
	г. Украина (Хрк/Хсц)		г. Бердянск (Хрк/Хсц)			г. Сколе (Хрк/Хрц)
						Сколевский район (Хаг/Хрц)
	Николаевский район (Хрк/Хсц)					

* в числителе – составляющая уровня утилитарности, вышедшая в данной ООТЕ на первое место, в знаменателе – ведущая в ООТЕ составляющая уровня гуманности; выделена в дроби большая по значению из двух данных составляющих (без учета соответствующих коэффициентов); расшифровку параметров см. в пояснениях к формулам.

вательное отношение (11,8 баллов), научное (4 балла) и образовательное (3,2 балла).

По соотношению уровней гуманности и утилитарности мы можем выделить четыре типа ООТЕ, в региональном разрезе отраженные в таблице.

Анализируя данную таблицу, можно заключить, что определенная причина такого распределения особенностей отношения к природе по разным городам и районам кроется в некоторой “отсталости” и традиционной антропоцентричности экологического воспитания и образования в соответствующих учреждениях данных ООТЕ.

Анализируя региональные различия в значениях отдельных составляющих **утилитарного отношения к природе** (без учета коэффициентов) по территории Украины, мы видим следующее.

1. Наиболее популярное в целом по Украине – **рекреационно-оздоровительное** отношение вышло на первое место в Днепропетровске, Киеве, Каневе, Украинке, Овруче, Бердянске, Новом Роздole, Сколе, Сокирянах, а также в сельских районах: Днепропетровском и Петриковском, Чигиринском, Каневском, Бердянском и Николаевском. В основном это те ООТЕ, которые характери-

зуются превышением уровня гуманности в природоохранном сознании населения (типы 3 и 4 в табл.). На втором месте рекреационно-оздоровительное отношение в шести ООТЕ и еще в шести – на третьем. Интересно, что только во Львове этот тип отношений не поднялся даже на третье место и набрал минимальный (в сравнении с другими ООТЕ) балл ($X_{pk} = 10,4$).

2. **Агрессивный** тип отношений преобладает в Новомосковске, Вольногорске, Прилуках и, что довольно странно, – во Львове, где в целом очень низкий уровень утилитарности, а также в Криничанском, Чаплинском, Сколевском районах. На второе место он вышел в шести ООТЕ (в основном в сельских районах), и на третье – в десяти ООТЕ. Наименее агрессивно настроенными к природе оказались жители Коростенского района и Канева.

3. Отношение к дикой природе как к **стабилизатору экологической обстановки** преобладает лишь в Умани, где оно достигло отметки в 34,8 балла – максимального балла среди всех типов утилитарных отношений. В 13 ООТЕ такое отношение поднялось на второе место, и в восьми – на третье. Наименее “экологичны”, как показал опрос, жители Николаевского района, Львова и Новомосковска.

4. Отношение к дикой природе как к **познавательнорекреационному ресурсу** оказалось на первом месте в Черкассах, Овручском, Коростеньском и Сокирянском районах. Также довольно высокий балл оно набрало в Сокирянах, Каневском и Бердянском районах.

5. **Образовательный и научный** типы отношений к природе ни в одной ООТЕ не набрали более 10 баллов.

Обратимся теперь к географическому анализу составляющих (типов) **гуманного отношения к природе** (также без учета “поправочных” коэффициентов).

1. Понимание **самоценности дикой природы** и соответствующее отношение к ней преобладает в 18-ти из 26-ти ООТЕ, в остальных восьми преобладает **равноценностное** отношение, которое превысило самоценно-

стное в двух сельских ООТЕ на востоке страны, в одном сельском – в центре (Чигиринский район), на севере – в Прилуках, на юге – в Чаплинском районе, на западе – в Новом Раздоле, Сколе и Сколевском районе.

2. Видение наибольшей ценности дикой природы в ее **красоте и “воспитательных”** свойствах в целом присуще жителям Украины в несколько меньшей степени, чем в ее самоценности и “равноценности” в правах с человеком. Поэтому выше третьего места эти типы отношений не поднялись ни в одной ООТЕ. Эстетическое отношение заняло третье место в 7-ми ООТЕ: в двух – на востоке и на юге, по одному в центре, на севере и на западе. Еще в восьми ООТЕ третье место занял “воспитательный” тип отношений, причем все данные ООТЕ – города (Вольногорск, Киев, Канев, Украинка, Прилуки, Бердянск, Львов, Сколе). Возможно, это потому, что горожане сильнее ощущают недостаток общения с природой и считают, что “благородная природная дикость” может оказать благоприятное влияние на формирование характера современного человека (в особенности – городского жителя).

3. **Религиозное и “историческое”** отношения, как наименее востребованные, в некоторых ООТЕ все же смогли подняться на третье место. Религиозное – в Николаевском и Сокирянском районах на западе страны, а историческое – в Новомосковске, Криничанском и Каневском районах. Максимальное оценочное значение историческое отношение приобрело в Бердянском районе.

Обобщая результаты анализа на уровне регионов, можно заключить следующее.

В **Восточном** регионе преобладает утилитарный подход в отношении к природе: восприятие дикой природы как резерва материальных ресурсов и как стабилизатора экологической ситуации, а также как рекреационного ресурса. Очевидно, здесь сказываются особенности традиционного природопользования (регион освоен относительно недавно и обильно насыщен природными ресурсами для материального производства) и экологическое неблагополучие региона. Однако при этом жители довольно

глубоко осознают самоценность дикой природы и ее историческую ценность.

Для жителей **Центрального** региона характерно преобладание **гуманных**, глубоко экзотичных установок в отношениях с природой. Однако здесь в качестве исключения можно отметить Умань и Каневский район, где отмечается резкое преобладание утилитарных отношений, среди которых наиболее популярны рекреационно-оздоровительный и экологический подходы. Но при этом они компенсируются высокой степенью понимания самоценности природы или же ее равноценности в правах с человеком, а в отдельных ООТЕ – ее красоты и воспитательных свойств.

В **Северной** группе ООТЕ нам не удалось выявить общий перевес одного из уровней (гуманности или утилитарности) природоохранного сознания. Разные типы ООТЕ данного региона, представленные в таблице, размещены по территории мозаично. В Овруче и Коростенском районе преобладает гуманность (выявляется общий уровень образованности жителей), а в Прилуках и Овручском районе – утилитарность. Однако в структуре природоохранного сознания мы можем выделить ряд общих черт. С одной стороны, преобладают рекреационно-оздоровительный и рекреационно-познавательный и, частично, научный и образовательный типы отношений, с другой стороны – самоценностный, равноценностный и эстетический типы.

На **Юге** Украины в целом несколько преобладает гуманный подход в отношениях к дикой природе. Среди утилитарных здесь наиболее популярны рекреационно-оздоровительный и агрессивный (хотя в меньшей степени, чем на востоке), а также экологичный типы отношений. Среди гуманных типов можно отметить, что равноценностный здесь преобладает над самоценностным (в отличие от других регионов), значительное место занимают эстетическое и историческое (особенно в Бердянском районе) отношения.

В **Западном** регионе сконцентрированы ООТЕ, большинство из которых относится к

четвертому типу (см. табл.) – с резким преобладанием **гуманного**, экзотического отношения их жителей к дикой природе. Однако здесь нет единства в понимании ее самоценности или равноценности в правах с человеком: жители части ООТЕ “возвеличивают” самоценность, другой части – настаивают на равных с человеком правах на существование. Значительное место здесь занимают также религиозное и воспитательное отношения. Из утилитарных здесь популярны рекреационные и экологические, в “ущерб” агрессивным. Во многом сказывается высокая степень религиозности жителей, а также и традиционная система воспитания, при которой заботливое отношение к природе родного края прививается еще в детском возрасте, а большинство жителей здесь, как правило, с раннего детства тесно связаны с сельской местностью и окружающей ее природой.

Попытаемся также кратко рассмотреть и структуру природоохранного сознания населения Украины с учетом типологии населенных пунктов, выделенных по историко-функциональным особенностям.

Высокий уровень гуманности в отношениях к природе отмечается в малых городах (как исторических, так и новоиндустриальных). Для этих городов также характерно преобладание рекреационно-оздоровительного типа отношений среди утилитарных, и “равновесие” самоценностного и равноценностного типов отношений среди гуманных.

Для крупных и средних городов более характерно преимущество утилитарного уровня, часто – значительное. В структуре сознания здесь ярче выделяются агрессивный и экологичный типы отношений, что, очевидно, связано с острой экологической ситуацией в этих городах, а также, как и в малых городах, – равномерность в осознании самоценности природы и ее равноценности в правах с человеком.

Среди крупнейших городов в Киеве и Днепропетровске наблюдается сходное по уровню и структуре природоохранное сознание населения, и оно значительно отличается от природоохранного сознания львовян. Попытаемся их сравнить.

1. У киевлян и днепропетровцев уровень гуманности в природоохранном сознании немного превышает уровень утилитарности, а у львовян это превышение выражено гораздо сильнее, уровень утилитарности у них крайне низок.

2. Среди утилитарных типов отношений в Днепропетровске и в Киеве лидирует рекреационно-оздоровительное, на втором месте – экологическое, на третьем – агрессивное. Во Львове ситуация несколько иная: преобладает агрессивное отношение, затем – познавательное и на третьем месте – экологическое.

3. Жители всех трех городов отдают предпочтение отношению к дикой природе как к самооценности. “Равноценностное” отношение здесь выражено слабее. Из других типов гуманных отношений во Львове и Киеве выделяются “воспитательное”, а в Днепропетровске – эстетическое.

Такая ситуация в целом объясняется тем, что Киев и Днепропетровск довольно однородны как в культурно-историческом, так и в социально-экономическом отношении, а Львов всегда выделялся своей ориентацией на “западный” способ жизни и мышления.

При анализе же как уровня, так и структуры природоохранного сознания жителей сельских населенных пунктов нами не отмечено каких-нибудь значительных расхождений между ними ни при учете историко-функциональных особенностей, ни при учете удаленности от заповедников и (или) национальных парков. Однако можно выделить ряд общих для всех типов сельских ООТЕ особенностей. Несмотря на то, что в одних селах преобладает утилитарность, в других – гуманность отношений к дикой природе, для них в целом характерна уменьшенная, в сравнении с городами, роль экологического отношения, но повышена роль познавательного. Для сел характерно также восприятие дикой природы больше не как самооценности, а как имеющей равную ценность в правах с человеком. Сильнее, чем в городах, здесь выражено также восприятие эстетической, религиозной и исторической цен-

ности дикой природы, однако наблюдается определенная “недооценка” ее воспитательного значения.

Завершая настоящий обзор восприятия дикой природы населением Украины и характера его природоохранного сознания, следует отметить, что респонденты, как правило, высоко ценят права дикой природы на существование лишь на “теоретическом” уровне, в философских рассуждениях, предположениях, оценках, размышлениях. Когда же вопросы приобретали более конкретную окраску в плане практических действий по защите этих прав, а также в плане обеспечения себя жизненно необходимыми природными материалами, гуманно-возвышенный настрой опрашиваемых несколько уменьшался и начинала возрастать утилитарность.

Литература

1. Борейко В.Е. (1997): Идеальные ценности дикой природы. - Любовь к природе. Мат-лы междунар. школы-семинара “Трибуна – 6”. К.: Киевский эколого-культурный центр. 98-104.
2. Борейко В.Е. (2001): Современная идея дикой природы. К.: Киевский эколого-культурный центр. 1-124.
3. Борейко В.Е. (2000): Эссе о дикой природе. К.: Киевский эколого-культурный центр. 1-148.
4. Горб К.Н., Сесин В.А. (2001): Дикая природа в оценках населения Украины: общая концепция и первые результаты перцепционно-географического исследования. - Гуман. экол. журн. 3 (спецвып.): 45-60.
5. Дерабо С.Д., Ясвин В.А. (1995): Методики диагностики и коррекции отношения к природе. М.: ЦКФЛ РАО. 1-147.
6. Заставний Ф.Д. (1994): Географія України. Львів: Світ. 1-472.
7. Иванова Т.В. (1999): Экологические ценности в общественном сознании. - Вопросы психологии. 3: 83-88.
8. Кэликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. журн. 1 (2): 40-67.
9. Уайт Л. мл. (2000): Исторические корни нашего экологического кризиса. - Гуман. экол. журн. 2 (1): 49-55.
10. Лосев А.В., Провадкин Г.Г. (1998): Социальная экология. М.: Владос. 1-312.
11. Соціологія. За ред. Городяненка В.Г. К.: Видавничий центр “Академія”, 1999. 1-384.
12. Хилько М. (1999): Від психології підкорення до психології захисту природи. - Віче. 6: 70-79.

ЗНАЧЕНИЕ СВЯЩЕННЫХ РОЩ В СОХРАНЕНИИ РЕДКИХ И ИСЧЕЗАЮЩИХ ВИДОВ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ УДМУРТИИ

В.И. Капитонов, О.А. Капитонова

*Удмуртский госуниверситет, Национальный музей Удмуртской Республики
Россия, 426011, г. Ижевск, ул. 10 лет Октября, 55а-214; e-mail: kvi@uni.udm.ru*

Священные рощи представляют собой образцы наиболее древних форм охраняемых территорий, связанных с ритуальными (религиозными) обрядами (Борейко, 1998, 2000). Это своего рода неофициальные “народные” заповедники, где в качестве законов, регламентирующих поведение людей, служат обычаи, традиции, предания местного населения. Заповедный режим хозяйствования в священных рощах позволил сохранить некоторые лесные участки практически неизменными на протяжении последних столетий. Вкрапываясь островками в целом уже давно преобразованную человеком природу, они несут в себе черты эталонного коренного типа растительности с уникальными комплексами редких видов организмов (Морохин, 1997).

Священные рощи, сохранившие свою естественную целостность и редко посещаемые местными жителями (в основном только во время языческих обрядов и праздников) имеют большую экологическую ценность и, несомненно, представляют интерес как места обитания редких и исчезающих видов грибов, растений и животных.

Летом 2000 г. при финансовой поддержке республиканского Комитета по охране окружающей среды были проведены экспедиционные работы по комплексному изучению природно-культурных объектов на территории Удмуртии. При этом особое внимание нами уделялось выявлению “красно книжных” видов растений и животных в целях придания наиболее ценным в экологическом отношении религиозным святыням официальный статус особо охраняемой природной территории (ООПТ). В 39

исследованных удмуртских, бесермянских и марийских священных рощах обнаружено 45 охраняемых на территории республики видов растений (Список..., 1997; Редкие..., 2000). Среди них 3 вида относятся ко 2 категории редкости, в том числе орхидея венерин башмачок настоящий, включенный в Международную Красную книгу.

Следует отметить, что многие редкие растения, встречающиеся на территории священных рощ, часто используются в народе как декоративные (астра ромашковая, купальница европейская, лилия опушенная, змееголовник Рюйша, хатма тюрингенская, спаржа лекарственная, пиретрум щитковый, виды колокольчика и др.) и лекарственные виды (синюха голубая, виды валерианы, чемерица Лобеля, плаун годичный). Выявленные нами представители семейства орхидных (венерин башмачок настоящий, любка двулистная, дремлик широколистный), к тому же, как правило, приурочены к очень узкому кругу экологических условий, с изменением которых эти виды быстро выпадают из состава травостоя. Очевидно, проводимые в действующих священных рощах разнообразные культовые обряды и праздники (как в прошлом, так и в настоящее время) не приводят к исчезновению этих весьма уязвимых видов растений, что является свидетельством бережного отношения местных жителей к своим природным святыням.

Наряду с редкими видами растений в некоторых исследованных священных рощах отмечено обитание “красно книжных” видов животных.

Наиболее богатый видовой состав животных наблюдается в слабо трансформиро-

ванных рощах, в которых сохранились старовозрастные деревья. Здесь создаются относительно благоприятные условия для существования разнообразных в экологическом отношении комплексов животных. Так, в священной роще около д. Укан Ярского района нами обнаружен филин, который включен в национальную и региональную Красные книги. Эта крупная, и в то же время достаточно редкая сова в Удмуртии населяет в основном старые леса. Одним из лимитирующих факторов для данного вида выступает недостаток типичных местообитаний, какими являются старые малопосещаемые людьми боры.

В южных слабозалесенных районах республики священные рощи с участием липы и дуба выступают в роли естественных убежищ (рефугиумов) для видов, тесно связанных в своем распространении с широколиственными лесами. Особенно велика роль старых дубов в сохранении ряда реликтовых и редких неморальных видов животных. Так в окрестностях д. Кузубаево (Алнашский район) единственный вековой дуб сохранился в священной роще “Луд”, где нами отловлен редкий представитель насекомых – обыкновенный отшельник, включенный в новую редакцию Красной книги России (Перечень..., 1997). В другой священной роще, “Куала”, также расположенной вблизи д. Кузубаево, отмечен еще один уязвимый жук – усач кожевник, местообитания которого также тесно связаны с участками широколиственных лесов.

Из редких видов птиц в окрестностях священной рощи “Луд” (Алнашский район) мы наблюдали стаю золотистых щурок из 15 особей. Эти ярко окрашенные представители отряда ракшеобразных находятся в республике на северном пределе распространения и рекомендованы для включения в Красную книгу Удмуртии (Зубцовский, 2000). В мариинской священной роще у д. Быргында Караулинского района обнаружены такие редкие “краснокнижные” виды птиц как осоед обыкновенный и лазоревка белая. У последнего вида выявлено гнездо, расположенное в дупле старой липы.

Помимо этого интересная находка была сделана в уже упоминавшейся священной роще “Куала”, где на склоне коренного берега р. Порся найден редкий гриб веселка обыкновенная. Этот вид на территории Удмуртии имеет всего несколько местонахождений и включен в список редких и исчезающих видов (2 категория редкости).

Следует иметь в виду, что многие животные обладают высокой миграционной активностью и гетеротопной цикличностью, вследствие чего полная оценка их таксономического разнообразия на ограниченной территории связана с необходимостью проведения многолетних мониторинговых наблюдений. При краткосрочных исследованиях, имеющих рекогносцировочный характер, в первую очередь выявляются наиболее обычные и широко распространенные виды. Тем не менее, приведенные выше данные позволяют рассматривать священные рощи в качестве локалитетов целого ряда редких и уязвимых видов. Особенно важна роль сакральных территорий в поддержании флористического и фаунистического разнообразия природных комплексов в условиях антропогенного ландшафта.

Таким образом, священные рощи с характерным для них заповедным режимом являются местом обитания многих редких видов организмов и в связи с этим имеют большое значение в сохранении биологического разнообразия республики.

Литература

- Борейко В.Е. (1998): Святые дикая природы. Наброски к идеологии заповедного. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-112.
- Борейко В.Е. (2000): Лесной фольклор. Древа жизни и священные рощи. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-212.
- Зубцовский Н.Е. (2000): Редкие и исчезающие животные. - Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Изд-во “Удмуртия”. 588-590.
- Морохин Н.В. (1997): Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-224.
- Перечень (список) объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (по состоянию на 1 ноября 1997 г.). -

Приказ Госкомэкологии России от 19.12.97 г. № 569.
Редкие и исчезающие растения Удмуртии. - Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Издательство "Удмуртия", 2000. 590-592.

Список редких и исчезающих растений Удмуртской Республики. - Постановление Правительства Удмуртской Республики от 1 сентября 1997 г. № 822.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СВЯЩЕННЫХ РОЩ НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ

В.И. Капитонов, О.А. Капитонова, С.Х. Лебедева, А.А. Перевощиков

*Удмуртский госуниверситет, Национальный музей Удмуртской Республики
Россия, 426011, г. Ижевск, ул. 10 лет Октября, 55а-214; e-mail: kvi@uni.udm.ru*

Наиболее древней формой охраны природы, имеющей многовековую историю развития, является охрана религиозных природных объектов, связанных с древними языческими обрядами и праздниками (Борейко, 1998, 2000). В качестве религиозных святынь могут выступать источники, камни, скалы, участки леса, отдельно стоящие деревья. Для удмуртского этноса, развитие которого тесно связано с лесной зоной, характерно почтительное отношение к отдельным лесным участкам, так называемым "священным рощам", хотя имелись и другие культовые места, привязанные к отдельным деревьям, камням, родникам, рекам, полям, лугам, болотам (Владыкин, 1993; Верещагин, 1998; Луппов, 1999). Почитание растительных объектов было широко распространено и у других финно-угорских народов (Петухов, 1995; Морохин, 1997; Михайлова, 2000) и восходит, очевидно, к культуре деревьев, что было связано с преимущественно лесным охотничьим хозяйством.

Бережное отношение к природным святыням позволило сохранить некоторые из священных рощ до настоящего времени. Однако в период насильственной христианизации удмуртского народа (середина XVI – конец XIX вв.) (Шкляев, 1998), а также во время повсеместного сведения лесных массивов для хозяйственных нужд в XIX–XX вв. большинство священных рощ было безвозвратно утеряно, а многие из оставшихся претерпели существенную антропогенную

трансформацию. К сожалению, в неизменном виде удалось сохранить лишь немногие из них. Эти рощи в настоящее время представляют собой самобытные природно-культурные памятники, обладающие значительными комплексными ценностями (Морохин, 1997; Борейко, 1998).

Описывая удмуртские святыни, известный этнограф Г.Е. Верещагин отмечает, что *"в ... местах молен, равно как и во всех священных местах, воспрещается срубить какое бы то ни было дерево, под опасением жестокой кары обитающих в них богов или духов. Понятно, что деревья в подобных лесах остаются нетронутыми во все время существования деревни, которой принадлежит священный лес. Из этого изымаются только такие деревья, которые обрезаются огню в виде дров на варку жертвы"* (Верещагин, 1998, с. 22). О почитании удмуртами священных рощ писал и П.Н. Луппов: *"Каждое дерево в ней [роще] считается священным, а потому ни в каком случае не может быть срублено"* (Луппов, 1999, с. 46).

Необходимость сохранения священных рощ удмуртов и мари ясно осознавалась еще в начале XX в. В.П. Налимов (1928) отмечал, что *"через несколько десятков лет истории культуры, религии, наверно, будут ценить на вес золота простые фотографические снимки с этих рощ"*. Уже тогда автор говорил о заповедности этих лесных участков и подчеркивал, что священные рощи *"не*

служат для хозяйственных целей, а представляют собой памятники природы, которые, кроме того, имеют историко-культурное значение”.

Спустя десятилетия, на рубеже XX и XXI вв. мы становимся свидетелями нового возрождения интереса к святилищам языческой религии. Однако на фоне достаточно обширных сведений в области археологии, истории, этнографии удмуртского народа, в литературе очень мало данных о природных особенностях священных рощ удмуртов. Имеются лишь фрагментарные сведения о почитаемых среди удмуртов видах деревьев (Владыкин, 1994) и краткие описания некоторых дохристианских удмуртских святилищ (Шутова, 2000). Практически не изучены природно-культурные объекты других этнических групп, проживающих в республике: мари, бесермян, татар, чувашей.

С целью выявления и комплексного изучения священных рощ, расположенных на территории современной Удмуртии, летом 2000 г. была организована экспедиция, в состав которой вошли ученые Национального музея Удмуртской Республики и Удмуртского государственного университета¹. Исследованиями было охвачено 13 административных районов республики, общая протяженность маршрута составила около 3800 км. В ходе исследований было выявлено и изучено 39 сохранившихся удмуртских, марийских и бесермянских священных рощ, составлена их географическая, флористическая, геоботаническая и зоологическая характеристика, дополненная историко-этнографическими и фольклорными сведениями об этих объектах.

Изучение географического размещения природно-культурных объектов показало, что они, как правило, расположены вблизи населенных пунктов на расстоянии не более 4 км, в среднем – 1,6 км. Некоторые объекты находятся в непосредственной близости или даже в черте населенных пунктов. Размеры культовых мест укладываются в широкий

диапазон – от 2–3 отдельно стоящих деревьев до 1–2 га лесных массивов. Многие из них подвергнуты антропогенной трансформации в результате хозяйственной деятельности человека.

Практически все изученные священные рощи располагаются в непосредственной близости от водных объектов – рек, ручьев или родников. Лишь в нескольких случаях ближайшие водные объекты расположены на расстоянии более 1 км от рощи. Из 39 выявленных священных рощ на склонах временной эрозионной сети (балки, лога и овраги) размещается 14 объектов, из них в 5 случаях рощи располагались на стыке двух балок или логов. На склонах долин ручьев (верхних звеньев речной сети) расположено 10 объектов; на крутых коренных склонах речных долин – 11 объектов; в одном – на надпойменной террасе; в 2 случаях священные рощи размещались на вершинах холмов – пугах; в одном – на водораздельной террасированной площадке. Это говорит о том, что в большинстве случаев священные рощи располагаются на крутых склонах молодых и древних эрозионных врезов, называемых в просторечии логами.

Если населенный пункт расположен вблизи реки, то предпочтение в выборе места культовых обрядов отдается крутым коренным склонам речной долины (10 случаев). При этом наибольшее количество культовых объектов (21 священная роща) расположено на склонах теплых румбов (западной, юго-западной, южной и юго-восточной экспозиции), причем их количество распределилось достаточно равномерно (4–6 объектов по каждому из направлений). Остальные объекты приурочены к склонам холодных румбов (восточная, северо-восточная, северная, северо-западная экспозиции). Данное обстоятельство, по-видимому, свидетельствует об участии в некоторых обрядах солнца (возможно, его закат или восход).

Таким образом, по отношению к рельефу местности можно выделить рощи, расположенные на возвышенных участках (вершина пуги, ксероморфный склон коренного берега реки), и рощи, приуроченные к

¹ Проект финансировался Комитетом по охране окружающей среды Удмуртской Республики.

пониженным участкам (глубокий овраг, лог, балка).

В результате ботанических исследований выявлено, что флористический состав изученных священных рощ колеблется в довольно широких пределах: от нескольких до 114 видов. В целом же в пределах всех изученных лесных участков отмечено произрастание 381 вида высших растений из 241 рода и 72 семейств. Установлено, что характер растительности исследованных объектов зависит от многих факторов, основными из которых являются географическое положение, особенности рельефа местности и степень антропогенной трансформации природных комплексов.

В зональном отношении исследованные священные рощи условно можно подразделить на северные, входящие в подзону южной тайги, и южные, расположенные в подзоне смешанных хвойно-широколиственных (подтаежных) лесов (Растительность..., 1980). Основными

лесообразующими породами в рощах первой группы выступают ель финская, пихта сибирская, сосна лесная, реже – береза повислая. Флористический состав таких рощ составлен типичным комплексом бореальных видов: в подлеске обычны черемуха, бузина, можжевельник, калина, травянистый покров образован мезофильными, мезогигрофильными и гигрофильными видами растений. В южных районах Удмуртии в составе древостоя на первое место выходят широколиственные породы, чаще всего липа сердцевидная и дуб обыкновенный, несколько реже – клен платановидный, вяз шершавый, хотя роль березы в качестве священного дерева также ос-

Удмуртская священная роща “Луд” (окр. д. Кузубаево, Алнашский район). 3.08.2000 г. Фото В.И. Капитонова.

тается довольно значительной. В подлеске появляются бересклет бородавчатый, лещина. В травянистом покрове преобладают неморальные виды: пролесник многолетний, сныть обыкновенная, осока волосистая и др., нередко мезоксерофильные и даже ксеромезофильные растения (жабрица порезниковая, колючник Биберштейна, подорожник степной и др.).

По степени антропогенной трансформации природных комплексов изученные священные рощи разделены нами на 3 группы. В первую группу мы относим рощи, сохранившие свою естественную целостность и редко посещаемые местными жителями, в

основном только во время языческих праздников и обрядов. Такова, например, священная роща “Луд” (фото), расположенная в окрестностях д. Кузубаево Алнашского района, где до настоящего времени сохранились языческие традиции местного населения. Эта роща является местом празднований жителей д. Кузубаево, относящихся к роду Луд. Моления проходят ежегодно 12–13 июля, причем на основную молельную площадку допускаются только мужчины, женщины же сидят в отдалении. На территории рощи есть особая, огороженная жердями площадка, где могут находиться только жрецы. Там имеются кострища для нескольких больших котлов, в которых варится жертвенное животное – баран. Жертва приносится Покровителю (Хозяину) полей и лугов Луду (Лудмурту). Моление начинается с восходом солнца, мясо варится почти целый день. Воду для приготовления ритуальной пищи берут из ключа, бьющего вблизи рощи.

В ландшафтном отношении роща “Луд” представляет собой участок редкостовольного хвойно-широколиственного леса, расположенного на живописном склоне коренного берега р. Варзи. Наверное, не случайно это место притягивало людей еще в древности: как выяснилось, роща расположена на территории археологического памятника мазунинской культуры (III–V вв. н. э.). Бережное отношение местных жителей к своей святыне позволило сохранить этот небольшой кусочек дикой природы, расположенный посреди обширных сельскохозяйственных угодий. Наряду со старовозрастными деревьями дуба, клена, липы, вяза в роще нашли приют полтора десятка редких для Удмуртии видов растений и животных.

Помимо священной рощи “Луд” возле д. Кузубаево имеется еще несколько действующих священных мест. В их числе особое место занимает священная роща “Большая куала”, выделяющаяся из общего фона растительности наличием вековых деревьев липы, ели и пихты. Роща представляет собой загороженный участок прямоугольной формы площадью около 2 га. Это место

праздников жителей д. Кузубаево из рода Большой куалы (“Куала выжы”). Моления в Большой куале проводятся ежегодно 12 июля. В любой другой день вход в рощу запрещается. Следуя традиции, и мы, прежде чем войти в рощу для описания растительности, попросили разрешения для проведения в ней своих работ у главного жреца. Разрешение было дано только после того, как жрец убедился в наших добрых намерениях.

Интересен процесс приготовления к празднику и сам праздник, проходящий в этой священной роще. Накануне вечером жители деревни, относящиеся к роду Большой куалы, собирают муку в доме жреца. Жена жреца, помывшись в бане, замешивает тесто на чистой ключевой воде и печет хлеб для моления (“тыр нянь”). Накануне же решается вопрос о жертвенной птице – утке, которую покупают на средства, собранные во время моления в прошлом году. Эта жертва призвана дать благополучие жителям всей деревни. Каждая семья также может принести с собой утку как жертву от отдельной семьи. На моление приходят всей семьей – и взрослые, и дети. Ведет моление жрец со своими помощниками. Утром 12 июля жрецы открывают куалу, чистят ее, их жены стирают и сушат полотенца. Затем в куале разжигают костер, закалывают общественную утку. При этом все действия сопровождаются молениями. Возле куалы разжигают семейные костры, где каждая семья может сварить свою утку и кашу. Вся пища освещается жрецом и его помощниками. Во время моления собирают деньги на нужды общественного моления (“могезь”). Интересно, что за пределы рощи ничего не разрешается выносить, кроме жертвенной пищи. Даже сруб старой разрушившейся куалы, вместо которой год назад построили новую, оставили здесь же, на территории рощи.

К природным святилищам, оберегаемым местными жителями и практически не изменившимся на протяжении последних десятков лет, можно отнести священные рощи, выявленные нами в Кизнерском (с. Короленько), Ярском (деревни Укан и Лековой), Глазовском (д. Заболотное) районах.

Рощи второй группы можно охарактеризовать как умеренно трансформированные, где наряду с видами естественных растительных группировок присутствуют и синантропные виды, нередко в довольно большом количестве: дрема белая, чернокорень лекарственный, подорожник большой, пустырник пятилопастный, бодяк полевой, лопух паутинистый и др. В настоящее время многие из этих лесных участков большинством местных жителей уже не воспринимаются как сакральные места, а потому не охраняются (например, священные рощи в окрестностях д. Новый Унтем Кезского района, д. Чепык Дебесского района, деревень Новый Пашур и Мувыр Шарканского района и др.), хотя в памяти местного населения и по сей день живут предания и различные истории, связанные с этими местами. Например, жители д. Мувыр Шарканского района уверены, что за вырубку деревьев в их священной роще можно заплатить болезнью и даже смертью. Так, по их рассказам, один из жителей, не поверив в эти предсказания, решил срубить несколько деревьев в этой роще. Совершив задуманное, он отправился домой, прихватив с собой вязанку хвороста. С этого дня одно за другим стали погибать животные на его подворье, а затем тяжело заболела и жена. Несчастья прекратились лишь после того, как хворост был возвращен в лес, а покровителям священной рощи принесена жертва.

Рассказы, подобные этому, нам доводилось слышать во многих деревнях, где еще имеются священные языческие места. Вот только верят в них все реже и реже. Наверное, поэтому в некоторых исследованных нами рощах мы наблюдали кощунственное отношение к этим сакральным местам. Случаи вырубания отдельных деревьев нами отмечены в священных рощах в Ярском (д. Дизьмино), Кизнерском (д. Новый Мултан), Вавожском (д. Зягруд-Какся) районах. Неизбежным результатом утраты священными рощами своего первоначального смысла и назначения стало нарушение естественной природной целостности этих лесных урочищ. Этот процесс всегда сопровождается,

с одной стороны, выпадением из флористического состава наиболее уязвимых редких видов растений, а с другой – обогащением флоры аллохтонными (рудеральными, сорными) элементами.

В третью группу нами отнесены рощи, находящиеся под сильным антропогенным прессом, полностью утратившие свое культурное назначение и активно используемые в хозяйстве. В составе этой группы можно выделить священные рощи в окрестностях д. Бадзымшур (Глазовский район), деревень Подборново, Большая Юнда, Малая Юнда (Балезинский район), д. Большой Олып (Кезский район), д. Малиновка (Вавожский район) и др. Как правило, старые деревья в таких рощах вырублены, травянистый покров вытоптан домашними животными, безлесные участки используются под сенокосные угодья, лес захламлен бытовым мусором. В сложении растительного покрова рощ этой группы большое участие принимают виды с широкой экологической пластичностью, а также синантропные виды, способные выдерживать антропогенный прессинг. Чаше всего редкие виды растений в таких местах отсутствуют. Так, священная роща в д. Большая Юнда Балезинского района, где раньше проходил обряд жертвоприношения гуся, в настоящее время представляет собой участок, сильно заросший сорными растениями. Из древесных растений осталось несколько пихт, многие из которых уже высохли из-за подтопления грунтовыми водами в результате установления запруды на ручье, на берегу которого и находится эта роща. В соседней деревне Малая Юнда участок священного елового леса активно используется для пастбы домашних животных. В результате этого в роще практически отсутствуют подрост деревьев и подлесок, травянистый покров почти полностью выбит скотом.

В особую группу можно выделить несуществующие в настоящее время священные рощи, некогда очень почитавшиеся среди местного населения, но по определенным причинам в разные периоды времени уничтоженные. Так, в окрестностях д. Укан

Ярского района священный еловый лес был вырублен еще во время Второй мировой войны, когда сводились огромные площади, занятые под лесами. В 1980-х гг. в д. Старая Бодья Кизнерского района по инициативе местного агронома была полностью уничтожена священная липовая роща, которая очень ценилась жителями этой деревни. В настоящее время на месте бывшей рощи располагается возделываемое поле, но в народной памяти еще жива боль утраты своей святыни. Рассказывают, что на эту рощу не раз покушались еще до агронома. Один из местных жителей решил перевезти из этой рощи на свое подворье ритуальную постройку – куалу. Однако плата за это безрассудство оказалась слишком высокой: вскоре он онемел. Такая же участь постигла и его дочь. Говорят, что он до сих пор кается в содеянном.

В настоящее время растительность на месте бывших священных рощ представлена в основном сообществами возделываемых полевых культур, рудеральных растений, травянистых многолетников, производных мелколиственных или хвойно-мелколиственных лесов, которые в экологическом отношении представляются гораздо менее ценными, чем уничтоженные коренные биоценозы.

Таким образом, в силу определенных объективных и субъективных причин далеко не все священные рощи в Удмуртии сохранили свою естественную целостность и первозданный вид. Тем не менее очевидна их комплексная ценность, что делает их уникальными природно-культурными памятниками, которые объединяют в своем составе особо ценные природные комплексы, неразрывно связанные с историей и культурными традициями проживающих на территории республики народностей.

В то же время священные рощи являются весьма уязвимыми элементами современного культурного ландшафта. Располагаясь вблизи населенных пунктов, в окружении антропогенных биотопов, они в полной мере испытывают отрицательное воз-

действие хозяйственной деятельности человека. Поэтому необходимо как можно скорее взять их под государственную охрану с привлечением к решению этой проблемы общественность и органы местной власти. Только общими усилиями можно создать определенные гарантии для сохранения наших природных святынь для будущих поколений. Более того, священные рощи интересны и поучительны своим действующим народным механизмом защиты природных объектов, что необходимо учитывать при разработке современной идеологии охраны дикой природы.

Литература

- Борейко В.Е. (1998): Святыни дикой природы. Наброски к идеологии заповедного. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-112.
- Борейко В.Е. (2000): Лесной фольклор. Древа жизни и священные рощи. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-212.
- Верещагин Г.Е. Собрание соч. в 6 т. (Под ред. В.М. Ванюшева. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 1-311.
- Владыкин В.Е. (1993): Религиозные верования. - Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 232-250.
- Владыкин В.Е. (1994): Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия. 1-384.
- Луппов П.Н. (1999): Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 1-390.
- Михайлова Т. (2001): Марийские священные рощи. - Гуман. экол. журн. 3 (1): 86-88.
- Морохин Н.В. (1997): Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-224.
- Налимов В.П. (1928): Священные рощи удмуртов и мари. - Охрана природы. 4: 6-8.
- Петухов А. (1995): Трудная судьба потомков веси. - Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля: Атна. 435-451.
- Растительность Европейской части СССР / Под ред. С.А. Грибовой и др. Л.: Наука, 1980. 1-429.
- Шкляев Г.К. (1998): Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 1-213.
- Шутова Н.И. (2000): Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. - Автореф. дисс. ... д.и.н. Москва. 1-37.

БИПЛЬ О ПРАВАХ ЖИВОТНЫХ, РАСТЕНИЙ И ДИКОЙ ПРИРОДЫ

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр,

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Государству принадлежат все дикие животные. А кто дал ему такую власть?

Дж. Тернер.

Это не дикие звери, это тени божественных существ.

Многие мои коллеги, высказавшие свои соображения по опубликованному в ГЭЖ (Т. 3, Спецвыпуск, 2001) моем эссе “Современная идея дикой природы” не совсем обратились с таким понятием, как права природы. Поэтому в этой статье я постараюсь более подробно познакомить читателей с этим довольно новым для отечественных природоохранников философским термином.

Упования только на экономику и экологию в природоохранной деятельности не приносят ожидаемого результата. Более того, сама наука экология все чаще используется в целях порабощения природы. По сути, экология озабочена сохранением эволюционных процессов в дикой природе, защитой видов от истребления. Но ее не волнуют страдания или ущемления отдельных животных, что не может считаться правильным. Поэтому, по-видимому, без сильной этической составляющей природоохранное движение (как, впрочем, и правозащитное) существовать не может.

В этой статье я хочу поделиться своими соображениями относительно такого важного этического понятия, как естественные (моральные) права животных и дикой природы в целом.

Однако прежде я должен оговорить следующее. В самой природе, естественно, не имеется моральных отношений. Природным системам мораль не присуща, в дикой природе нет моральных лиц. Хищник всегда преследует жертву, и с этой позиции нельзя говорить о соблюдении прав живот-

ных. Однако экологическая этика рассматривает отношения не между природными объектами, а между человеком и природой с позиции человеческой культуры. Именно в этой связи человек сам наделяет природные объекты естественными (моральными) правами. Поэтому права зайцев, сосен и скал существуют только в понимании людей, когда последние берут на себя обязанность заботиться о зайцах, соснах и скалах.

Теория естественных прав животных заявляет о моральном праве животных на жизнь и свободу безотносительно от их пользы для человека, попутно избавляя экологическое движение от слезливой сентиментальности. Ее основой стал принцип равенства ценностей, интересов и прав животных и людей. Ее сторонники считают необходимым расширить великие нравственные и либерально-демократические принципы на животных. То есть признать за животными права на жизнь и свободу. Сторонники прав животных отвергают осуществление человеком права сильного по отношению к животным, и считают, что оно представляет собой такую же дискриминацию, как угнетение другого пола или расы. Животные имеют право на удовлетворение своих потребностей и реализацию своих природных целей.

“Признание прав животных ставит вопрос о правильных и неправильных действиях без учета их последствий, т. к. права не зависят от пользы. Морально правильные действия не могут оцениваться с позиции пользы. Неправильное дей-

ствие всегда аморально, даже если оно может принести кому-то пользу. Например, пытки подсудимых или пленников были всегда аморальны”, – пишет известный российский активист движения освобождения животных Т.Н. Павлова (1998).

Естественные права человека на жизнь, свободу и т. п. декларированы Европейской конвенцией по Правам Человека, Всеобщей Декларацией Прав Человека, Международным пактом о гражданских и политических правах. Однако права животных пока никакими международными документами не подтверждаются. Что является серьезным упущением в международной природоохранной практике.

Единственным исключением является принятая в 1982 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всемирная Хартия Природы, подчеркивающая, что всем формам жизни должна быть обеспечена возможность существования. Следует добавить, что многие природоохранные организации празднуют 24 апреля День прав животных.

Концепцию естественных (моральных, врожденных, вечных, неотъемлемых, присутствующих, природных) прав еще в XVII веке разработал видный английский философ Джон Локк (1632–1704). Он полагал, что каждый человек с момента рождения (независимо от расы и пола) имеет врожденные права на жизнь, свободу, здоровье, стремление к счастью. Эти естественные права, отличаются от юридических прав, имеющих всеми признанную правовую, а не моральную базу. Однако, согласно Локку, природа не попадала под категорию, имеющую естественные моральные права. И лишь спустя три века западные экофилософы расширили теорию Локка, предложив наделять естественными (моральными) правами живые и неживые объекты природы. Что значительно продвинуло природоохранную теорию и практику. Так, права порождают обязанности не только воздерживаться от причинения вреда животным, но и обязанности прийти к ним на помощь в случае беды или угроз.

Несколько слов о различиях между ес-

тественными и юридическими правами. Юридические права зафиксированы в специальных правовых нормах, и нарушение юридических прав карается юридическими, административными или дисциплинарными санкциями.

Естественные права имеют не только правовую, но и моральную природу. Если правовые санкции налагаются людьми или органом, имеющим на то специальные полномочия, то за нарушение естественных (моральных) прав следует неодобрение, осуждение со стороны религиозных лиц или общества в целом. За юридическими правами стоит власть государства, а за моральными правами – авторитет общества. Кроме того, механизм действия естественных (моральных) прав не исчерпывается моральными санкциями, налагаемыми извне. Кроме внешнего контроля со стороны общества, действует контроль изнутри личности, именуемый совестью.

История вопроса

В разные времена в различных странах люди той или иной степени касались прав животных. Так, иудаизм чуть ли не впервые в истории человечества дал право домашним животным на отдых от работы на седьмой день недели: “*Но на седьмой день ты должен отдохнуть, и твой бык, и твой осел могут отдохнуть*” (Исход, 23: 12). В Древнем Египте культурные традиции давали животным право выступать с жалобами против человека. В одном из папирусов, найденных в пирамидах, сказано: “*Не найдено ни одной жалобы со стороны быка против Н*” (Борейко, 1999а). Определенными правами пользовались святые животные и животные-тотемы у различных народов, исповедовавших язычество. В том же Древнем Египте за убийство священного ибиса человека жестоко карали. За ущерб, причиненный змеями, арабы преследовали не только змей, но и скорпионов, как якобы их “родственников”. В средние века в Европе проводились специальные уголовные и гражданские процессы против

животных, в которых они (например, петухи) участвовали в качестве подсудимых. В России во второй половине XVII века одного козла осудили к ссылке в Сибирь (Фишер, 1899). Хорошо было развито охотничье и семейное право: например, древние славяне братались с воронами. Свое право на часть добычи имели охотничьи сокола и орлы в Аравии и Персии во время светских охот. Один мул, добровольно трудившийся при постройке Пантеона, в награду был отпущен на волю (Фишер, 1899). Южно-американские индейцы считают попугаев и некоторых грызунов “единственными хозяевами лесов”. Американские индейцы считают, что “человек имеет такие же права, как кролик, олень или растение. Лосось по статусу и правам приравнивался к целой нации. Один из североамериканских индейских вождей – Стоящий Медведь говорил в 1933 г. о праве животных на жизнь, на размножение и на свободу” (Nash, 1982).

В различных странах Европы домашние животные получали и получают имущество и стипендии.

Известный арабский мыслитель и теолог Изз-аб-Дин ибн Абд ас-Салам, на основе высказываний пророка Мухаммеда, еще в XIII веке сформулировал права животных, которые он представил в виде специального трактата: “Права скотины и животных, зависящие от человека: права эти распространяются на всех животных, даже если они старые и больны и от них нет пользы: человек не должен грузить на них больше того, что они могут нести; он не должен связывать и скреплять их тем, что может принести им вред, не должен также ломать им когти или бить или ранить и т. д.” (Islam, 1992).

В России одним из первых (в 1899 г.) проблему прав животных поднял петербургский юрист С. Фишер. В своем фундаментальном труде “Человек и животные. Этико-юридический очерк” он сделал далеко идущие выводы: “Результаты нашего исследования можно, поскольку они относятся к области практического права, вы-

разить тремя следующими положениями: 1) Государство должно охранять интересы животных; 2) Эта охрана должна выразиться в правовых нормах; 3) Лучшим средством для этого является признание правовой личности животных, т.е. наделение животных известной долей правоспособности” (Фишер, 1899).

Если С. Фишер, как правовед, рассматривал в основном юридические права животных, то российские пионеры природоохраны Г.А. Кожевников и А.П. Семенов-Тянь-Шанский говорили о моральных, естественных правах дикой природы и видов дикой флоры и фауны. Первый заявил о “праве первобытной природы на существование” (Кожевников, 1909), второй – о священном праве на жизнь не только человека, но и “всего того, чему предугавано жить и цвести на земле наряду с человечеством не стесненным в своем творчестве природой” (Семенов-Тянь-Шанский, 1921).

К сожалению, отечественные классики охраны природы, по понятным политическим причинам, далее не смогли развить свои этические взгляды на морально-правовой статус животных и всей дикой природы. А все, что успели сказать – почти век не было понято.

На Западе одним из первых о естественных (моральных) правах дикой природы заговорил выдающийся английский поэт Вильям Вордсворт. Поднимая в 1830-х годах вопрос о защите красоты озерного региона в Англии, он писал, что необходимо “сохранить древние права этого и иных сходных горных уголков от уничтожения” (цит. по: Hargrove, 1988). Можно назвать и пионера американского заповедного дела Джона Мюира. Однажды в горах его спутник попытался убить скорпиона. Мюир остановил его, заметив, что все живые существа, как и человек, имеют право на жизнь (Nash, 1982).

Однако всерьез о защите прав животных человечество заговорило лишь с 1965 г., когда на Западе была опубликована статья известной писательницы Бриджит Бро-

фи под названием “Права животных”. С середины 1970-х о проблеме защиты прав животных, дикой природы в целом стали писать такие видные западные экофилософы как Ричард Райдер, Питер Сингер, Том Риган, Эндрю Линзи, Кристофер Стоун, С. Кларк, Ю. Бенсон и др., а также некоторые профессиональные юристы.

Поборниками прав животных всегда являлись американские индейцы. Приведу такой характерный рассказ о выступлении туземных американцев в ООН в 1970-х годах: “... мы отправились в Женеву – шесть наций и великая нация лакота – как представители туземного народа Западного полушария. Мы отправились в Женеву и мы говорили на форуме Объединенных Наций. На протяжении короткого времени мы стояли как равные среди равных народов и наций мира. И какое послание мы произнесли? Там суматошно гоняются за правами человека, – правами человека, – говорят они, – для всех людей. И туземные народы сказали: “Как насчет прав природного мира? Где место для бизона и для орла? Кто представляет их здесь на этом форуме? Кто говорит от имени вод земли? Кто говорит от имени деревьев и лесов? Кто говорит от имени рыбы, от имени китов, от имени медведей, от имени наших детей? Мы сказали: “раз мы получили эту возможность говорить на международном форуме, тогда наш долг сказать, что мы должны выступить за этот народ, природный мир и его права, а также за грядущие поколения” (Spirit..., 1992).

Разбирая в 1970-х годах одно из судебных дел в защиту участков дикой природы в Калифорнии, Верховный судья Дуглас записал, что “природа имеет законное право на присутствие в суде”. В последнее время во многих западных странах, особенно в США и Канаде участились случаи, когда известные природоохранные организации: Сьерра-Клуб или Одюбоновское общество, подают в суд иск на промышленные корпорации (используя закон о редких видах) от имени редких видов, таких как

палила, пятнистая сова, и выигрывают дела.

Так, пернатый обитатель Гавайи палила могла исчезнуть, поскольку на склонах вулкана Килауза должны были бурить скважины. В 1978 г. Сьерра-Клуб и Одюбоновское общество подали иск в защиту этой маленькой птицы от ее имени. Впервые в американской судебной практике истцом стало животное. И птица победила. Федеральный суд заставил местные власти отвести для палилы специальные охраняемые территории (Борейко, 1999б).

С другой стороны, участились требования о придании правового статуса тем или иным видам высших животных. Недавно несколько международных и национальных организаций обратились в ООН с предложением о предоставлении естественных и юридических прав обезьянам как самым близким “родственникам” человека.

В заключении следует отметить, что согласно выборочным исследованиям, проводимым в 1997–1999 гг. в России московскими учеными и в Украине Киевским эколого-культурным центром, около 70% опрошенных поддержали идею предоставления животным основных моральных прав (Борейко, 1999а).

Обоснование естественных (моральных) прав у животных

*Я вижу конские свободы
и равноправие коров.*

В. Хлебников.

Каждое живое существо имеет притязание на определенный объем благ и условий жизни. Поэтому в общих чертах естественные права животных (или растений) можно определить как блага, без которых они не могут существовать как самостоятельные живые существа. Эти права принадлежат живым существам от рождения, поэтому являются естественными, неотъемлемыми и неотчуждаемыми.

Распространенным аргументом, на основании которого животные нередко

лишаются права на моральное к ним отношение, является утверждение, что почти у всех животных нет разума, и следовательно, способности быть субъектом морали. Многие философы, называя этот традиционный довод стоико-христианским, оспаривают его справедливость. Наличие или отсутствие разума не может являться основанием для отказа животным в моральном к ним отношении. Ведь утверждая моральное право на основе наличия разума, мы отказываем в таком праве не только животным, но и людям: душевнобольным, умственно неполноценным, младенцам и пр.

Иметь право на что-то обычно подразумевает проявлять очень сильное требование чего-либо, требование более сильное, чем просто хотение чего-либо (предпочтение). Например, право на жизнь. Какое из животных не проявляет такое “очень сильное стремление” к жизни?

Вопрос о правах животных содержит два аспекта: 1) имеют ли люди обязательства перед животными; 2) являются ли животные субъектами морали (имеют ли моральный статус).

Если на первый вопрос человечество издавна отвечает положительно, то на второй до последнего времени давался отрицательный ответ.

Известно, что если объект имеет моральный статус, то он обладает моральными правами. Современная экологическая этика предоставила три возможных доказательства, что животные имеют естественные (моральные) права: 1) деонтологическое; 2) утилитаристское; 3) религиозное.

Известный защитник прав животных, приверженец деонтологического направления американский экофилософ Том Риган считает, что одинаковые существенные физиологические качества – желания, память, умственные способности и т. д. связывают людей с животными. Поэтому у тех и других имеется равная внутренняя (подлинная, присущая) ценность, которая придает им моральный статус и является основанием для равенства прав. Эти права неотъемлемы и их нельзя лишить. Животные, как и люди – цели сами по себе, личности, по-

этому полезность не может попира́ть этим права. По мнению Т. Ригана то, что мы должны обращаться с животными с уважением, не есть проявление доброты, это проявление справедливости, уважение прав (Regan, 1993). Как он считает, редкие и обычные виды должны обладать равными правами. По мнению экофилософа, теория, лежащая в основе движения за права животных, идентична движению за права людей. Как черные люди не созданы для белых людей, так и природа не создана для человека. Риган возражает против утверждения, что решающую роль играют различия в юридическом статусе человека и животных, указывая на переменчивость юридических норм. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что совсем недавно права негров не отличались от прав домашнего скота.

Утилитаристские доказательства наличия у животных естественных (моральных) прав использует авторитетный австралийский экофилософ Питер Сингер. Он полагает, что все существа, испытывающие удовольствие и боль, обладают своими интересами. Попирание этих интересов ведет к страданию. Значит, животные заслуживают моральный статус, так как обладают чувствительностью. Что, в свою очередь, предполагает наличие у них моральных прав. Другими словами, необходимые предпосылки обладания правами – это внутренние непроходящие интересы и способность подвергаться ущербу в тех случаях, когда эти интересы задеваются, отвергаются либо подвергаются угрозе.

Видный английский экотеолог Эндрю Линзи защищает концепцию прав животных с позиции христианской теологии: все животные созданы Богом и существуют для Бога. А все, что создано Богом, имеет моральный статус, и значит, естественные (моральные) права.

Другие “освободители животных” вообще не утруждают себя поиском причин предоставления моральных прав животным. Они утверждают, что все живое уже несет в себе право на жизнь, а признание права на жизнь есть одновременно признание на-

шей обязанности уважать это право. При чем не животные нуждаются в признании своего права – в этом нуждаемся мы (Игнатовская, 1988).

Перечень основных естественных (моральных) прав, предоставляемых диким животным

Признание прав подразумевает сложный оценочный процесс. Со временем из-за социального консенсуса или укоренившейся веры, определенные права могут объявляться естественными (моральными) присущими или неотъемлемыми и быть узаконены в гражданских или религиозных кодексах. Права могут считаться моральными, когда они происходят от поведения, которое кажется всеобщим или естественным.

Степень, до которой признаются права за конкретным существом, соответствуют оценке, которая дается этому существу тем, кто признает за ним права. В этом случае наиболее ценное существо получает наибольшее количество прав. Считается, что люди имеют около 200 естественных (моральных) прав, животные гораздо меньше.

Итак, какие права мы можем предоставлять диким животным?

1. Право на жизнь

Образует первооснову всех других естественных прав. Оно представляет собой абсолютную ценность, ибо все остальные права утрачивают ценность в случае смерти животного.

Можно предположить, что жизнь, как явление уникальное и обнаруженное пока только на Земле, сама по себе представляет ценность, а значит, все живые существа должны цениться и иметь в первую очередь это основное право. Каждое существо, даже самое маленькое, имеет право жить собственной жизнью, и значит, охраняться законом.

2. Право на свободу от человеческого вмешательства

Свобода – это лучшее условие существования дикого, в том числе и диких живот-

ных. Многие дикие животные не могут жить несвободными, в неволе. Под свободой диких животных понимается прежде всего их самостоятельная воля, свобода выбора, свобода от человеческого вмешательства, право дикого животного самостоятельно определять свои поступки, располагать собой, своим временем. Право на свободу от человеческого вмешательства предполагает также защиту жилища животного от человека.

3. Право на защиту от ненужного страдания

Среди природоохранников имеется тенденция к признанию в качестве основного права на защиту от ненужного страдания, в первую очередь для организмов, имеющих высокий филогенетический статус (Povilitis, 1980). То есть, испытывающих сильную боль при страдании.

4. Право на продолжение жизни (репродукцию, воспроизводство)

Можно предположить, что цель любого существа – воспроизводство себе подобных. В противном случае вид, к которому относится животное, может исчезнуть или значительно уменьшить свою численность. Поэтому моральное право на продолжение жизни может считаться одним из основных.

5. Право на здоровую среду обитания

Любое животное, попав в нездоровую для себя среду обитания, будет испытывать неблагоприятное воздействие, что может негативно повлиять на его воспроизводительные способности, длительность жизни, а то повлечь заболевание и смерть.

6. Право на стремление к счастью (на процветание, на самореализацию)

В чем может состоять счастье для диких животных? Наверное в том, чтобы оставаться такими, какие они есть: дикими, свободными, и необыкновенно красивыми.

7. Право на реализацию эволюционного потенциала

В каждом существе природой заложен эволюционный потенциал, ведущий к появлению новых жизненных форм.

8. Право на защиту закона

Все животные имеют право на защиту закона. В связи с тем, что само дикое животное не может подать в суд иск, в качестве истцов могут выступать частные лица и организации, занимающиеся защитой дикой фауны, и выступающие в качестве опекунов.

9. Право на достоинство

Достоинство – это признание человеком уникальности, внутренней и внешней ценностей животного, его значимости вне зависимости от пользы для человека и экосистемы.

* * *

Что касается сельскохозяйственных животных, то в Конвенции Совета Европы о защите животных предложены для них специальные “пять свобод” (Грэм, 2000):

- 1) свобода от жажды, голода, недоедания;
- 2) свобода от дискомфорта;
- 3) свобода от боли, ран и болезней;
- 4) свобода от страха и стресса;
- 5) свобода нормально жить (право на нормальную жизнь).

Практика применения защиты естественных (моральных) прав животных

Теоретическое утверждение, что все животные имеют равные естественные (моральные) права еще не означает, что со всеми следует по равному обращаться. И в теории либерализма, и в теории социализма каждый имеет равное право на саморазвитие, однако некоторые предпочтения все же допускаются.

Одну из примерных схем нашего этического отношения к животным предлагает правило концентрических кругов. Оно гласит: чем дальше от центра круга, где расположен человек, эволюционно находятся классы животных, тем меньше мы обязаны уважать их права. Ближе к центру круга расположены близкие эволюционные “родственники” человека – млекопитающие и птицы, затем рептилии и амфибии, еще дальше – насекомые, черви, с которыми

разрешено обращаться менее уважительно, нежели с птицами и зверями.

Теория прав животных позволяет нам причинить вред животным, если у нас нет выхода. Пусть комар – чувствующее существо, но напав на нас, он дает нам право защищаться от него. Тараканы и мыши не по приглашению пришли в наш дом, и мы имеем право избавиться от них.

Право на свободу выливается в различное обращение с домашними и дикими животными. Дикие животные очень зависят от своей свободы, но что касается домашних, то за долгие века они уже привыкли жить в тесном общении с человеком, и нет причины ограничивать наше вмешательство в их жизнь.

Вместе с тем одомашнивание новых видов животных есть, по сути, принудительный и эксплуататорский институт, грубо попирающий моральные права диких животных. Даже такая распространенная практика как дрессировка: выступающие на арене тюлени, танцующие слоны, шимпанзе в котелках, пьющие чай – все это унижает достоинства и моральные права животных.

Сторонники прав животных определяют свое направление в экологической этике как совокупность идей морального, законного и охранного порядка по обращению с животными. Они уверены, что нарушение прав животных должно повлечь за собой уголовную ответственность. Законодательство обязано служить интересам животных так же, как и интересам людей. Однако необходимо согласиться, что если право на жизнь, свободу, на воспроизводство важно как для людей, так и для животных, то некоторые другие права человека, например, на свободу вероисповедания или на свободу прессы, думается, неважно для ежиков и воробьев.

Следует подчеркнуть, что у сторонников прав животных пока нет твердого мнения, чьи права важнее: вида или индивидуума. В последнее время все чаще раздаются голоса в защиту моральных прав не только отдельных животных, но и видов как “живых жизненных потоков”.

Однако, что касается предпочтений в случае конфликтов моральных прав животных и людей, то здесь теоретиками прав животных уже выработана твердая позиция. Считается, что как человек, так и животные имеют свои базовые (жизненно важные) и небазовые (не жизненно важные) естественные (моральные) права, основанные на жизненно важных и не жизненно важных интересах.

К базовым естественным (моральным) правам (интересам) можно отнести право на жизнь, свободу, воспроизводство. К небазовым, например, право (интерес) выпить холодного пива. Поэтому, если имеется конфликт между животным и человеком, то является морально допустимым при прочих равных действовать так, чтобы небазовые моральные права (интересы) человека подчинялись базовым моральным правам (интересам) животных, а небазовые моральные права (интересы) животного подчинялись базовым моральным правам (интересам) человека. Например, туристы хотят разбить палатку на морском берегу. Однако там находятся гнезда куликов и чак, которые в данном случае имеют базовое право (интерес) на жизнь и воспроизводство, в отличие от небазового права (интереса) туристов на отдых в этом месте. Поэтому человек должен уступить место птицам.

Если же базовые права людей сталкиваются с базовыми правами животных, а небазовые с небазовыми, то предпочтение отдается человеку. Другими словами, при прочих равных моральные права (интересы) человека важнее моральных прав (интересов) животных.

Экофилософ из Сан-Франциско Мария Анна Уаррен выдвинула теорию “слабых прав животных”. По ее мнению, правами животных можно пренебречь в некоторых случаях, правами людей пренебрегать нельзя. Бывают ситуации, когда убийство животного, особенно низшего, оправдано, те же причины в отношении людей, как правило, малоубедительны. Права животных, по ее мнению, не являются абсолютными

и могут быть попораны при определенных обстоятельствах (Борейко, 1999а).

Другой зарубежный экофилософ А. Ганн полагает: “Мы можем по-прежнему нарушать права многих, многих животных, но мы будем оправданы в таких действиях, потому что преследуем только свои базовые, связанные с выживанием интересы и нарушаем настолько мало прав, такого небольшого количества животных, насколько это возможно. Таким образом, мы уважаем права животных настолько, насколько можно” (Gunn, 1983).

Я твердо убежден, что многое в соблюдении прав животных еще зависит от того, где животные находятся: в доме человека, населенном пункте, агроландшафте, дикой незаповеданной природе, заказнике, заповеднике. Разумным будет предположить, что в жилище человека естественные (моральные) права диких животных должны быть ограничены максимально, и наоборот, в заповедниках, как высшей форме охраняемых природных территорий, созданной для защиты дикой природы и дикой жизни, естественные (моральные) права диких животных должны соблюдаться максимально, при соответственном ограничении многих прав человека.

Придание прав животным, например, права на свободу (а также растениям и участкам дикой природы) не означает, что их полностью запрещается использовать в интересах человека. Как, например, обладание людьми моральных прав на свободу еще не означает, что их, в определенной ситуации, нельзя сажать в тюрьму. Права животных могут быть ограничены при угрозе свободе, жизни, здоровью, правам и интересам людей, а также, при отдельных случаях, существованию редких диких животных и растений. Придание естественных прав животным означает соответствующие изменения в природоохранном законодательстве, в результате которых должны быть еще более ограничены возможности добычи животных, генной инженерии, других способов использования животных. Придание прав животным означает, что их

добыча или другое использование должно быть обусловлено жизненно важными человеческими потребностями, осуществляться только по необходимости. Придание прав животным означает также дальнейшее развитие ценностной оценки живых существ.

Юридические права животных

Моральные (естественные) права могут быть отражены в юридических правах. В этом случае считается, что объект имеет юридические права, когда определенные юридические институты готовы обращаться с ним определенным правовым образом, то есть предоставить ему юридический статус. Как это они будут делать – уже дело техники.

В 1974 г. американский юрист и экофилософ Кристофер Стоун опубликовал первую серьезную разработку по практике предоставления юридических прав не только животным, но и растениям и даже объектам дикой природы.

Можно рассматривать предложение Стоуна предоставлять юридические права природным объектам как симптом моральной зрелости нашей культуры и важный катализатор природоохранной деятельности.

“Во всей юридической истории каждое последующее распространение прав на какую-то новую сущность было до сих пор в какой-то мере немыслимым (...). В девятнадцатом веке Верховный суд в Калифорнии объяснял, что китайцы не имеют права давать показания против белых людей в криминальных делах, потому что они являются низшей расой”, – пишет автор (Stone, 1984).

Стоун полагает, что заявлять о том, что животные и другие объекты дикой природы должны обладать юридическими правами не означает, что они должны обладать любым правом, которое мы можем себе представить, или даже правами, которыми обладают люди. Даже сами природные объекты должны обладать разными правами.

Что означает являться обладателями юридических прав? Стоун считает, что в этом случае прежде всего объект должен иметь юридически признанные ценности и достоинство ради него самого, а не просто служить средством принесения нам пользы. Эти юридически признанные ценности и достоинства состоят в том, что, во-первых, объект может производить юридические действия по собственной воле; во-вторых, в том, что при определении предоставления юридической поддержки суд должен принимать во внимание причинение ему вреда; и, в-третьих, то, что поддержка должна быть направлена ему на пользу (Stone, 1984).

Как утверждает сам автор, ни один из природных объектов не обладает каким-либо из трех перечисленных критериев обладателя прав. Природные объекты мало учитываются ради них самих и в законе, и в природоохранных движениях. Как же быть? Стоун предлагает оригинальный и вместе с тем простой выход из создавшейся ситуации. Он справедливо указывает на то, что в мире существует масса объектов – корабли, корпорации, муниципалитеты, государства, которые также не имеют трех перечисленных критериев обладателя юридических прав. Поэтому действует специальный обходной маневр: суды назначают попечителя, например, над корпорацией, чтобы надзирать за ее делами и говорить от ее имени в суде, когда это оказывается необходимым.

Стоун предлагает использовать этот способ: *“По аналогии нам следует иметь систему, согласно которой, когда друг природного объекта полагает, что тот находится под угрозой, он может обратиться в суд об учреждении попечительства (...).*

Поступая так, мы, по сути, делаем природный объект при помощи его попечителя юридической сущностью, компетентной ... собрать иски об ущербе и представить их перед судом даже там, где по юридическим или практическим причинам их не собирается представлять

класс традиционно действующих истцов (...). Попечитель убеждал бы суд в ущербе, в настоящее время не признаваемом - смерти орлов и несъедобных крабов, страдании морских львов, исчезновении с лица земли не имеющих коммерческой ценности птиц, гибели областей дикой природы” (Stone, 1984).

Профессор Детройтского колледжа права Дэвид Фавре, следуя идеям Стоуна, предложил конституционную добавку, заявив, что вся *“дикая фауна и флора должны иметь право на естественную жизнь”*. Люди не должны *“лишать какое-либо дикое существо жизни, свободы или места обитания без должного законного процесса”* (Nash, 1979).

Наши оппоненты могут возразить, что существует масса законов, согласно которым, например, за отравление рыбы в реке можно оштрафовать виновного. Но все дело в том, что при современной юридической практике рыба ценится не ради ее самой, а как ресурс, как средство для достижения прибыли. Более того, природоохранная инспекция, по тем или иным политическим, экономическим (но отнюдь не природоохранным) причинам, особенно когда гибель рыбы не велика, может не подать в суд на виновника. Сам суд может отказать в иске из-за малой экономической стоимости погибшей рыбы. И даже, если природоохранная инспекция выиграет дело, взысканный с нарушителя штраф и ущерб, как правило, не направляется в пользу пострадавшей ихтиофауны для восстановления причиненного ей ущерба. Кстати, в Украине платежи за загрязнение окружающей среды идут не на возмещение ущерба, а в бюджет. Другое дело, если бы иск, как предлагает Стоун, подавался бы от имени самой рыбы или ее попечителя.

Предоставление животным юридических прав автоматически дает им следующие преимущества: 1) нарушение прав животных повлечет за собой возбуждение уголовной ответственности; 2) при рассмотрении вопроса о снятии наказания суд должен принимать во внимание нанесенный ущерб; 3) после освобождения от наказа-

ния в выигрыше должна оставаться потерпевшая сторона.

Практические меры по соблюдению естественных (моральных) и юридических прав животных

Предоставление прав животным заставит серьезно переориентировать наше почти повсеместно потребительское отношение к животным: многие действия, не связанные с человеческим выживанием, но направленные на попираание базовых моральных прав животных, должны, по возможности, ограничиваться, а то и запрещаться. Сторонники прав животных требуют запрещения любительской (спортивной) охоты, (которой охотники занимаются не ради получения пищи, а ради удовольствия от гибели и страданий животных), любительской рыбалки, корриды, петушиных, перепелиных и собачьих боев, содержания диких животных в зоопарках и цирках, различных опытов над животными (не связанных строго с задачами медицины) – в косметических целях и т. д.

По сути, многие из этих предложений вполне здравые.

Соответствующим образом должно быть пересмотрено экологическое законодательство. Так, действующие российский и украинский законы “О животном мире” никак не защищают права животных. Охрана видов фауны в них сформулирована только с точки зрения рационального использования последних как ресурса (на манер земельных, водных ресурсов), а не как живых существ, имеющих моральный статус (О животном мире, 1996; Закон Украины “Про тваринний світ”, 1998).

Характерный пример: согласно природоохранному законодательству Украины, права на жизнь не имеют даже краснокнижные виды, то есть те, что должны по идее находиться под абсолютной охраной. К ним по-прежнему подходят с позиции их полезности.

Так, согласно ст. 13 “Положения о Красной книге Украины”, добывание краснокнижных видов фауны и флоры возможно

“с научными и селекционными целями” (Постанова ..., 1998).

На деле “селекционные” и иные цели выливаются в обыкновенное хозяйственное использование, например, валютную охоту на зубров. В конце 1999 г. в охотхозяйстве под Винницей помощник президента России В. Путина С. Ястржембский со товарищи отстрелял зубра. Согласно официальному отчету Минэкологии Украины, этот зубр, видите ли, оказался старым, и поэтому было выдано разрешение на его отстрел в “селекционных” целях. Однако то, что любой зубр: молодой и старый, больной и здоровый, имеет право на жизнь, – никого не волновало.

Или другой пример. Осенью 1999 г. в рамках программы “Фауна”, благословленной НАН Украины и Минэкологией Украины, из заповедника Аскания-Нова в Чернобыльскую радиоактивную зону (откуда в свое время выселили людей) завезли более десятка лошадей Пржевальского. Чем было нарушено право животных на здоровую среду обитания.

Приведенные факты доказывают: мы имеем широко распространенную практику, когда аморальные действия по отношению к диким животным не противоречат природоохранному законодательству, а наоборот, совершаются, так сказать, в правовом поле. То есть, уничтожение природы может быть законным, но отнюдь не этичным.

Естественно, практические меры по реформированию экологического законодательства, самих взаимоотношений человека с животными с позиций соблюдения прав последних должны вводиться постепенно, с опорой на культурные, религиозные, моральные, исторические традиции. В качестве первоочередных можно предложить следующие: 1) неукоснительное соблюдение права животных на жизнь и свободу в заповедниках (путем полного прекращения добычи животных в научных и иных целях); 2) сокращение количества зверинцев, зоопарков, цирков и т. п., где животных содержат в плохих условиях; 3) соответству-

ющая переподготовка кадров по заповедному делу и охране дикой природы. Для начала хотя бы эти специалисты должны уяснить, что охранять диких животных нужно не с точки зрения использования их как ресурса, а прежде как морально значимых живых существ; 4) определенные изменения требуется внести в законы “О животном мире”, дополнив их статьей, гарантирующей диким животным жизнь и свободу; 5) ограничение любительской охоты и ее рекламы. В этой связи любопытно предложение А.А. Никольского о помещении на охотничьем снаряжении специальных адресных антиохотничьих обращений по типу “Минздрав предупреждает...” (Никольский, 1999).

Может быть настанет то время, когда закон природы будет иметь приоритет перед национальным законом.

Естественные (моральные) и юридические права растений и объектов дикой природы

Уже в недалеком будущем, при дальнейшем развитии экологической этики, можно говорить о предоставлении моральных и юридических прав не только животным, но и растениям, и даже элементам неживой природы – рекам, горам, экосистемам, участкам дикой природы.

Какие же можно привести доказательства, что растения обладают моральными правами? Согласно Тому Ригану и Питеру Сингеру, может быть использован как утилитаристский, так и деонтологический подходы, так, согласно первому, растения имеют интересы, а следовательно, могут быть наделены моральными правами. Например, растение имеет интерес быть политым водой. Растение, лишенное воды, весьма отличается, например, от машины, лишенной бензина. Высказывание “этому растению нужна вода” явно имеет иной смысл, нежели заявление “этой машине требуется бензин”. Машина в общем-то хорошо себя “чувствует” и без бензина, и когда в нее влит бензин, растение же без воды себя

чувствует плохо, сохнет и в конце концов погибает.

В связи с этим можно сделать вывод, что растение, в отличие от автомобиля, имеет моральное право на поддержание условий жизнеобеспечения.

Согласно другому подходу – деонтологическому, растения могут обладать моральными правами по причине наличия внутренней ценности (у них ведь есть своя собственная цель – расти и размножаться), то есть являются морально значимыми сущностями.

Поэтому растениям могут быть предоставлены естественные (моральные) права: на жизнь; на защиту закона; на достоинство; на процветание; на свободу от человеческого вмешательства; на реализацию эволюционного потенциала; на возобновление; на обеспечение жизнедеятельности (почва, вода, солнечный свет). Деревьям, может быть, даже право на собственный ветровал. За предоставлением этих и других моральных прав могут последовать и юридические права.

Что же касается объектов дикой природы, то современная общественная забота о природе должна привести к тому, чтобы предоставить им естественные (моральные) права: на собственное сохранение (на существование); право на свободу от человеческого вмешательства; право на защиту закона; право на достоинство; право на процветание; право на осуществление своей эволюционной судьбы. Объекты неживой природы (скалы, реки и т. д.) имеют право на собственное сохранение и право на защиту закона.

Права природы – новое понятие, к которому человечеству еще нужно привыкнуть и взять на вооружение как в стратегии, так и в повсеместной практике наших взаимоотношений с природой. Здесь нельзя во многом не согласиться с современным российским писателем Михаилом Чулаки: *“Необходимо прийти к понятию прав природы, которые гораздо выше прав человека, и в случае конфликта человека с природой приоритет должен отдаваться*

правам природы... Тысячелетние нравственные законы, выраженные в религиозных заповедях, никак не регулируют отношения человека к кормящей его природе, поэтому люди знают, в том числе и сами преступники, что убивать себе подобных – тяжкий грех, а убивать реки, леса, а скоро даже моря – допустимо, потому что “все для блага человека!” (...).

Отказаться от антропоцентризма, постоянно думать о сохранении жизни в целом – цель почти недостижимая, но антропоцентризм становится смертельно опасным. Только подчинив свои интересы общим интересам развития биосферы, резко снизив свою численность в первую очередь, человечество может рассчитывать на благополучие нашей планеты, следовательно – и собственное” (Чулаки, 2001).

Защита прав природы является всемирной ответственностью каждого человека и всех обществ, переходя географические, культурные и идеологические границы. Конечно, права природы нельзя приравнивать к правам человека, но их нельзя и игнорировать.

Права природы имеют не только правовое, но и нравственно-этическое, духовно-культурное и религиозное наполнение. Они являются своеобразным связывающим звеном между моралью и правом. Важнейшие эколого-этические ценности получают двойное “гражданство” как в нравственной, так и в юридической системе.

Права природы – это не только признание либерально-демократического подхода к защите природы, но и нравственная категория, конкретизирующая понятие добродетели, добра, достоинства, чести, справедливости применительно к природе.

Права природы имеют двойное применение: во-первых, они декларируются, т. е. провозглашаются в качестве морально-экологических целей, и во-вторых, могут защищаться при помощи юридических институтов.

Права природы – это своеобразный ценностный ориентир, позволяющий приме-

нять “человеческое измерение” к защите природы. Права природы не появляются сами по себе, они возникают и развиваются одновременно в соответствии с характером культуры, философии, религии, политики, морали, общественным мировоззрением.

Литература

- Борейко В.Е. (1999а): Прорыв в экологическую этику. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-128.
- Борейко В.Е. (1999б): Птицы: этическая ценность и право на жизнь. - Беркут. 8 (1): 105-108.
- Борейко В.Е. (2000): Эссе о дикой природе. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-148.
- Грэм Ш. (2000): Прокрустово ложе: участь животных, которых мы едим. - Міжнародний симпозіум “Біоетика на порозі III тисячоліття”. Харків. 7-11.
- Закон України “Про тваринний світ”. - Екологічне законодавство України. Харків: Еко-Право-Харків, 1998. 188-207.
- Игнатовская Н.Б. (1988): Отношение к животным как проблема нравственности. - Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. М.: Политиздат. 220-237.
- Кожевников Г.А. (1909): О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. - Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. М. 1: 18-30.
- Никольский А.А. (1999): Этика благоговения перед жизнью – против эстетики убийства. - Гуман. экол. журн. 1 (1): 7-10.
- “О животном мире”: Федеральный закон Российской Федерации. - Сборник руководящих документов по заповедному делу. М.: WWF, 1996. 30-57.
- Павлова Т.Н. (1998): Биоэтика в высшей школе. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-128.
- Постанова Верховної Ради України “Про червону книгу України”. - Екологічне законодавство України. Харків: Еко-Право-Харків, 1998. 245-250.
- Семенов-Тянь-Шанский А.П. (1921): Задачи момента в деле охраны природы в России. - Труды первого Всероссийского съезда любителей мироведения. Пг. 195-197.
- Фишер С. (1899): Человек и животные. Этико-юридический очерк. СПб. 1-279.
- Чулаки М. (2001): Ответы на вопросы журнала “Звезда”. - Звезда. 1: 233-234.
- Gunn A. (1983): Traditional ethics and the moral status of animals. - Environmental ethics. 5: 133-153.
- Hargrove E. (1988): Foundations of environmental ethics. New Jersey: Prentice Hall. 1-229.
- Islam and ecology. (Ed. F. Khalid, J. O'Brien). New York: WWF, 1992. 1-111.
- Nash R. (1982): Wilderness and the american mind. New Haven and London: Yale University Press. 1-420.
- Nash R. (1989): The rights of nature. A history of environmental ethics. The University of Wisconsin Press. 1-290.
- Povilitis A. (1980): On assigning rights to animal and nature. - Environmental ethics. 2: 67-71.
- Regan T. (1993): The case for animal rights. - Environmental ethics: divergence and convergence. Boston-London. 321-329.
- Singer P. (1984): Animal Liberation. - People, penguins, and plastic trees. Belmont, California: Wodsworth Publishing Company. 24-32.
- Spirit and nature. Why the environment is a religions issue. (Ed. S. Rockefeller, J. Elder). Boston: Beacon Press, 1992. 1-226.
- Stone C. (1984): Should trees have standing? - Toward Legal rights for natural objects. - People, penguins, and plastic trees. Belmont, California: Wodsworth Publishing Company. 83-96.

КОНЦЕПЦИЯ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПРОВОДИМЫХ В ЗАПОВЕДНИКАХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКАХ

*А.А. Никольский, доктор биологических наук
Российский университет дружбы народов, г. Москва
e-mail: alexandr@marmot.msk.ru*

На последней школе-семинаре по программе “Трибуна”, состоявшейся в Киеве в конце мая 2001 г., было внесено предложение разработать основные принципы этической экспертизы научных исследова-

ний на особо охраняемых природных территориях, прежде всего, – в заповедниках и национальных парках. Считая, что принципы этической экспертизы должны быть результатом коллективного творчества, я

предложил, возможно, шире обсудить ее предварительный, рамочный вариант” (правильнее его называть “концепция этической экспертизы”). Я рассчитываю на то, что после ее опубликования поступят конкретные предложения, которые удастся обсудить на очередной “Трибуне” и уже после этого работать непосредственно над текстом “ПОЛОЖЕНИЯ об этической экспертизе”.

Этическая экспертиза должна стать цеховым кодексом чести тех, кто по долгу службы или на общественных началах охраняет природу: подобно тому, как главным для врача является принцип “не навреди (пациенту)”, главным для специалиста или общественного деятеля, причастного к охране природы, должен быть принцип “не навреди (природе)”.

Как ни странно, на охраняемых территориях наносимый природе вред часто исходит от научных сотрудников заповедников. Выражается это в различных формах: в научных целях в заповедниках тысячами убивают млекопитающих и отстреливают птиц; вылавливают насекомых; собирают редчайшие растения; разрушают ландшафт почвенными разрезами; заставляют животных страдать во время кино- или телевизионной съемки; беспокоят животных частым посещением их мест обитания и т.п.

Должен сразу оговориться, что в отличие от В.Е. Борейко, я не против науки в заповедниках и национальных парках. Более того, считаю, что она там необходима. Но именно заповедники и национальные парки должны стать не просто примером, а полигоном для внедрения альтернативных, щадящих методов полевых научных исследований.

Как известно, главная цель науки – получение и распространение нового знания. Заповедная наука отвечает этому критерию лишь отчасти: основным литературным жанром многих сотрудников заповедников стали отчеты, публикаций мало, нередко они низкого качества, публикуются преимущественно тезисы, а не полноценные статьи, причем – в малочитаемых изданиях, цинично называемых в народе “братской

могилой”. Летопись природы остается по инерции обязательным документом, но ее КПД, в отношении аккумуляции нового знания, крайне низок (ссылки на отсутствие заказчика на информацию – не убедительны).

Насколько мне известно, в России до сих пор отсутствует национальный государственный архив Летописи, доступный для использования научной общественностью, не говоря уже об электронной версии этого документа. Небольшой опыт по созданию электронного варианта Летописи, представляет собой скорее “отработку” грантов, чем реальное дело. Мы не имеем доступа даже к систематическому указателю Летописи природы, не говоря уже о ее содержательной части. Так чего ради убивать животных?

Этическая экспертиза должна отвечать на 2 главных вопроса:

1. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ. Насколько целесообразно, исходя из получения и распространения нового знания, мучить и убивать животных на охраняемых природных территориях, уродовать ландшафт, сокращать численность редких видов растений и т. п.

2. АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ. Можем ли мы получить те же, или близкие по содержательному смыслу результаты, с помощью альтернативных методов, не нарушая этических норм отношения к природе.

В ПОЛОЖЕНИИ об этической экспертизе предлагаю записать:

1. Предложения о проведении этической экспертизы могут исходить от природоохранной общественности, ученых, сотрудников заповедников и национальных парков, работников соответствующих федеральных или региональных органов управления.

2. Решение о проведении этической экспертизы принимает соответствующий федеральный или региональный орган управления, в ведении которого находится заповедник или национальный парк.

3. Этическую экспертизу проводит комиссия, состоящая из представителей соответствующего органа управления, сотрудников заповедника или национального парка.

ка и независимых экспертов из числа соответствующих квалифицированных специалистов. Последних рекомендуют национальные академии наук. В Российской Федерации, например, – Российская Академия наук. Число экспертов может быть различным, в зависимости от характера задачи.

4. Заключение экспертной комиссии носит рекомендательный характер. Окончательное решение по экспертизе принимает соответствующий орган управления, принявший решение о проведении экспертизы.

Чтобы отработать практические методы этической экспертизы, целесообразно обратиться за финансовой поддержкой в один из природоохранных фондов, например, WWF или IFAW. В будущем желательно, чтобы этическая экспертиза стала частью экологической государственной экспертизы и финансировалась за счет тех же источников, что и она.

Положение об этической экспертизе должно включать раздел “Ситуации, требующие проведения этической экспертизы”. Этот раздел содержит перечень конкретных ситуаций, при которых возникает необходимость проведения этической экспертизы. Это наиболее трудный вопрос и я прошу коллег проявить наибольшую активность именно в этом направлении. Я могу привести некоторые примеры того, как мне видится данный раздел будущего Положения об этической экспертизе:

1) при проведении видео-, кино- и фотосъемок на территории заповедников и национальных парков следует выяснить, не обращаются ли с животными жестоко (удержание в капкане, привязывание за лапу, травля собаками или травля жертвы хищниками, болевое воздействие, с целью вызвать звуковую реакцию, и т. п.);

2) при проведении учетных работ на территории заповедников и национальных парков с использованием безвозвратных отловов, следует выяснить, существуют, или не существуют альтернативные методы, исключающие убийство животных, но позволяющие получить аналогичные результаты;

3) при проведении учетных работ на территории заповедников и национальных парков с использованием безвозвратных отловов, следует выяснить, насколько оправдана тематика, предусматривающая методы жесткого обращения с животными, с точки зрения актуальности ожидаемых результатов и возможности их использования в научных целях.

На “Трибуне – 7” было предложено проводить этическую экспертизу всех научных исследований на охраняемых территориях, независимо от того, являются объекты этих исследований объектами живой, или неживой природы. Поэтому мы ждем от своих коллег конкретные предложения по всем возможным аспектам этической экспертизы.

КРАСОТА ПРИРОДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр,

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

В “Современной идее дикой природы” я неоднократно подчеркивал, что дикая природа обладает высокой эстетической ценностью. Однако как эта эстетическая ценность взаимодействует с ценностью моральной?

Согласно многим этическим и эстети-

ческим теориям, хорошее представляет собой просто слияние моральных и эстетических концепций, которые включают чувство правоты и уместности, заботы и свершения, удовольствия от вещей (природных и искусственных) (Tuan, 1993). Однако всегда ли эстетическое чувство само по себе явля-

ется хорошим? Задумываемся ли мы, какой ценой для природы мы его приобретаем?

В природоохране часто моральные и эстетические сферы являются несовместимыми. Ради наслаждения красотой природный заповедный объект нередко открывают для туристов, что способствует его уничтожению – результат плохой по своей сути. Как справедливо отмечает В.Н. Грищенко (1997), восхищение красотой живого существа еще не означает желание его сохранить и может вызвать даже обратную реакцию – убить, отстрелять, добыть для коллекции.

Известный русский педагог П.Ф. Каптерев полагал: *“Эстетическое чувство само по себе не имеет никаких нравственных элементов, оно составляет отдельную от нравственности область, независимо от нее может с ней согласовываться, а может и противоречить ей. (...) Эстетическое чувство, по самой своей природе, по своему существу есть эгоистическое чувство, источник своеобразных удовольствий и неудовольствий для человека”* (Каптерев, 1914).

Действительно, эстетическая мотивация может не только двигать людей к добру, но и ко злу. Именно благодаря эстетическому чувству людей происходит исчезновение редких красивых жуков и бабочек, цветов и птиц (сбор энтомологических коллекций, первоцветов, истребление птиц ради дамских украшений). Эстетика является одним из двигателей охоты, когда ради красивого трофея убивается животное (Борейко, 1999). А.А. Никольский (1999) метко назвал это “эстетикой убийства”.

Таким образом, эстетическое чувство, само по себе, не гарантирует охрану дикой природы. Красота может увеличивать мораль, а может стать движущей страстью к контролю и управлению природой.

Все это означает, что мы должны полностью осознавать последствия пробуждения у людей эстетического чувства. Оно связано с вопросами конечной заботы – ценностями, ради чего оно проявляется. Эстетическое чувство является только тогда природоохранным, если оно поощряет це-

нить красоту природных ландшафтов и видов природы саму по себе или ради них самих, а не как средство для использования в личных целях. Другими словами, эстетическое чувство тогда станет природоохранным, когда оно будет связано с экологической этикой. Эстетика должна сопутствовать этике. Мораль обуздывает человека, берет его в руки, укрощает в нем зверя.

С другой стороны, и сама красота природы способствует проявлению нравственных чувств, и вызывает, хотя бы на короткое время, симпатию, благожелательность, любовь и милосердие, делает человека чище, благорасположеннее.

П.Ф. Каптерев пишет: *“Если эстетическое чувство, содействуя развитию общечеловеческой нравственности, тем самым косвенно может благотворно влиять на развитие нравственности, то и нравственное чувство, обратно, может содействовать развитию эстетического. Для полного и надлежащего эстетического наслаждения требуется известная доля бескорыстия, возвышения над грубыми чувственными возбуждениями, свобода от эгоистических вожделений и поползновений. Свокорыстные чувствования и соображения отравляют и ослабляют эстетическое наслаждение, предполагающее значительную долю объективизма, бесстрастия, спокойствия, воздержания от эгоистических возбуждений, параллелей, аналогий”* (Каптерев, 1914).

По его мнению, главное в эстетическом воспитании детей – не ставить эстетическое образование обособленно от умственного и нравственного. Показ красот природы должен сочетаться с уходом со стороны детей за растениями и животными. Большое значение имеют также сказки с героями из животного мира (Каптерев, 1914). Нужно учить детей видеть не только красоту, но и моральную возвышенность в природе.

В природоохранной эстетике необходимо разработать и ввести специальные этические ограничения в оценке красоты. Индивидуальные эстетические взгляды долж-

ны быть помещены в широкий контекст жизненных этических соображений, а этические мотивы управлять эстетическими оценками. Например, эстетическое может быть спорным, если делает жизнь не стоящей жизни. Так, красивый закат не может считаться эстетически ценным, если он окрашен ядерным взрывом.

По мнению канадского экофилософа Аллена Карлсона, есть два основных значения, превращающих вещь в объект эстетического наслаждения: внешний смысл и внутренний смысл. Внешний смысл – физическое (краски, формы, высота и т. д.) восприятие объекта. Внутренний смысл – качества и ценности данного объекта, что вызывает более глубокие, эстетические ассоциации. В случае с “ядерным закатом” его смертоносные качества лишают смысла всю эстетику (Carlson, 1994).

Эстетические понятия, будучи довольно зависимыми от субъективных предпоч-

тений и культурного контекста, не могут быть приоритетными в оценке видов или природных объектов в сравнении с моральными (например, благоговение перед любой жизнью). Последние должны получать большую общественную поддержку.

Литература

- Борейко В.Е. (1999): Введение в природоохранную эстетику. Киев: Киевский эколого-культурный центр. Изд. 2-е, дополн. 1-128.
- Грищенко В.Н. (1997): Эстетика и охрана птиц: вместо послесловия. - Беркут. 6 (1-2): 87-89.
- Каптерев П.Ф. (1914): Педагогическая психология. СПб. 1-489.
- Никольский А.А. (1999): Этика благоговения перед жизнью – против эстетики убийства. - Гуман. экол. журн. 1 (1): 7-10.
- Carlson A. (1994): Appreciation and the natural environment. - Environmental ethics. Boston - London: Jones and Bartlett Publishers. 142-147
- Tuan Ji-Fu (1993): Passing strange and wonderful. - Aesthetics, nature and culture. Covelo, California: Island press - Shearwater books. 1-289.

- Слышал, нас теперь будут охранять!
- Не слишком ли поздно?

Рис. Э.Д. Шукурова.

Экоцентризм против антропоцентризма: давайте поспорим

В.В. Дежкин, доктор биологических наук

Международный независимый эколого-политологический университет, г. Москва

Неуемная творческая энергия В.Е. Борейко и его сподвижников обрушила на нас непрекращающийся поток вдохновляющей информации, имена экологов-философов, творцов экологической этики. Особое звучание получили природоохранная этика и эстетика. Мы, с благословения В.Е. Борейко, стали привыкать к религиозному смыслу Природы и ее творений, даже оставаясь в стороне от религии.

“Дикая природа, как культурный мир”, “Дикая природа как святое пространство”, “Внутренняя ценность дикой природы”, “Дикая природа как Совершенно Иное”, “Воссоздание дикой природы”... Это названия некоторых глав из книги нашего автора “Эссе о дикой природе”. Налет мистики и преувеличения не мешает нам получать удовольствие от непривычного звучания и искренних устремлений этих своеобразных формул публициста-природоохранителя конца XX века. В.Е. Борейко своей неустанной многолетней пропагандой резко расширил пределы нашего природовосприятия, обогатил его новыми именами и терминами, сделал более действенным и эффективным. В этом можно убедиться, даже если только познакомиться с рефератами его работ в “Зеленом мире”.

Но! Чем ярче звезда, тем более заметны – извините за банальность – имеющиеся на ней пятна. Они стали проглядываться сквозь блеск нового светила еще несколько лет назад. Анализируя деятельность отечественных заповедников, В.Е. Борейко (в соавторстве с Е.А. Симоновым) предложил несколько новых критериев для оценки их работы (что можно было только приветствовать) и резко упрекнул плеяду заповед-

ных деятелей прошлого в... “убожестве мотиваций”. Мы отнесли этот пассаж на молодость и боевитый характер авторов и лишь пожурили их в ответной статье. А надо было бить тревогу! В каждой последующей книге или статье В.Е. Борейко позиция его становилась все определеннее. Появились призывы изгнать из заповедников работающих в них людей (позднее – отнесенные к будущему). Обожествляя и красиво воспевая природу, он “оставлял” все меньше места человеку на этой планете. Постепенно утрачивалось ощущение реальности и понимание той печальной и неоспоримой истины, что сосуществование Природы и Человека возможно лишь на основе глубоко продуманного и прочувствованного компромисса. Что выход – не в “запретах на природу”, не в ее неумеренной идеализации, а в формировании стратегии разумного природопользования. В сосуществовании неизбежны обоюдные потери, и это необходимо признавать. Призывая к обожествлению дикой природы (красиво и эффектно!), в то же время следует признавать и определять ее пределы на все более обживаемой человеком планете. И, в конце концов, признавать очевидное: “окультуренная природа” бывает не менее красивой и привлекательной, чем дикая, сплошь и рядом.

В превосходном журнале “Про эко”, выпущенном при энергичном участии В.Е. Борейко в 1996 г., приводится статья профессора Йельского университета Стивена Келлелта “Об экологической этике”. Ах, как заманчиво и призывно звучит выдержка из этой статьи: “Мы тоже, как часть экосистемы, наделены правом жить за счет изменения и разрушения многих других индивидуальных членов экосистем. Мы имеем право на существование. Наше обязательство состоит в том [внимание – В.Д.], что-

Опубликовано: Дежкин В.В., 2001, Внимание: это Борейко! - Охота и охотничье хозяйство. 2001. № 2, стр. 1-2, сокращенный вариант.

бы просто избегать причинения вреда здоровью экосистем в целом, так как здоровые экосистемы нужны для важных процессов эволюции...” Реален ли этот принцип экологического холизма (так называет свою проповедь автор) для обычных земных условий? Возможно ли повсюду, кроме территории абсолютных заповедников, сохранять “здоровье экосистем”?

“Dichtung und Wahrheit aus meine Leben!” Способны ли мы, будучи в плену эмоций, найти тонкие грани, отделяющие Поэзию от Правды? Презренной, но неизбежной правды жизни...

Многие столетия издевательства человека над природой не могли пройти бесследно для гуманных и мыслящих людей. Постепенно, как всегда бывает в таких случаях, нашелся подходящий термин: антропоцентризм! Не будем копаться в философских глубинах и источниках, но вот как определяет этот термин автор современной интересной книги “Биоэтика в высшей школе” Т.Н. Павлова: “Антропоцентризм был доминирующим мировоззрением человечества на протяжении многих веков. Человек противопоставлялся всем остальным существам на земле, и считалось само собой разумеющимся, что только интересы и потребности человека имеют важность, что все остальные существа не имеют самостоятельной ценности... В настоящее время антропоцентризм начинает рассматриваться как негативная форма мировоззрения” (1998, с. 11-12).

Разумеется, многие протестовали против такой трактовки роли человека. Достаточно упомянуть В.И. Вернадского, который отводил людям лучшего будущего миссию высших гуманных существ и связывал с ними надежду на создание Сферы Разума. Не вина этого великого ученого, что в наши дни Ноосфера так же далека, как и в двадцатые годы прошлого столетия (а может быть, и дальше). Но творец и обитатель Ноосферы имеет полное право считать себя центром мироздания, ибо он перестраивает его на новых началах, оставляя достойное место всему живому. Не может житель Ноосферы наносить непоправимый

ущерб Биосфере и без крайней надобности обеднять ее важнейший компонент – живую материю! Следовательно, он... антропоцентрист?

В противовес антропоцентризму сформировался биоцентризм, основывающийся на биоэтике. Уже упоминавшаяся нами Т.Н. Павлова подробно рассказывает о зарождении (в древнейшие времена!), развитии и становлении биоэтического мировоззрения. “Биоэтика... – это составная часть этики, т. е. область нравственного отношения к окружающему нас миру” (Павлова, 1998, с. 114). Да, она выкристаллизовалась в качестве противодействия бесчувственному и корыстному человеку, ставившему удовлетворение своих потребностей, в том числе и за счет живой природы, в центре внимания. Появление биоэтики было оправданно и понятно. Она необходима и сейчас. Но, рискуем утверждать: не как самостоятельный и непреодолимый барьер на пути антропоцентризма, а в качестве одной из его нравственных основ.

В.Е. Борейко и его последователи, как и многие другие ищущие люди, в последние десятилетия стали жертвами раздачи примитивных ярлыков. Антропоцентризм – это, несомненно, плохо, а биоцентризм – хорошо. Следовательно, да здравствует гуманный биоцентризм, да сгинет бесстыдный и эгоистичный антропоцентризм! Поддавшись на эту упрощенную фразеологию, мы рискуем оставить растущее человечество без жизненного пространства, без природных ресурсов. А постольку, поскольку все это подается в красивой упаковке и привлекает многие миллионы поклонников, обоснованно разочаровавшихся в современной цивилизации, возникает реальная угроза серьезного “перекоса” в природовосприимчивости большого числа наших современников.

Вместо активной работы на ниве разумного природопользования, вместо постепенного вытеснения из умов и душ современников сугубо потребительского отношения к природе, вместо, наконец, замены устаревших и опасных догм традиционного антропоцентризма на новые прогрессивные идеи, они поддаются несбыточным гре-

зам о красивой, обожествленной, дикой природе без человека. И тем самым уско-ряют ее разрушение и гибель.

Прекрасный ученый и человек Н.Н. Моисеев считал, что биосферу в конечном итоге может спасти лишь нравственная переориентация человечества. Она подразумевает прежде всего отказ от избыточного использования ресурсов и товаров, соразмерение истинных минимальных потреб-

ностей людей с ресурсами природы, гуманное отношение ко всему живому, но отнюдь не слепой отказ от всего, что производит мир растений и животных. Если ноосферология в чем-то устарела и потеряла частично наше доверие, давайте ориентироваться на Новый Антропоцентризм, одним из основных столпов которого будет современная биоэтика, экологическая этика, ее гуманные принципы и методы.

***Дикую природу может спасти только
экологическая этика***
(Ответ В.В. Дежкину)

В.Е. Борейко

*Киевский эколого-культурный центр,
Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua*

*Как это могут люди планировать и управлять,
если они не способны заглянуть даже в свой
завтрашний день?*

М. Булгаков “Мастер и Маргарита”.

Уважаемый Вадим Васильевич!

Мне кажется, что беда всех нас, постсоветских природоохранников в том, что мы были, да и сейчас продолжаем находиться вне мировой экофилософской мысли.

Согни, тысячи томов книг, журналов, брошюр по экологической этике, экологической философии, природоохранной эстетике, экологической культурологии, обильно издающихся прежде всего в США, Канаде, Великобритании, Австралии, Норвегии, Финляндии не только нам не известны, но даже не попадают в центральные библиотеки России, Украины, других стран СНГ. До сих пор ни в одном из наших университетов не читается курс экологической этики, дисциплины, по которой уже с 1970-х годов проводится по десятку мировых симпозиумов в год! Поэтому мы часто не понимаем многие идеи и положения, к которым на Западе все давно привыкли. Ну,

к примеру, все ведущие специалисты по эстетике давно уже пришли к общему мнению, что дикая природа имеет большую эстетическую ценность, нежели окультуренная.

Так, согласно И. Канту, природа окультуренная не имеет той высшей степени красоты, что присуща природе дикой – возвышенности. Иными словами, в окультуренной природе не увидеть лицо Бога, сколько не вглядывайся.

Хотя, с другой стороны, экологическая этика – дисциплина молодая, в ней есть очень много спорных моментов. Так, например, противоречия между эоцентризмом и биоцентризмом, на что верно указал в своей статье мой старый товарищ и главный редактор нашего журнала В.Н. Грищенко (ГЭЖ, т. 3, вып. 1, 2001).

Теперь о дикой природе. Я полагаю, что человечество уже подошло к такому этапу, когда твердо пора решить: на сколько нуж-

но сократить свою численность и сколько процентов территории Земли предоставить дикой природе в полное распоряжение. Причем я не согласен с известным экологом Н.Ф. Реймерсом, который учил, что заповедники – это особая форма природопользования. Нет, заповедники – это такое место на Земле, где дикой природе дозволено все, где она сохраняется и существует ради самой себя. Где пользуется правом на свободу от человеческого вмешательства. Где не существует никакого пользования – ни научного, ни религиозного, ни образовательного. Где, как призывал век назад классик российского заповедного дела Г.А. Кожевников, нужно *“охранять первобытную дикую природу ради нее самой”*.

Но минуло столетие, и что-нибудь новое в идеологию и философию заповедного дела привнесено не было. Основной крен делался в практику, тактику, технологию создания охраняемых природных территорий. Но ведь заповедное дело без философии – все равно что орнитология без птиц.

На мой взгляд, из-за неверной ценностной ориентации по отношению к дикой природе современные лидеры заповедного дела делают значительные ошибки – разрешая экотуризм и различные регулировочные мероприятия в заповедниках, не ограничивая неэтические методы научных исследований в заповедниках, игнорируя этическую, эстетическую, духовную, религиозную, культурную оценку заповедных территорий. Так же как хозяйственники, только может быть не так грубо и явно, наши практики заповедного дела (а это прежде всего многие директора заповедников) кричат дикой заповедной природе: *“Раздвинь ноги!”*.

Практически все наши деятели заповедников продолжают аргументировать важность охраняемых природных территорий их полезностью для людей. В своей парадигматической основе заповедное дело остается сугубо антропоцентрическим, поскольку согласно этой идеологии, дикая природа опять же существует для удовлетворения интересов человека, а не сама для

себя. По сути, такая позиция является саморазрушающей, ибо, если интересы дикой природы уступают интересам человека, то значит заповедники всегда могут быть упразднены согласно изменившимся интересам людей. Парадокс этой позиции состоит еще и в том, что разрешая использовать дикую природу заповедников для науки, экотуризма, экопросвещения, студенческих практик и т. п., она способствует превращению природы дикой в природу окультуренную. Ведь любое, пусть самое незначительное использование территорий дикой природы в любом случае создает угрозу для их существования. Все, и прежде всего деятели заповедного дела должны понять, что главная ценность дикой природы заключена в ее естественности вне нужд человека. Дикая природа тем ценнее, чем независимее от нас.

Я полагаю, что современная идеология и философия отечественного заповедного дела обязаны быть коренным образом пересмотрены. Во главу должен быть поставлен тезис, что защита дикой природы должна вестись прежде всего ради нее самой. Это – во-первых. Во-вторых, дикая природа – это гораздо больше, чем кладовая ресурсов или важный компонент экологических систем, ибо она священна, имеет внутреннюю ценность и моральные права.

В связи с этим я считаю, что пришло время подойти к обсуждению создания такой новой формы охраняемых природных территорий (своего рода сверхзаповедников), где дикой природе предоставляется полная свобода, без какого-либо научного, рекреационного, образовательного, культурного или религиозного освоения. Что касается современных научных заповедников, то там, безусловно, должен быть ужесточен заповедный режим (никакого экотуризма, никаких студенческих практик, проведение научных исследований только щадящими способами), а стратегией всех заповеднических менеджмент-планов должно быть признано стремление к абсолютной заповедности. Заповедный режим пора ужесточить и в национальных парках, где дикая фауна и флора должны находиться под особой

охраной, а значит запрещены любая охота и рыбалка. В практику отечественного заповедного дела пора внедрять следующие этические принципы:

1. Цени дикую заповедную природу ради нее самой.
2. Любой заповедник должен стремиться к абсолютной заповедности (принцип Г.А. Кожевникова – Ф.Р. Штильмарка).
3. Благоговей перед дикой жизнью (принцип А. Швейцера – А.А. Никольского).
4. Не стремись к получению экономической выгоды от заповедника.
5. Заповедник – это единственное место, где максимально защищаются естественные (моральные) права дикой природы, ее видов и особей.
6. Почитай территорию заповедника как священное пространство (принцип О. Волкова).
7. Относись к заповедному делу как к богоугодному (принцип Дж. Мьюира).
8. Пусть лучше будет белое пятно в науке, чем в дикой заповедной природе (принцип С.С. Шварца).
9. Не навреди.
10. Заповедники служат не людям, а дикой природе.

Я полагаю, что рамки современной демократии должны быть расширены до защиты прав и свобод всего негуманоидного мира, пока притесняемого человеком. Другими словами, речь идет о включении всей дикой природы в современное демократическое общество. Пришла пора преднамеренно применять правовой либерализм и в заповедном деле. Уважая права дикой природы, человек не получает от этого для себя пользы, а только соблюдает демократические принципы.

С позиций демократического либерализма заповедное дело будет выглядеть несколько по-иному: создание охраняемых природных территорий не ради научных или рекреационных потребностей человека, а ради соблюдения права дикой природы на существование и свободу.

По-видимому, в Европейской части России, как, впрочем, в Украине и Белоруссии, пришла пора, на манер американцев или

канадцев, провести инвентаризацию всех оставшихся участков дикой природы, создав особую национальную систему областей дикой природы. В нее входят как заповеданные, так и незаповеданные территории дикой природы. Это что-то сродни системе лесов I группы – в участках дикой природы, входящих в Национальную систему областей дикой природы, ведется щадящий дикую природу режим природопользования.

Еще одно предложение. Я считаю, что пришло время в России и странах СНГ создать радикальную общественную экологическую организацию (на манер американской “Прежде Земля!”), которая отстаивала бы права и свободы дикой заповедной и не заповедной природы. Это не должно быть общество бездушных регистраторов природы или охотников за грантами. Любой компромисс с природоохранными чиновниками, властями и хозяйственниками пусть приравнивается к предательству, а любые упоминания об “устойчивом развитии”, “рациональном природопользовании”, “охране природы ради нас и потомков” – позором. Методы работы – от ненасильственных акций до массированного просвещения и пропаганды. По-видимому, такая организация должна быть в определенной степени религиозной. То есть ее активисты могут исповедовать особую религию природоохраны – почитая дикую природу как священное пространство.

Я бы назвал такую организацию “Воины дикой природы”. И последнее. В своей статье “К спорам о дикой природе, заповедности и антропоцентризме” (см. этот выпуск), Ф.Р. Штильмарк указывает, что я проповедую “отношение к природным заповедникам как к особому священному пространству, исключающему всякое вмешательство человека”. На самом деле священным пространством для меня являются все сохранившиеся на Земле участки дикой природы.

Я надеюсь, что современная идея дикой природы (которой был посвящен недавний спецвыпуск “ГЭЖ”), концентрируя в себе ценности дикой природы (прежде всего

неэкономические), веру в дикую природу как священное пространство, как Совершенно Иное, и актуальность скорейшей защиты дикой природы ради нее самой пре-

вращается в новую и действенную идеологию природоохранного сообщества, способную спасти оставшиеся участки дикой природы.

К спорам о дикой природе, заповедности и антропоцентризме

Ф.Р. Штильмарк, доктор биологических наук
*Институт проблем экологии и эволюции РАН,
Россия, 129337, г. Москва, ул. Федоскинская, 7, кв. 123*

Прошедший год признавался международным годом биоразнообразия. Этот важнейший признак всего сущего на Земле проявляется повсюду, причем не только в окружающей нас природе, но и непосредственно в человеческом обществе. Не так уж и велика наша планета, но сколь различны существующие на ней страны и народы, условия жизни людей, да и сами по себе люди. Ведь каждый из нас есть особый микрокосм со своими индивидуальными особенностями, взглядами и представлениями о Вселенной и ее устройстве. Однако существуют некие человеческие свойства, равно присущие всем и каждому, будь то нобелевский лауреат, имя которого знает весь образованный мир, или же никому не ведомый рядовой труженик. Только людям свойственны понятия о вере (религиозности), альтруизме, только им даны разум и членораздельная речь, но каждый из многих миллионов землян вольно пользоваться этими благами по-своему, каждый – даже атеист – служит своему Богу, как правило, будучи уверен в правоте своей, при этом зачастую осуждая своих ближних, если они мыслят иначе.

Почему одни из нас, глядя снизу вверх на кроны старых деревьев, ощущают чувство безмерного уважения к земным исполинам и желают им дальнейшего долголетия, другие же думают либо о кубометрах древесины, либо о том, что этим старикам давно уже пора дать место более молодым собратьям? Почему одни видят в раскинувшихся вокруг лесных даях прежде всего

земную красоту, а другие лишь лесосырьевую базу? Таких вопросов можно задать очень много, и не так-то просто получить верный ответ. Многим известен пример великого философа Канта, которого когда-то привели в изумление звездное небо над нашей головой и нравственный закон внутри нас. Но можно ли говорить об этом законе сегодня, если продолжают на Земле распри и войны, ежечасно и повсеместно совершаются всевозможные преступления, не соблюдаются строго установленные правила человеческого общежития? Разумеется, можно, и нужно, ибо нарушения не отменяют нравственных законов, они лишь свидетельствуют о неблагоприятии общественной жизни и ее устройства.

Экологи говорят, что природа есть наша общая земная мать, поэтому ее нельзя покорять и переустраивать, между тем как человечество занялось именно таким переустройством с первых дней своего возникновения и год от году это антропогенное воздействие становится все более ощутимым. К тому же, едва ли готовы назвать природу своей матерью те, кто пострадали от землетрясений и вулканов, от ураганов и наводнений, а таких людей на Земле немало. Вспомним вещие слова Гёте: “Природа! Окруженные и захваченные ею, мы не можем ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть. Непрошенная, нежданная, захватывает она нас в вихрь своей пляски, и несет с нами, пока, утомленные, мы не выпадем из рук ее... Она вечно говорит с нами, но тайн своих не открывает. МЫ ПО-

СТОЯННО ДЕЙСТВУЕМ НА НЕЕ, НО НЕТ У НАС НАД НЕЙ НИКАКОЙ ВЛАСТИ... Она вечно творит и вечно разрушает, но мастерская ее недоступна. Она вся в своих чадах, а сама мать – где же она?..”

Тем, кто надменно скажет, будто бы сегодня человек стал сильнее природы, можно напомнить, что довольно на ничтожную долю сдвинуть любую земную константу (“внести коррекцию”, как говорил покойный Фатей Шипунов, основатель Алтайского Кедрогграда), чтобы люди разделили незавидную судьбу динозавров. Нет, природа не признает людских авторитетов, мнений и “установок”, будь то библейские мечты о Царстве Божьем, сомнительные ли представления о “научном” коммунизме или научные – без кавычек – мысли о Ноосфере как Обществе Разума (все эти идиллии уже по самой сути своей глубоко религиозны и пока что остаются утопичными).

Одной из ярких разновидностей человеческой веры является чувство благоговения перед дикой (первозданной) природой*. Это может быть и наивное удивление перед творческой силой Всевышнего, и более материализованным ощущением величия окружающего нас мира, о чем так ярко писал в начале века В.И. Талиев, говоря о природе как “источнике сознательных и бессознательных переживаний ВЫСШЕГО ПОРЯДКА”. Красота природы имеет собственную высокую ценность, является особым “духовным” богатством. ЗАПОВЕДАНИЕ с давних времен означает именно ВЫСШУЮ, то есть ДУХОВНУЮ форму сохранения особо ценных природных объектов, и это очень наглядно выражено в широко известных выражениях из словаря В.И. Даля (заповедный лес, в котором на-

строга запрещена рубка, назывался “божелесем” или “моленным лесом”). Впрочем, определения заповедности давались на Руси и задолго до Даля, о чем наглядно свидетельствует “Лесной журнал” № 9 от 1837 г. (статья Г. Вильдермета “О пользе выдела заказных рощ”): “Из лесов казенных выделяются заказные рощи в неприкосновенный запас... и тогда рощи сии получают от поселян название ЗАПОВЕДНЫХ. В сем названии заключается для жителей селений НЕЧТО СВЯЩЕННОЕ, ибо рощи, получившие такое название, согласно предназначению своему, становятся НЕПРИКОСНОВЕННЫМИ... Автор проверял районы Тверской губернии и ни в одной заповедной роще не нашел ни одного срубленного дерева со времени заказа. Крестьяне до них не касаются, название “заповедный” есть для них добрый гений, охраняющий от порубок и других истреблений”. Очень близкие этические основы заповедного дела позднее отстаивал А.П. Семенов-Тянь-Шанский (“Свободная природа как великий живой музей”).

В.В. Докучаев в конце XIX века, а несколько позднее Г.А. Кожевников и И.П. Бородин дали научное обоснование создания российских заповедников, также основанных на принципе полной неприкосновенности. В советское время в заповедном деле уживалось множество противоречий: запреты сочетались с массой исключений и оговорок; мотивы благоговения или преклонения перед природными красотами полностью исключались, внедрялись строго материалистические принципы управления заповедной природой, причем эти установки времен сталинского социализма оказались настолько прочными, что надолго пережили свое время. Однако даже во времена наиболее потребительского отношения к природоохране в словах “заповедник” или “заповедание” кое-кому слышался – по выражению писателя О.В. Волкова – “некий священный смысл”.

Казалось бы, что при нынешнем более чем либеральном отношении постсоветского общества к религии, этические и эстети-

* Провести строгую грань между дикой и “недикой” природой в наше время трудно или даже невозможно. Определение “дикости” как полной безлюдности зачастую условно, такие места все труднее найти, в “глуши” подчас могут жить люди, а цветок одуванчика у обочины дороги человек с чистой душой рассматривает как первозданный, как “Божье творение”.

ческие подходы к заповедному делу должны быть заново востребованы и получить широкое применение, но этого не произошло. Напротив, использование морально-нравственных мотиваций в отношении заповедников вызывает откровенные насмешки со стороны некоторых научных работников (например, реплика А.Ю. Пузаченко в газете “Зеленый мир”). Какая, дескать, может быть “этика”, когда речь идет об элементарном выживании и самих заповедников, и работающих в них сотрудников? Действительно, резкое ослабление государственного внимания к заповедной системе создало серьезные трудности. Однако это вовсе не означает, что можно полностью отказаться от морально-нравственных представлений и от принципов невмешательства в заповедную природу. Слава Богу, Россия еще не обделена пространствами, есть где развернуться жаждущим осваивать, преобразовывать и регулировать живую природу, помимо непосредственно заповедников. То, что может быть допустимо или уместно в национальных парках, заказниках и на других охраняемых территориях, как правило, не соответствует строжайшим принципам подлинной заповедности.

Что же касается “гонимого” антропоцентризма, то В.В. Дежкин преувеличивает, ибо ничто ему, этому принципу “ВСЕ ДЛЯ

ЧЕЛОВЕКА” сегодня, к сожалению, не угрожает. Конечно же, для эколога и природоохранника сама по себе идея примата этики, несомненно, более привлекательна, чем лозунг “все для блага советских людей”. Под эти призывы, напомним, мы не только стояли в очередях то с карточками, то с талонами, под них громоздили плотины-тромбы на реках, копали каналы и даже воздвигали концентрационные лагеря (я видел такие плакаты своими глазами, как и лозунги “я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек”, когда возил своему заключенному отцу передачи в подмосковные лагеря, причем прочитать эти красивые слова, восходящие, кстати сказать, к Библии, можно было только сквозь несколько рядов колючей проволоки).

Невольно вспомнишь “Балладу с тенденцией” Алексея Толстого. Конечно же, антропоценозы куда как изобильнее и милее иным сердцам, нежели мрачные заповедные кущи без приложения людских рук. Подумаешь, там черные аисты или японские журавли – то ли дело индюк на подворье – вот это настоящая красота!

... Весь мир желают сгладить
И тем ввести равенство,
Что все хотят изгадить
Для общего блаженства!

Некоторые философские проблемы охраны природы

*А.Н. Иванов, кандидат географических наук
географический факультет МГУ*

Название и основные мысли этой статьи возникли после прочтения книги В.Е. Борейко “Современная идея дикой природы”. К настоящему времени можно считать достаточно устоявшимся среди части научной и природоохранной общественности (но не общества в целом) осознание того, что корень решения большинства экологических проблем современности лежит в сфере духовной, а не технологической. То

есть не борьба с “озоновыми дырами” и глобальным потеплением климата (причины которых до конца неясны), не появление новых “чистых” природоохранных технологий, не создание экологических сетей (хотя и это, и многое другое абсолютно необходимо), а общая гуманизация и экологизация технократического вектора развития современной цивилизации могут вывести общество из глобального социально-

экологического кризиса. Ведь практически при любом виде хозяйственной деятельности образующиеся отходы и возникающие побочные эффекты принципиально неустраняемы: они лишь переводятся из одной физико-химической формы в другую или перемещаются в пространстве. Поэтому суть, корень всех природоохранных проблем находится в самом человеке: управлять люди должны научиться прежде всего собой и как следствие из этого – социально-экономическими процессами, а не пытаться управлять природой. В общем-то это мысли не новые. “Человек, познай себя” – эта фраза, высеченная на дельфийском храме в Древней Греции, в наше время приобретает неожиданный экологический оттенок. Международное природоохранное сообщество еще в конце 1970-х годов пришло к выводу о том, что одним из главных (может быть, даже приоритетным) направлений всей природоохранной деятельности должно стать экологическое воспитание и образование. В отечественной науке наиболее ярко эти идеи нашли отражение в последних работах Н.Ф. Реймерса, Н.Н. Моисеева. В этой связи хотелось бы несколько подробнее остановиться на понятиях экологического воспитания и образования, поскольку они принципиальны для дальнейшего обсуждения проблемы.

Экологическое воспитание и образование – понятия взаимосвязанные и трудно-разделимые, в теории и практике они обычно присутствуют вместе. Тем не менее у них существенно разные целевые установки. Экологическое образование ставит в качестве главной задачи получение субъектом новых знаний о природе и/или проблемах взаимодействия природы и общества. Экологическое воспитание через эмоциональную составляющую направлено на рост духовности, нравственности в человеке, преодолении антропоцентрического отношения к природе.

Экологическое образование обычно делят на формальное и неформальное. Первое сконцентрировано в традиционных образовательных ступенях: детский сад –

школа – колледж – вуз – ФПК – и охватывает в настоящее время около 30% населения России. В связи с общей деградацией системы образования кризис, естественно, захватывает и экологическую составляющую. Несмотря на многократно звучавшие призывы к созданию целостной непрерывной системы экологического образования, охватывающей все вышеназванные ступени, пока это остается на уровне декларации.

Для оставшихся 70% населения основным является неформальное экологическое образование, которое человек получает через самообразование, средства массовой информации и др. Отметим, что СМИ обладают огромным потенциалом как в области экологического образования, так и воспитания, однако этот потенциал явно не реализуется.

В настоящее время в России разработана Федеральная целевая программа “Экологическое образование населения”, предусматривающая создание системы средств и условий обеспечения экологического образования в процессе продекларированного перехода России к устойчивому развитию. Летом 2001 г. была присуждена премия Правительства РФ группе отечественных ученых и преподавателей вузов за разработку в России системы экологического образования. Подобное внимание к проблеме со стороны государства можно всячески приветствовать, но нельзя переоценивать. Человеку можно дать тот или иной объем знаний о природе, но научить его любить природу нельзя. “К сожалению, соблюдение бережного отношения к природе нельзя ни навязать, ни внушить насильно; только само по себе оно может незаметно войти в обиход каждого...” (Н. Рерих). Основную роль в этом играет вторая составляющая – экологическое воспитание.

Определенный воспитательный эффект имеет место и при экологическом образовании, однако основными источниками экологического воспитания являются те структуры или области жизни общества, которые изначально направлены на формирование

морально-этических норм через систему нравственных запретов или ограничений. В обществе это прежде всего семья, религия. Отметим, что роль последней в области экологического воспитания пока явно ниже, чем могла бы быть, особенно учитывая возрождение религиозности в обществе. Очень высокой степенью эффективности экологического воспитания отличаются общественные природооханные организации, объединяющие единомышленников, однако они охватывают небольшой круг населения. Большой эмоциональный заряд несут некоторые произведения искусства, публицистические статьи или передачи, книги.

В контексте вышеизложенного основное значение книги В.Е. Борейко мне представляется именно в эколого-воспитательном эффекте. Массив образовательной литературы по экологии сейчас огромен, изданий же, воздействующих на эмоциональную составляющую, на много порядков меньше. Книга эта продолжает давний спор между сторонниками антропоцентрической и радикально-экологической точек зрения на природу и общество.

В 1970-е годы в науке была довольно популярна концепция геотехсистем – своеобразных симбиозов природы, техники и человека, который ими управляет. В конечном итоге не исключалось, что вся биосфера превратится в гигантскую геотехсистему, в центре которой будет находиться человек и, нажимая на кнопки, управлять природными процессами и явлениями. “В природе нет целесообразности. Ее должен внести сам человек, и в этом заключается высшая целесообразность”, – так выразил эту мысль русский философ Н.Н. Федоров.

Противоположная точка зрения состоит в том, что человек и природа – это как бы две параллельные прямые, которые существуют и развиваются по своим законам и не должны пересекаться, хотя бы в некоторых местах на Земле, которые человек оставляет для дикой природы (эта мысль, кстати, уводит нас к проблеме происхожде-

ния человека на Земле, которая, впрочем, выходит за рамки обсуждаемой темы). Дать дикой природе возможность жить так, как она хочет, а не так, как считает нужным человек, и относиться к таким участкам природы так, как религиозный человек относится к Храму – такова главная идея книги, как я воспринял ее для себя и под которой, наверное, могут подписаться большинство “зеленых”. Прекрасная мысль? Бесспорно. Утопична ли она в наше время? Безусловно. Ведь для этого необходимо по большому счету изменение менталитета человечества, по крайней мере подавляющей его части. А ведь это не удалось ни Христу, ни Магомету, ни Будде. Я имею в виду не внешнюю, обрядовую сторону религии, а внутреннюю, духовную.

Не так давно, готовясь к лекции по проблемам взаимоотношения религии и экологии, я перечитывал некоторые разделы Библии, Корана, сутты раннего буддизма и пришел к выводу, что все религии в конечном счете стремились к одному – сделать человека лучше, обращаясь к его внутренним, духовным, нравственным ценностям. Вспомним Нагорную проповедь Христа – вряд ли кто-то за последние две тысячи лет сказал более высокие слова. И достаточно включить телевизор, открыть газету или просто выглянуть в окно, чтобы понять, что человечество развивается в каком-то совсем другом направлении.

Означает ли это, что надо смириться с таким вектором развития цивилизации и ждать конца света в том или ином виде? Конечно, нет. Если хотя бы несколько человек, прочитав эту книгу, задумаются о поднятых в ней вопросах, уже здорово. И надо стремиться к тому, чтобы подобных книг было больше, и больше людей, прочитав их, задумались и попытались что-то изменить, для начала – в себе. Беда, однако, в том, что читают подобные издания в основном те же “зеленые”, а их по большей части убеждать в этом не надо.

Эстетика окружающей среды

В.М. Гусейн-заде

Азербайджанское общество защиты животных,
370014, Азербайджан, г. Баку, ул. Фисули, 53/96, e-mail: aspa_az@mail.ru

Возможно ли эстетическое восприятие природы и всех ее проявлений без участия в этом восприятии человека? По мнению некоторых природоохранников это возможно, если абстрагироваться от восприятия человеком природы и, если можно так сказать, “слепо” принять ее самоценность, ее “существование ради самой себя” (В.Е. Боррейко).

Однако нельзя ведь игнорировать тот факт, что ее “самоценность” человек может понять и принять, если только сам воочию увидит или поверит рассказам, возможно даже в некотором смысле субъективным, о красоте и ценности “дикой природы”, от других людей. Ведь природа, да и не только одной Земли, не может любоваться собой и своими явлениями, кроме как через чувственные образы человеческого восприятия. К сожалению, ни одно известное живое существо, кроме человека, не может получать морального удовольствия, душевного удовлетворения, да и психологического отдыха от простого созерцания природы! Ни одно живое существо, кроме человека, не способно, находясь на лоне природы, “вспомнить” и прочувствовать свою неразрывную, коренную связь с ней, впитать в себя ее одухотворенность, и хотя бы на короткое время, абстрагировавшись от мирской суеты, почувствовать себя единым целым с окружающей его природной средой! Нет пространству границ! Мыслью падаешь ниц – И мила эта даль, и страшна бесконечность! И в единый символ, и в единый глагол Совмещаются там – скоротечность и вечность! (Покровский В. 1885 г.)

Понимать и ощущать красоту гор, морей, океанов с их островами, атоллами и рифами; красоту ландшафтов морских глубин, берегов озер, рек и водопадов; облаков, заката и восхода Солнца, красоту Луны

и звезд; красоту степей и пустынь с величавыми барханами и островками оазисов; красоту бескрайних ледяных и снежных просторов Арктики и Антарктиды; красоту лесов и болот, не говоря уже о неотъемлемой части их биологического разнообразия, способен только человек! И в этом заключается одно из основных отличий разума человека от разума остальных живых существ планеты. И, по моему твердому убеждению, ценность какого бы то ни было природного ландшафта, каких бы то ни было видов растений и животных, зависит не столько от их лекарственно-лечебной, пищевой или иной ценности, сколько от эстетического восприятия внутренней и внешней красоты, и понимания необходимости ее сохранения и защиты не для грядущих поколений людей, а для устойчивого развития самой природы! Поэтому, в наш век нарастания антропогенного давления на природу, требуется неотложное усиление, со стороны человека же, сопротивления подобному давлению, и не столько с этически-моральной, нравственной стороны, сколько с юридической, законодательной точки зрения. Для воспитания же этического отношения к экологии необходима пропаганда эстетического, чувственного восприятия окружающей среды, собственной ценности ландшафтного разнообразия и биоразнообразия, как уголка природной красоты.

Конечно, техногенное развитие человечества на данном уровне уже дает возможность создания искусственных природных ландшафтов из неприродных материалов, с передачей полного, иной раз даже измышленного спектра визуальных, звуковых и обонятельных иллюзий естественности. Как, например, движение крылышками искусственной бабочки или колибри на искусственном цветке, движение и жужжание

пчелы, механически-электронного жука-навозника, толкающего полихлорвиниловый “навозный” шарик, и даже обходящий при столкновении различные искусственные препятствия, “птиц”, поющих на ветках искусственных деревьев, и т. д.

Но ведь, как бы мы, люди, ни старались, а воссоздать полную картину природы, и тем более передать ее одухотворенность, ту магическую атмосферу, которая создает благоговение и трепет перед величием и красотой естественной природы, никогда не удастся. Хотя бы уже потому, что как бы мы ни старались передать то, что видели,

следовательно, стараемся сделать искусственную копию естественного. Но ведь копия тем и отличается от оригинала, что она является всего лишь только копией, и как бы мастерски она не была выполнена, остается копией! А оригинал создается лишь однажды и единожды!

Следовательно, стоит ли нам, людям, тратить силы и средства на создание искусственной красоты, когда уже есть естественная, и следует только сохранить и защитить ее от “модернизаторских” посягательств человека!

Идея дикой природы должна распространяться

М.Ф. Кильдиярова

*Национальный парк “Башкирия”,
453585, Россия, Башкортостан, Бурдзянский район, д. Иргизлы*

Прочитав первую главу работы В.Е. Борейко “Что такое современная идея дикой природы?”, я пришла в такое волнение, что вынуждена была отложить книгу, долго осмысливать прочитанное и с восторгом осознавать, что у меня в руках то, что я искала. Идея дикой природы уже глубоко сидела во мне, но не облаченная в слова. Читая главу за главой, я находила подтверждение всем моим убеждениям, что дикая природа бесценна сама по себе.

Я работаю в национальном парке “Башкирия” в лесной охране, до этого 12 лет жила и работала в Башкирском заповеднике и три года в заповеднике “Шульган-Таш”... Мы живем в красивейшем месте Башкортостана. Наш край до последнего времени оставался транспортно труднодоступным, что было благом лично для меня. Но сегодня у нас великая печаль на нашей земле, на красивейшем участке реки Белая будет водохранилище. Его строят и несмотря на наши протесты останавливать не собира-

ются. Дикий, каким считали наш край, теряет свою дикость. К нам прокладывают дороги и не считаясь с нашим мнением, делают “благое дело” – приобщают нас к цивилизации. Наше общество еще слабо и не понимает, что мы теряем бесценное навечно. Когда-нибудь мы поймем, что с нашего позволения творились недопустимые вещи, но сегодня обидно, что мы не учимся на ошибках других народов, а невежественно прокладываем свой “путь”.

Эту книгу прочитала и мой соратник Урия Рауфовна Мухамедьярова – руководитель нами созданного общественного объединения “Имэн” (“Дуб”). Она тоже рада, что книга попала к нам в руки и мы благодарим автора за его труд.

Предыдущие несколько книг В.Е. Борейко, кроме “Эссе о дикой природе”, нами тоже прочитаны. Опираясь на эту книгу, я хочу написать статью в районную газету. Идея дикой природы должна распространяться.

Защита животных и современная идея дикой природы

А.С. Гараев

Азербайджанское общество защиты животных,
370014, Азербайджан, г. Баку, ул. Фисули, 53/96, e-mail: aspa_az@mail.ru

*The greatness of a nation and its moral progress
can be judged by the way its animals are treated.*

Mahatma Gandhi.

Тонкой и хрупкой связующей нитью можно считать экологическую этику между классической экологией и приверженцами идеи защиты животных и гуманного отношения к животным. Парадоксально, но существующая пропасть разногласий между двумя этими направлениями, преследующими, по сути, одни цели, является поводом для исследований и диспутов на протяжении последних десятилетий. Что же происходит между теми, кто исповедует классическую экологию и защитниками животных, на пользу или во вред таковая разобщенность и непонимание в реализации целей, в конечном итоге направленных на сохранение жизни на Земле? Попытаемся проанализировать истоки и первопричины этого явления.

Защита животных – тест на гуманность! Оглядываясь на прошедшее столетие, можно с сожалением отметить тот факт, что человечество не выдержало этого теста.

Десятки видов животных на нашей планете либо бесследно потеряны, либо оказались на грани полного уничтожения. И это крупнейшее фиаско идеи “сохранения” диких животных. Во главу угла в прошлом веке была поставлена цель всестороннего изучения и сугубо антропоцентристского подхода к консервации дикой природы. Тогда как необходимо было параллельно, а возможно и с большим преобладанием, развивать и культивировать идеи благосостояния животного мира, всех его компонентов в целом, не разделяя животных на ценные либо редкие виды. Такое разделение сообщества животных на ценных и нецен-

ных ни что иное, как ханжеский, утилитарный взгляд на сохранение природы с ее многообразием, с великолепной естественной гармонией, присущей только дикой природе, в полном отрыве от человеческого вмешательства.

Во-первых, “дикой природы”, как таковой, в ее идеальной форме, т. е. “где бы не ступала нога человека и не ощущалось бы его дыхание”, нет. Следовательно, нет ни одного уголка на всей Земле, где бы не было прямого или косвенного антропогенного воздействия человека на природную среду. А значит, человек уже порядком поработил и продолжает поработать природную среду обитания живых существ в гиперболической прогрессии.

В Азербайджане, где расположено семь климатических зон, где субтропики граничат с пустыней и полупустыней, где альпийские луга переходят в морские и прибрежные экосистемы, имеется 17 особо охраняемых государством территорий.

Невзирая на плачевное состояние действующих заповедников, Государственный комитет экологии предпринимает решительные шаги по созданию двух новых национальных парков. И поскольку средства на это предполагается получить у Всемирного банка, во главу угла ставиться стратегия борьбы с бедностью и наращивание рекреационного вмешательства в дикую природу. Это ли не пример маразматического и типично утилитарного подхода? А ведь большинство населения не поддерживает эти решения, в стране, где вековые традиции бережного отношения к дикой природе

де превалирует. Где население воспитанно в лучших традициях мусульманства, не так легко будет предпринять такие шаги, но поразительным остается тот факт, что это решение поддерживается некоторыми индивидами от науки.

Уникальная экосистема Ширванской и Мильской степи – Ширванский государственный заповедник – превращен в ферму для выращивания джейранов. Все остальные виды животных, и особенно хищники, поставлены в заповеднике вне закона.

В Азербайджане на законодательном уровне запрещено какое бы то ни было убийство животного на территории заповедников. Однако, в апреле этого года Азербайджанское общество защиты животных (АОЗЖ) при широкой поддержке международной общественности с большим трудом воспрепятствовало беспрецедентным действиям со стороны официальных властей. Так, Комитет экологии намеревался предпринять акцию по отстрелу волков с помощью вертолетов в заповеднике. Можно только представить, какими чувствами и идеями руководствовались государственные чиновники. Уже одна мысль о возможности проведения подобного акта со стороны государства в разрез действующему вышеуказанному запрету, вызывает, по меньшей мере, чувство недоумения и протеста!

Вражда между человеком и волком имеет древние и глубокие корни. Начало ее следует искать в эпоху перехода человека от собирательства и охоты к скотоводству. Война велась на всем огромном ареале волков – в Европе, Азии, Северной Америке.

Человек победил в войне с волком. Но кого? Может быть, собственное человеческое начало, бесценную гармонию и шанс на сосуществование с природой, как с единым целым. Кому, в лице этого благороднейшего животного, о котором с восторгом писали классики, противопоставил себя человек? Ответ ясен. Человек с момента своего появления, как “разумного” существа, уже противопоставил себя не только всему живому миру, но и самой Природе, следовательно, и природе самого себя!

В результате, в Англии, волки были полностью уничтожены уже в начале XVI века. В XVII–XX вв. они практически исчезли во всех странах Западной Европы. По такому же сценарию развивались события в Северной Америке.

И только в середине XX в. многочисленные и документированные исследования показали его огромную роль в балансе экосистем, роль санитара и селекционера. Но было уже поздно. Неужели для того, чтобы дойти пониманием до бесконечной гармонии и красоты дикой природы, чтобы почувствовать ее глубокий и священный смысл, необходимо ее уничтожить? Естественно, эта участь постигла всех остальных хищников в Азербайджане.

Полностью исчез азиатский лев, переднеазиатский гепард, туранский тигр, на грани исчезновения переднеазиатский леопард, манул, рысь, камышовый и степной кот. Все эти животные причислены человеком к “конкурентам” и поставлены вне закона.

Если волк – один из древнейших “врагов” человека, то собака – его старый и верный друг. И что же, здесь та же картина. Отмахнувшись от всех заслуг и подвигов этих преданнейших существ, урбанизовав общество, человек, реально почувствовав их ненужность, принялся с усердием и присущей жестокостью уничтожать, травить, жечь бездомных животных.

После запрета на рабовладительство, отмены пыток и смертных казней, всемирного осуждения фашизма, человек обратил всю свою жестокость и злобу против животных. Ежедневно тысячи их гибнут в медицинских экспериментах, религиозных обрядах, спортивной охоте, их приносят в жертву модным одеждам и меховым изделиям, их истребляют просто, потому что они есть. Отношение различных религий к этому – тема отдельная, однако ислам не поддерживает какое-либо убийство животного, кроме как для необходимого употребления в пищу, или при непосредственной угрозе жизни самого человека со стороны животного.

В настоящее время в Китае 10000 (десять тысяч!) медведей содержится в горизонтальном положении в клетках, которые скорей напоминают гробы. Катетер введен в желчный пузырь, из которого поступает желчь (высокоценное сырье восточной медицины). Животные годами находятся в одном положении и испытывать адскую боль в течении 15-20 лет!!! Из-за того, что они находятся в неподвижном состоянии, их костяк с годами деформируется. 15 лет – это 5475 дней, или 131400 часов, или 78 844 000 минут непрерывной боли!

И это все происходит не во времена инквизиции, не в нацистской Германии времен Второй мировой, это происходит в высоко развитых странах Азии, Европы, и Америки.

Вот над чем необходимо задуматься всем нам: и экологам и педагогам и защитникам животных. В каких глубинах кроется эта жестокость и отчужденность, это чувство вседозволенности и беспардонного хозяйничанья природой и животным миром?

Судьба Каспийского моря не явилась исключением. Десятки лет продолжается интенсивная эксплуатация всех без исключения его природных ресурсов. С 1997 г. продолжается массовая гибель каспийских тюленей. И вместо того, чтобы всерьез задуматься над надвигающейся бедой, все прикаспийские государства принялись делить море на сектора и зоны эксплуатации его ресурсов. Видя катастрофическую ситуацию с осетровыми, CITES объявляет мораторий на экспорт черной икры на 6 месяцев. Подумать только, ровно столько предоставляют умирающему Каспию времени на восстановление от варварской эксплуатации в течении десятков лет. Это аналогично тому, как изнеможенному рабу дают минуту отдышаться, а затем снова на работу. Вот пример типичного антропоцентризма.

Возможно, если бы у этого морского бассейна не осталось больше никаких природных ресурсов, на него никто бы не обращал внимания и не интересовался его со-

стоянием. Но ведь, кроме всего прочего, имеется и другая сторона проблемы Каспия, а именно, ценности его с этической и эстетической стороны.

Думаю, что вопрос об эстетической стороне отношения к морю не стоит, так как всем, наверное, нравится бывать на море и просто любоваться его величием и красотой. К тому же, возможно, хотелось бы, чтобы от нее не пахло мазутом и различными стоками. Что же касается этической стороны, то она зависит, естественно, от отношения человека к ней, от того, смотрит ли он на море как на природную среду, или как на предмет наживы.

Стоило в свое время оставить Каспий в покое и дать возможность восстановить свое величие? Так нет же, появление на Каспии, в результате деятельности человека, с 1998-го г. нового организма, гребневика, который, в отличии от предшествовавших ему 33 видов-вселенцев, представляет уже реальную угрозу всему животному миру Каспия. Понятно, что о “дикой природе” Каспия говорить не приходится, да и его уникальный животный мир уже находится на грани исчезновения благодаря бездумной деятельности человека!

Так может уже время объявить мораторий “войне” с этой уникальной природной средой. Может, имеет смысл государствам, окаймляющим этот бассейн, объявить войну браконьерству и хищнической эксплуатации природы на самом высоком уровне, как это уже сделано против наркомании?!

Если же нет, то в будущем Каспий будет представлять интерес только в качестве источника углеводородного сырья.

Духовное осмысление феномена защиты животных, моральных прав животных – дело недалекого будущего, но уже сегодня необходимо направить наши усилия для воспитания у населения и, особенно у подрастающего поколения, чувства гуманизма и этического восприятия природы, морально-этических принципов во взаимоотношениях с животным миром. Хорошим базисом в этом может послужить экологическая этика.

С мая этого года АОЗЖ приступило к реализации преподавания основ экологической этики в некоторых средних учебных заведениях. Параллельно с гуманным образованием, прекрасно воспринимается школьниками современная идея дикой природы. Важнейшими задачами обучения является показать гармонию и неприкосновенность первозданной природы, ее совершенство и святость.

В образовавшемся вакууме образования и воспитания молодого поколения нашли себе место и произрастают сектантство, растление и нравственное уродство.

И если у наших столь противоречивых идей есть связующее начало и это по моему мнению экологическая этика, мы обязаны объединить свои усилия во благо всего живого на Земле. Во благо Матери Природы.

Время и пространство природных заповедных систем

А.И. Рыжиков, кандидат экономических наук

Российское географическое общество,

431220, Россия, Мордовия, г. Темников, ул. Ленина, 66, кв. 3

Эссе В.Е. Борейко “Современная идея дикой природы” поднимает многие религиозные, философские, этические и психологические вопросы защиты экосистем и биоразнообразия. В этой статье я хотел бы остановиться на таком важном философском понятии и физическом факторе, как время, раскрыть его влияние на заповедное дело.

Время является всеобъемлющей категорией, как и материя. Однако “ни один вопрос не был в большем пренебрежении у философов, чем вопрос о времени; и, однако, все объявляют его единодушно капитальным” (Бергсон, 1923). Не менее важен вопрос об информации, как философской категории в приложении к биологическим системам. У информации много общего со временем, материей, движением. А.Д. Урсул (1968) подчеркивает: “Информация, как таковая, тоже никогда не возникает, она является, по-видимому, таким же неотъемлемым свойством материи, как и пространство, время, движение и т. д.”.

Трудно предположить, что всеобъемлющие факторы ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО не оказали и не оказывают какого-либо влияния на развитие ландшафтных систем и биологических систем, составляющих структуру ландшафтов. Трудно предполо-

жить, что влияние времени и пространства не зафиксировано на уровне генотипа организмов, проявляющегося тем или другим образом в фенотипе – внешнем виде растения и животных, в психологии их поведения.

Человек теснил и стирал с лица земли другие биологические виды помимо своей воли и желания. Он боролся за негэнтропию, за жизненное пространство.

Однако Природа вложила в генотип поведения человека особую черту – феномен заповедности. У всех народов мира, находящихся на различных ступенях своего развития, ученые этнографы отмечали наличие на территории их обитания особые места, куда доступ людей был ограничен или вообще запрещен. Как правило, наличие подобных территорий объяснялось их священностью и было окружено тайнами, легендами, поверьями, мифами. Ничтоже сумняшеся этнографы так и объясняли существование заповедных территорий “отсталым” религиозным мышлением – атавизмами язычества. Но ведь языческие боги являлись производным нашего мышления. Е. Блаватская, рассматривая образы богов у различных народов, приходит к выводу, что их нельзя расценивать ни как образ, ни как суеверие. “Мы считаем их [богов – А.Р.]

ни тем, ни другим, и что они возникли лишь в силу тонкого чувства единства с Природой и проникновения в таинственное и разумное начало позади каждого феномена, которыми наши современники больше не обладают” (Блаватская, 2000).

Если боги могли возникнуть “в силу тонкого чувства единства с Природой”, то заповедное, тем более, возникло только на основе этого чувства. Под заповедные территории “отводились” места, которые соответствующим образом воздействовали на психику человека. Подобные территории сейчас назывались бы геопатогенными зонами. Каждая из таких зон может воздействовать на психику человека или положительно или отрицательно. Соответственно наш пращур, болтливый фантазер и выдумщик – человек каменного века, населил заповедные территории злыми и добрыми богами, духами, призраками, которых человек или боялся или любил и задабривал и тех и других. Естественно, что отрицательные геопатогенные зоны “насеялись” злыми духами, а положительные “насеялись” добрыми. Чувство заповедного, по-видимому, являлось первичным производным психологии поведения человека, а боги вторичными. (Кстати, охотоведы и ихтиологи прекрасно знают, что в некоторых случаях самые удобные, с точки зрения человека, территории почему-то не посещаются и не населяются животными, птицами, рыбами. Не есть ли такое поведение самым первичным чувством заповедного – рационального использования пространства обитания (инстинктивным чувством).

Пожалуй, лучше всего выражено взаимоотношение между природой определенного пространства и людьми, населяющими это пространство, в философии марийцев, записанное В.П. Налимовым (1928): “...бог – творительная сила, отражающаяся в природе: в живой текучей воде придавая ей прозрачность, текучесть, неиссякаемость, – в растениях, в животных и в человеке. ... Отсюда, – бог территории; люди, живущие на ней, органически связаны между собой и богом, составляя каждый толь-

ко часть единого целого. Влияя на одну часть, можно влиять на целое. Загрязняя, например, воду, приносишь вред растениям, животным, человеку, богу, т.е. производительной силе. Недостойное поведение отдельного человека оскверняет не только его физическую природу, но вредит всей производительной силе природы. Отсюда – общий интерес группы людей, растений, животных, воды, бога, то есть творческой силы.

Творческая сила страдает от грязи, нечистоты, болеет. Вредно на нее действуют выделения человека, сквернословие, зависть и т.д. Таким образом, бог – творческая сила не всемогущ. В будничной повседневной жизни очень трудно сохранить природу в чистом виде. Поэтому выделяются рощи, ключи и оберегаются от загрязнения. Здесь творческая сила спасается от преследующей ее грязи, нечистоты”.

Цель создания государственных заповедников заключается в том, чтобы сохранить дикую природу (отдельные виды животных и растений, целые ландшафты) от истребления ее человеком как можно на более длительные сроки. ВЕЧНО. Слово “вечно” даже вошло в законодательные акты относительно заповедников. Так в Законе “Об охране природы в РСФСР” от 27 октября 1960 г. в ст. 9 пункт “а” было сказано, что территория заповедников “навечно изымается из хозяйственного использования”. Впоследствии слово “навечно” было убрано из законодательных актов, будто юристы испугались громадной неопределенности этого слова. И действительно, что значит слово “вечно” относительно сохранения какого-либо биологического вида? По мнению палеонтологов средняя продолжительность существования биологических видов составляет 2,75 млн. лет, других – до 5 млн. лет. Есть таксоны-долгожители, существующие уже около 400–600 млн. лет (кистеперые рыбы, скорпионы, крокодилы). Но в такую глубину будущего человек вообще страшится заглянуть. Сам-то он появился на Земле всего 3,5 млн. лет назад. Если говорить с точки зрения палеонтоло-

гии, то человек уже пережил рубеж средней продолжительности существования биологического вида.

Перед современными заповедниками ставится много целей, которые маскируют основную цель заповедников и о которой сейчас вообще не говорится. Основная цель и идея заповедного состоит в том, чтобы ВРЕМЯ на заповедном пространстве имело дление, отличное от дления ВРЕМЕНИ на окружающих антропогенных пространствах. Имеем ли мы какие-либо основания говорить об особом длении времени на заповедных пространствах? «Наряду с физическим временем предметом исследования становятся биологическое, геологическое, социальное, историческое, психологическое и другие» (Лолаев, 1996). Поэтому нет ничего противного тому, чтобы мы не рассматривали ЗАПОВЕДНОЕ ВРЕМЯ в качестве самостоятельного предмета исследований, тем более, что действительно дление времени на заповедном пространстве должно отличаться от его дления на незаповеданных пространствах планеты. Это отличие будет вызвано хотя бы тем, что заповедное пространство есть сильно урезанная частица всеобщего пространства Земли. А время неразрывно связано с пространством.

А.А. Егоров (1975) в свое время подчеркивал: «Ряд выводов теории относительности может быть рассмотрен как доказательство концепции о порождении каждым материальным объектом своего пространства-времени».

Биологические объекты суть материальные объекты, которые исторически развивались на площадях с нечеткими границами, например климатическими, которые сами изменялись во времени в зависимости от солнечной активности. Естественно, что течение времени на ограниченной территории должно идти с другой скоростью по сравнению с огромными пространствами естественного ареала данного вида. Например, ареал тигров представлял огромное кольцо вокруг среднеазиатских и центральноазиатских гор и пустынь: Индия, Индокитай, Восточный Китай, Корея, Даль-

ний Восток и южная часть Сибири (Алтай, Саяны, Даурия), Джунгария, Средняя Азия, Афганистан и Иран, Пакистан, Индия. Все – круг замкнулся.

На этом огромном кольцеобразном пространстве от Якутска до Цейлона и от Аральского моря до Тихого океана тигры водились в изобилии. По своему внешнему виду они весьма сильно отличались друг от друга. Гладкошерстый, тонкий в кости, туранский тигр совсем не походил на грузного густошерстого, с мощной мускулатурой, амурского тигра и вместе они совсем не походили на тигра, убитого под Якутском в 1828 г., – «тигр мохнат и шерсть длинная». Так и напрашивается сравнение с длинношерстными носорогами и мамонтами Сибири из палентологических находок времен четвертичного оледенения. Огромное пространство обитания тигров накладывало свой отпечаток на внешний облик и внутреннее строение тигров. Тем более, следует учесть, генетики выяснили об обмене генами между высшими и низшими организмами на конкретном пространстве (Хесин, 1984). Это, по-видимому, и вызывает формирование отличных друг о друга организмов одного и того же вида, что служит «трамплином» видообразования.

А как в заповедниках? Ведь заповедники являются островами, правда, более или менее изолированными. Мне известно единственное исследование по сравнительной анатомии животных в заповедниках за некоторое время. В Йеллоустонском национальном парке популяция из 100 особей медведей гризли обитала на ограниченной территории на протяжении времени 5 поколений и уже за это короткое время потомки первых гризли стали заметно мельче. Уменьшение размеров отмечается для зубров, которые из-за малочисленности испытывают прессинг близкородственного скрещивания (интересно, что в Мордовском заповеднике с конца XIX века обитает популяция бурого медведя из 4-6 особей, но сравнительной анатомией этой популяции никто не занимался, хотя заповедник существует уже 65 лет). Итак. Потребова-

лось всего пять поколений гризли, чтобы стали заметны изменения в меньшую сторону скелета гризли. Генетики, экологи и этнографы пришли к выводу, что время земных организмов следует измерять не в годах, а в поколениях (Левич, 1989).

С. Хокинг (2000) говорит о том, что с течением времени увеличивается беспорядок или энтропия. Это показывает направление течения времени и дает возможность отличить прошлое от будущего. Поэтому можно различать, по крайней мере, три различных стрелы времени:

1) стрела термодинамическая, указывающая направление времени, в котором возрастает беспорядок, или энтропия;

2) стрела времени психологическая. Это направление, в котором мы ощущаем ход времени, направление, при котором мы помним прошлое, но не будущее;

3) стрела времени космологическая. Это направление времени, в котором Вселенная расширяется, а не сжимается.

В отношении термодинамической стрелы времени давно дали ответ биофизики: "... индивидуальная система, работающая в хаотической среде или в среде с уровнем организации более низким, чем уровень самой системы, обречена: постепенно теряя свою структуру, система через некоторое время растворится в окружающей более хаотической среде" (Хельми, 1966).

В отличие от древних психолого-поведенческих заповедников, которые естественным образом вписывались в географию поведения племен и народов, проживавших на данной территории, нынешние государственные природные заповедники являются как бы инородными телами в психологии поведения окружающего населения. Они создаются чужими людьми, которые просто не могли прочувствовать влияние данного пространства земли на психологию поведения человека. Поэтому население сопредельных с заповедником территорий не испытывает святости к заповедному. Оно вольно или невольно нарушает заповедный режим, что ускоряет полет стрелы психологического времени. Уничтожение запо-

ведных объектов на заповедном пространстве и на сопредельных территориях ускоряет протекание времени из будущего в прошлое. Только в памяти людей остаются воспоминания о природных богатствах прошлого. В истории Земли исчезало множество биологических видов, о которых человеку известно только по палеонтологическим находкам. То есть изучение нашей планеты удлинит нашу память в прошлое. В отличие от других биологических видов человек может в некоторой степени проникнуть в будущее и представить, что ждет человечество после того, как будет уничтожена природа, породившая самого человека.

И если гордостью племени было когда-то сохранение заповедного пространства в неприкосновенности, то сейчас гордится своими действиями тот, кто нарушил заповедное, кто больше добыл заповедных животных, кто как можно глубже проник на заповедную территорию, кто, по сути дела, своим поведением сократил время существования заповедного.

Создание обширных заповедных пространств, гарантировавших бы сохранение наибольшего биоразнообразия дикой природы нашей планеты, могло бы служить хорошим блоком, который бы продлял время существования и дикой природы, и человечества. Но человек, как существо разумное, зная о быстром приближении конца времени своего существования, нисколько не озабочен этим. Он продолжает в кратчайшие сроки загрязнять и опустынивать огромные территории и акватории, в том числе и заповедные. Нынешнее хаотическое увеличение количества заповедников нисколько не увеличивает шансов сохранения дикой природы. Мелкие заповедники с волонтеристскими границами обречены на исчезновение в кратчайшие сроки.

Литература

- Бергсон А. (1923): Длительность и одновременность. (По поводу теории Эйнштейна). Пг. 1-149.
- Блаватская Е.П. (2000): Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии. Т. 1. Космогенез. М.–Харьков: Эксмо-Пресс-Фокио. 1-878.

- Егоров А.А. (1975): Диалектическое отношение пространства-времени к материальному движению. Л.
- Левич А.П. (1989): Время как изменчивость естественных систем и как способность ее параметризации. - Рукоп. деп. в ВИНТИ. № 7599-В89. 1-101.
- Лолаев Т.П. (1996): О "механизме" течения времени. - Вопр. философии. 1: 51-56.
- Налимов В.П. (1928): Священные рощи удмуртов и мари. - Охрана природы. 4: 6-8.
- Урсул А.Д. (1968): Природа информации. Философский очерк. М. 1-287.
- Хесин Р.Е. (1984): Непостоянство генома. М.: Наука. 1-472.
- Хельми Г.Ф. (1966): Основы физики биосферы. Л.: Гидрометеониздат. 1-299.
- Хокинг С. (2000): Краткая история времени от большого взрыва до черных дыр. СПб: Амфора. 1-268.

Тема священности дикой природы в русской литературе и природоохране

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр,

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Дикое место!

Такое же святое и очарованное...

С. Кольридж.

В своей недавней работе "Современная идея дикой природы" одним из важнейших принципов новой этики дикой природы я провозгласил принцип почитания дикой природы как святого пространства (Борейко, 2001).

Мое отношение к участкам дикой природы как священной территории вызвало сильное неприятие у многих моих коллег. Часть из них обвинила меня в пренебрежении к христианству (мол, согласно этой религии природа не может быть священной – это откат к "плохому" язычеству), другие уверяли, что видеть в дикой природе Бога совсем не в традиции русского человека. Если первый довод моих оппонентов можно считать несерьезным в силу его сугубо теологической направленности (каждый имеет право поклоняться такому Богу, в которого верит), то по поводу нерелигиозных "традиций русского человека" я готов спорить. Обратимся хотя бы к творчеству русских поэтов и писателей. Виделся ли им Бог в дикой природе? Или может все они, вслед за тургеневским Базаровым и поэтами типа Маяковского, считали природу не храмом, а мастерской?

"Я молился бы лику заката"

Бесчисленное число советских литературоведов, исследовавших тему "природы и человека" в русской прозе и поэзии, по цензурным или другим понятным соображениям прошли мимо священности дикой природы (Рыльский, 1962; Чепурнова, 1968; Никольский, 1973; Шаталова, 1980; Андреев, 1981; Соколовская, 1982, Липин, 1985, Семенова, 1985; Лейбин, 1989). Ошибку повторила и такой известный американский литературовед как Р. Мэй (1996). Лишь в последнее время некоторые авторы (Эпштейн, 1990, Штильмарк, 1998, Борейко, 2001), стали обращать внимание, что божественность дикой природы, оказывается, довольно часто отмечалась русскими поэтами и писателями.

Следует оговориться, что часть их произведений долгое время не печаталась в СССР, а стихи некоторых репрессированных поэтов, например, Павла Орешина и Николая Клюева, просто были преданы забвению.

С них мы и начнем.

Павел Орешин:

Целуйте цвет земли, как крест в зажженном храме,
Молитесь на леса с заливами озер.
И помните, молясь, – Христос следит за вами
С косматых облаков, с высоких Синих гор.

Его друг, поэт Николай Клюев писал в 1912 г.:

Я молился бы лику заката,
Темной роще, туману, ручьям...

Для Клюева дикая природа – “храм”, дремучий лес – “часослов”, сосна – “звонница”, что обусловлено молитвенным отношением поэта к природе как святыне.

Лесные сумерки – монах
За узорчным часословом,
Горят заставки на листах
Сурьюю в золоте багровом.
И богомольно старцы пни
Внимают звукам часословным...
Заря, задув свои огни,
Тускнеет венчиком иконным.

Лесным погостов старожил,
Я молодею в вечер мая,
Как о судьбе того, кто мил.
Над палой пихтою вздыхая.
Забвенье светлое тебе
В многопридельном хвойном храме,
По мощной жизни, по борьбе,
Лесными ставшая мощами!

Смывает киноварь стволов
Волна финифтяного мрака,
Но строг и вечен часослов
Над котловиною, где рака.

Необыкновенные стихи о божественности дикой природы принадлежат малоизвестному поэту Александру Владимировичу Львову, профессору геологии Иркутского университета. В 1999 г. стараниями его родственников и почитателей выпущен сборник его поэзий, откуда я взял следующие волшебные строчки:

В глухой тайге, как будто в храме,
Я близость чую Божества.
Вон средь ветвей в зеленой раме,
Как в день великий торжества,
Блестит алтарь, горя огнями, –
Сияет в небе голубом
Голец со снежными зубцами,
Средь гор приподнятым горбом.

И как святых в камнях лики
Блестят меж золоченых риз,
Сияют солнечные блики
В росинках, падающих вниз...
Взамен кадильного куренья
Природный наполняет храм
Теперь, как в первый день творенья
Цветов таежных фимиам...

В другом своем стихотворении поэт еще более четко объясняет свою позицию, почему и как он боготворит природу.

Вы молитесь творцу в церквях под мрачным сводом,
Где похоронный гимн звучит у алтаря,
Куда зайдете вы рутинно, мимоходом,
Там встретит толстый поп вас, алчностью горя;
Чтоб отвести черед из страха, лицемерно
Там молитесь творцу в назначенный лишь срок,
Без веры и любви твердите суеверно
Все тот же с детских лет заученный урок...

А я молюсь везде, когда костер пылает
И тысячами глаз тьма смотрит на меня,
Отвсюду, свет костра куда не проникает,
Какой-то тайною фантазию пленя...

Я кланяюсь всему, боготворю природу.
То звездам гимн пою, то морю, то горам
И солнца радуюсь особенно восходу –
Природа для меня – один обширный храм...

Одним из первых в русской литературе заговорил о божественности дикой природы Михаил Ломоносов. В своей оде “Вечерние размышления о Божием Величестве при случае великого северного сияния” он писал:

Лицо Твое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна...

Никто так не ощущал священность дикой природы, как Михаил Лермонтов. Именно на лоне дикой природы он заявлял: “И счастье я могу постигнуть на земле, И в небесах я вижу Бога...”. У поэта чувство свободной природы соединялось с религиозным элементом, с идеей бесконечного, что придает его творчеству особую окраску и делает понятным, почему он искал в дикой природе не столько прекрасного,

сколько высокого. Она вызывает в душе поэта чувство бесконечного, светлый религиозный порыв, живое ощущение присутствия Божества в видимом мире, что он и передает своим читателям. Кому не известны эти бессмертные лермонтовские строчки:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.
И звезда с звездою говорит.

Или другие, сказанные в “Демоне”:

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
Весь Божий мир...

Ощущение священного в природе чувствуется и в стихотворении Александра Пушкина “Монастырь на Казбеке”:

Высоко над сенью гор
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами,
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами,
Далекий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной тишине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

Если у Михаила Лермонтова и Александра Пушкина ощущение божественности вызвала дикая природа Кавказа, то у Федора Тютчева – Альп:

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное...

По мнению многих поэтов, божественность дикой природы тесно связана с ее красотой, эстетической категорией возвышенного, вызывающего одновременно у человека чувство восторга и страха.

Иван Никитин:

Кротко звезд золотое сиянье;
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

Иван Козлов:

Природа мать! Как ты прекрасна!
О, как всегда, везде, во всем
Мила, прекрасна иль ужасна
Ты явно дышишь Божеством.

Игорь Северянин, волею судьбы после революции оказавшийся за пределами родины, с особо щемящим чувством вспоминал священные уголки дикой природы:

В природе жить – быть вечно в Божестве
Не с Божеством, не у него, а в Боге.
Во всем своем вмещающем существе
Природу – ей причастен ты в итоге.

Внесли свою лепту в воспевание божественности дикой природы и русские писатели. Среди них особенно выделялся Н.М. Карамзин. В 1789 г., посещая дикие Швейцарские Альпы и любясь знаменитыми рейнскими водопадами, с Карамзиным произошел интересный случай. Он вдруг так близко почувствовал присутствие божества, что почти ослеп, встал на колени и принялся молиться. Он так описывал случившееся: *“Тщетно воображение мое ищет сравнения, подобия, образа!.. Рейн и Рейнбах, великолепные явления, величественные чудеса природы! В молчании удивляться будет вам всякий, имеющий чувство; но кто может изобразить вас кистью или словами? – Я почти совсем лишился чувств, будучи оглушен гремящим громом падения и упал на землю!”* (цит. по: Борейко, 2001).

Подобные ощущения охватили и другого русского путешественника – горного инженера П. Чихачева, когда он увидел главную вершину Алтая – гору Белуху: *“... я схватил альбом, но рука моя дрожала: мне казалось, я вижу живого Бога, со всею его силою, красотою, и мне стало стыдно, что я бедный смертный, мечтал в картине передать его образ”* (цит. по: Борейко, 2001).

Можно сослаться и на известного современного российского писателя Виктора Астафьева, упомянувшего о божественности дикой священной тайги в своей повести “Царь-рыба”.

В заключение я хочу привести еще высказывание видного российского деятеля заповедного дела и талантливого литератора, автора многих популярных книг Ф.Р. Штиль-

марка: *“утром я, как правило, предпочитаю пойти в ближайший лес, а не стоять со свечкой в храме, дыша чужим потом и ладаном. Вид старого дерева, живописной скалы или бурого моря восхищает меня более, чем икона”* (Штильмарк, 1999).

Священность дикой природы и природоохрана

Ощущение священности дикой природы, вера в божественность диких мест дает природоохранникам весомые аргументы в природоохране, позволяет обрести панорамность видения. Общественное признание участков дикой природы священными помогает избавиться от идеологии господства над природой, увеличивает общую ценностную оценку природных объектов за счет такой очень почитаемой среди различных народов ценности как религиозная.

Давно пришла пора изменить категории священности, категории, разрушенные научным просвещением и такими монотеистическими религиями, как христианство и иудаизм. Природа дикая в нашем восприятии вновь должна обрести ауру священности. Как это было у наших предков, и как это существует у современных язычников, пантеистов, джайнистов, индуистов, синтоистов, буддистов и т. д.

Причем в моем понимании священности дикой природы главный упор делается не на религиозную (для многих ее может просто не существовать), а на этическую составляющую этого понятия. Ведь для всех без исключения верующих, как и не верующих, то, что священо – подлежит защите (например, священные рубежи родины). И наоборот: уничтожение священного – грех, то есть действие плохое само по себе.

Естественно, осознание людьми всех уголков дикой природы священными будет происходить не сразу, не вдруг. На первых порах, возможно, правильным будет добиться восприятия священными хотя бы территорий заповедников. Объявив это важнейшим этическим принципом заповедного дела.

Кстати, такой ход часто применяется зарубежными природоохранниками. Например, выдающийся деятель заповедного дела США Джон Мюир, возглавив в начале XX в. движение за спасение заповедной долины Хетч-Хетчи, объявил ее храмом Бога.

Нельзя не согласиться с русским писателем Олегом Волковым и д.б.н. Ф.Р. Штильмарком, что основным толчком к заповеданию часто становится забота об уголках свободной природы, понимаемых нами как священные. Не потому ли еще в 1980 г. тридцать два выдающихся ученых современности поставили свои подписи под документом, призывающим “усилия по охране природы наполнить видением священного”.

Литература

- Андреев Ю.А. (1981): Человек, природа, общество в современной прозе. Л.: Знание. 1-36.
- Борейко В.Е. (2000): Постигание экологической теологии. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 45-63.
- Борейко В.Е. (2001): Современная идея дикой природы. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-124.
- Лейбин В.М. (1989): Экологизация поэзии как фактор воспитания. - Экология, культура, образование. М. 167-177.
- Липин С.А. (1985): Человек глазами природы. М.: Сов. Писатель. 1-231.
- Мэй Р. (1996): Отношение к природе в литературе России и США. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 46-49.
- Никольский В.А. (1973): Природа и человек в русской литературе XIX века (50–60-е годы). Калинин: Обл-типография. 1-224.
- Поэтическая экология. (Сост. Ф.Р. Штильмарк). Киев, Киевский эколого-культурный центр, 1998. 1-200.
- Рыльский М. (1962): Природа и литература. - Охотничьи просторы. 18: 109-119.
- Семенова С. (1985): “Откуда, как разлад возник?”. - Человек и природа. 2.
- Соколовская Я. (1982): Человек и природа в современной советской прозе. - Вестн. Белорусского ун-та. Сер. Журналистика. 3: 12-15.
- Чепурнова Л. М. (1968): Природа и писатели. - Охрана природы Молдавии. 5: 122-125.
- Шаталова Л.М. (1980): Человек и природа в современной советской прозе. Кишинев: Штиинца. 1-82.
- Штильмарк Ф.Р. (1999): Таинство заповедания. - Гуман. экол. журн. 1 (1): 35-45.
- Эпштейн М.Н. (1990): Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской литературе. М.: Высшая школа. 1-303.

Абстрактная критика абстрактного заповедания

В.Л. Шевчик, кандидат биологических наук

Каневский природный заповедник,

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев, e-mail: reserve@aquila.freenet.kiev.ua

Каждый из нас видит этот мир лишь так, как он его видит. Сколько людей – столько и взглядов. Где-то, в чем-то на один и тот же вопрос взгляды расходятся, и наоборот, где-то, в чем-то перекрываются. Именно последнее обстоятельство дает момент консенсуса и выражает в процессе познания объективную истину.

Поднятая на страницах “Гуманитарного экологического журнала” дискуссия по вопросу выработки идеологической линии природозаповедания продемонстрировала широкий спектр имеющихся взглядов. Вступая в дискуссию, сразу определюсь в совокупности, иногда с моей точки зрения, некорректно используемых понятий и терминов.

Идеология – не отдельный взгляд или даже позиция, а система взглядов в обществе. В отношении природозаповедания можно говорить об идеологической линии общества. Антропоцентризм, биоцентризм, экоцентризм, а если в будущем придется то и геоцентризм, галактикоцентризм или космоцентризм вообще (в данном случае понимать надо не в общеприродоведном смысле, а в смысле охвата центра природозаповедной ценности, приоритета масштабности природозаповедания) – никакие не идеологии. Это просто позиционные установки при выработке идеологической линии природозаповедания. Фокусирование внимания лишь на одной из них при игнорировании других ведет к сужению идеологической линии и дает отрицательный эффект для природозаповедного дела. Первичная же позиция человечества, в отношении к чему бы то ни было – антропоцентризм. Познавая природу и осознавая себя немислимым вне связи с ней человечество осознало (увы, не до конца и не все) необходимость заповедания природы. Полный отказ от антропоцентризма как природоохранной по-

зиции означал бы – отречься от себя, от человека и человечества, причем, заметьте, в лучшем случае низводя себя до рядового члена природной системы, т. е. до первичного стада, или самоуничтожившись (философия абсурда). Иными словами, человечество обречено смотреть на мир лишь со своей позиции или через “антропоцентрические очки”. Поменяв ее, или сняв эти очки, оно не то что увидит другой мир, оно попросту ослепнет и возомнит себе нечто “Совершенно Иное”, к чему, собственно, многие и пришли. Наоборот, расширение и совершенствование своей изначальной позиции в процессе познания мира, путем включения в нее и биоцентризма, и экоцентризма и т. д. (натуроцентризм, как временно-пространственный момент позиции) – делает возможной выработку эффективной природозаповедной идеологии.

Мои оппоненты взвывают, прочитав это суждение. Ибо, скажут они, оно наивно, к тому же нельзя совместить несовместимое. Согласен. Да, в абсолюте нельзя. А если выбрать какой-то уровень баланса? Думаю, в таком случае можно. Ведь не напрасно же говорят – “золотая середина”. Я не оттого предлагаю именно такую позицию, что сам хочу хорошо кушать, одеваться и детям своим того же желаю. Этого хотят все. Дело в том, что только такой подход дает единственную возможность решения вопроса.

Пусть это будет заповедник. Ну и в чем можно видеть неэтичность и греховность изъятия минимального количества семян какого-либо вида (например, желудей дуба) уникальной или особо ценной в хозяйственном отношении формы или экотипа и т. п.? А в случае если эта локальная популяция обречена в условиях абсолютного заповедания? Изъятый семенной материал может дать начало как искусственным, так и одичавшим популяциям данной формы, обеспе-

чив таким образом реставрацию ее природного ареала. Примеров можно привести великое множество. Но все эти вопросы должен решать не ослепленный неким “Совершенно Иным”, а специалист. То есть, нужна наука. Для многих же участников дискуссии наука – дело далеко не первое, или еще хуже – вообще не нужное. Давайте все же попробуем определить и проанализировать предложенные в дискуссии идеологические линии.

Исходя из того, что идеология – вещь довольно инерционная и долго довлеющая над обществом, иногда собственно уже изжив себя и утратив корни в обществе (к примеру, политеизм в христианстве в форме культа святых), важно определиться в природоохранной (в т. ч. и природозаповедной) эффективности ныне господствующих идеологий.

Линия ортодоксально-религиозная

Сущность большинства мировых верований (разные формы христианства и ислама) в том, что Бог создал природу, поставив над ней человека. Гносеологический момент этой линии состоит в том, что, познавая природу, мы познаем Бога. Но познать идею Бога до конца нам не дано, и в конечном итоге в системе отношений человек – природа все зависит от Бога. Согласно этой идеологии, морально все, что на благо человека и по минимуму вредит природе. Человек, познавая природу, получает возможность ее рационального использования. Природа тут бесправна. Корни этой идеологии, несомненно, выходят из всей предыдущей истории борьбы человека с дикой природой. В футурологическом отношении она ведет к гибели человечества от расточительства природных ресурсов. Абсолютистский аспект ее в том, что первичным есть Бог, слово, идея, молитва..., а материя вторична и преходяща. Материальное бытие человека – обречено. Рано или поздно, но конец света неизбежен. Несомненно, исходная и нерушимая позиция этой идеологической линии – слепой антропо-

центризм. Человек – царь природы до конца. А конец – лишь дело времени. Диалектическая подоплека этого идеологического направления – зороастризм или дуалистическое начало. Природа, как и человек – творение Бога. Но нечистый вмешался. Теперь в природе, как и в человеке, борется два начала – доброе и злое, и в этом существо их нынешнего материального бытия. Позиционно-деятельный аспект здесь – принятие библейского постулата о первенстве человека над дикой природой и возможности ее преобразования на свой лад. Есть образ “райского сада” и есть “глина” – дикая природа. Дело за работой. (Так и хочется сказать: не уж то опыт с Вавилонской башней ничему не научил?).

Думаю, что бесперспективность развития этой линии не нуждается в доказательстве. Тут гадать о будущем не приходится. Да и какая разница, когда придет долгожданный конец сего света? Ведь в конечном итоге он для каждого из нас не такой уж и долгожданный. Так пусть придет одновременно для всех. Но суть проблемы в том, что довольно значительная часть населения находится под сильным влиянием такой идеологии. Поэтому ее никак нельзя сбрасывать со счетов в практике эколого-воспитательной работы. Хотя надо хорошо осознавать, что использование с этой целью христианского вероучения в наше время – чистая спекуляция. Ибо напрасно надеяться, что голодный будет руководствоваться словами проповедника, будь то хоть Св. Франциск или Папа Римский, стоя перед выбором – съесть последнего самца в стаде или, может быть, завтра найти для пропитания что-то другое. Дикая природа человека, инстинкт самосохранения победит. Он обязательно вспомнит слова из первоисточника: “Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, овладевайте ею, и господствуйте над морскими рыбами, и над птицами небесными и над каждым ползающим живым на земле” (Быт. 1, 2: 28). И даже сытый христианин имеет надежду всегда быть прощенным за веру. Ибо “... все согрешили, и избавлены Божьей сла-

вы” (Рим. 3.23), “а всем что Его приняли, им власть дало детьми Божиими стать, тем, что верят в Имя Его” (Ивана 1,12). Таких цитат в Библии можно найти великое множество. И они однозначны. Даже используя весь арсенал библейской эклектики, трудно поверить в эффективность проповеди природоохранных идей посредством христианства. Пусть даже вдруг в духовных семинариях и начали бы читать курсы экологии, созологии и т. п. и готовить экологически грамотных проповедников для всех парафий. Хотя я обеими руками “за”. Попытка апологетически настроенных ортодоксов (Сельвицкий, 2000), участвовавших в дискуссии, сводится лишь к демонстрации некой практики гармоничности сожительства отдавшихся вере христиан с природой. Монастырь – чуть ли не заповедник. Но простой вопрос: что скажет настоятель маленького монастыря, если к нему попросится сотня – две желающих разделить участь монашества? Уверен: скажет – мест нет, или что-то в этом роде. Вот вам и решение демографической проблемы. В обществе же, не все так просто.

В отношении других участников дискуссии (Пруденко, 2000) хорошо ответил мой коллега В.Н. Грищенко (2000): *“священные книги, например Библия, еще более многоплановы и противоречивы, чем труды классиков марксизма-ленинизма. При умелом манипулировании цитатами, особенно выдернутыми из контекста, можно подвести “теоретический базис” под диаметрально противоположные вещи. Тем более, что даже одни и те же цитаты можно по-разному трактовать. Так что ценность таких “обоснований” для здравомыслящего человека достаточно сомнительна”*.

Линия религиозно-реформаторская

Представлена очень большим разнообразием форм вероучений. Всех их объединяет вера в существование неких “Святых Сущностей”. Они для человека непостижимы, святы, совершенны, абсолютны во

всем. Иногда даже попытку их постигнуть объявляют грехом. В отдельных случаях имеем дело с вероучениями, близкими к ортодоксальным. Просто смещены акценты в их восприятии. Призывы и попытки ревизии христианского вероучения, с целью адаптации его к современным потребностям природоохраны, хорошо отражены в некоторых работах (Хот, 2000 и др.). Кратко они сводятся к: а) оправданию вероучения – мол не Библия виновата, а восприятие ее читающего и неправильно понимающего (замечу, способность понимать и воспринимать написанное дал также Бог); б) моментам святости природы, ибо природа создана Богом, вплоть до того, что она и есть сам Бог, создавший человека (об этом крайнем варианте речь пойдет ниже); в) акцентировании на эсхатологических моментах. Суть их – надежда на Божественное обещание. Природа где-то в чем-то Бог для человека, но истинным Богом она станет в будущем для будущего человека. Собственно это обещание того же рая после конца света. “Политика” таких реформаторских религиозных направлений – попытка вписаться в современность, оставшись в общем поле влиятельных религий. Таким образом, предлагается “усилить идеологический напор” и как-то сдвинуть дело с места. Ну кому от этого хуже? Я тоже не против. Но лишь в той области, где это эффективно. Я и за Франциска и за Иоанна Павла II, и за всех Православных Святых вместе взятых, и даже за языческих Богов. Но все же дело не в богах, а в человеке. А он, как отмечает В.Н. Грищенко (2000), ловчее всех сумел приспособиться ко всему, в том числе к различным насаждаемым ему, а уж тем более к принимаемым им самим вероучениям, и находить в них те наставления, которые “работают” на его “эго”.

К особой форме религиозного реформаторства в аспекте природоохраны, соотносительно традиционных монотеистических религий, можно отнести возрождение или распространение восточных культов и религий – буддизма, дзен-буддизма и др. Это та же религия, предполагающая перево-

площение на разные уровни на основании некоего “внутреннего желания” отрыва от материального бытия и соединения с неким всеобщим Богом (состояние нирваны). И хотя здесь имеются отдельные преимущества, гармонизирующие отношения человека с природой (так называемые низшие уровни), сравнительно других религий, их идеализировать и считать эффективными никак не приходится. Первое желание субъекта-носителя такой идеологии будет: не удержаться в мире материального бытия, а “оторваться от него на более высокий уровень”. Что в таком случае для него дикая природа?

Ну и, наконец, крайней формой религиозного реформаторства в отношении природоохраны есть попытка принять дикую природу за бога. Несомненно, все эти эко-философские веяния Запада, посредством публикаций В.Е. Борейко, с такой шквальной силой взбаламутившие протухавшее постсоветское идеологическое пространство, имеют один положительный момент – стимуляция выработки эффективной экологизированной идеологии постсоветского общества. Мне даже думалось, что уважаемый В.Е. Борейко, сделавший немало для дела охраны природы, в данном случае сознательно пошел на провокацию, лишь бы сдвинуть дело с мертвой точки. Но, прочитав другие публикации, я пришел к выводу, что это не так.

Широкою критику идея святости дикой природы или “Совершенно Иного” в дикой природе уже получила на страницах журнала. Откровенную, конкретную и глубокую критику с раскрытием несостоятельности многих положений концепции святости дикой природы в практике природозаповедания и природоохраны вообще дает В.Н. Грищенко (2000, 2001). В более обобщенном плане, причем с раскрытием разных ее позиций это делают и другие авторы (Горб 2001; Кулешова 2001; Никольский 2001). Согласуясь с названием статьи, я позволю себе самую абстрактную критику этой концепции. Ибо абстрактное можно критиковать лишь абстрактно.

Суть концепции Е.В. Борейко в том, что нового пришествия ждать не надо. Оно уже пост-фактум. Дикая природа и есть Бог со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такая натуросакралистическая позиция предполагает отречение от каких либо влияний на дикую природу, т. е. не оставляет места в дикой природе человеку вообще. Человечество должно отречься от дикой природы, в том числе оно не имеет права на ее познание, ибо познать ее до конца нельзя, а частичное познание лишь убивает “святость” дикой природы и саму ее. В позиционно-деятельном аспекте эта концепция предполагает осознание человеком своей низости и нищеты перед дикой природой, отказ от вмешательства в нее сначала кое-где (суперзаповедники), а в перспективе – предоставлению ей человеком права относиться к самому человеку, как к любому другому ее составляющему; то есть – перспективное одичание человечества. Социально-бытовые корни этой идеологии следует искать в урбанистическом натуроснобизме. Футурологически эта идеология ингибирует процесс познания мира, обрекая человечество на гибель от невежества. Абсолютистский аспект ее – мистико-эклетическое восприятие мира с неопределенностью первичности материи и сознания и принятием дикой природы и человека как вещей “самих в себе”, агностицизм. В.Е. Борейко пришел к кантианству и это подметили сами же его соратники (Поминова, 2001). Критика кантианства – это более чем 200-летняя история философской мысли. Тут трудно сказать что-либо новое.

Еще несколько штрихов в отношении некоторых абстрактных характеристик дикой природы. В.Е. Борейко (1999) пишет: “Ведь по большому счету, к чему бы не прикасался в природе человек, все теряет свое совершенство”. Видение абсолютного или истинного совершенства в дикой природе – самомнение, возникающее в результате самонавеивания. В природе все абсолютно относительно, а в живой природе то совершеннее, что жизнеспособнее. В живой природе вообще существуют механизмы само-

совершенствования, установления и поддержания гомеостаза в живых системах различного уровня организации. Но они работают лишь в определенных условиях. Совершенство любого природного комплекса или биологической системы любого уровня организации теряется, как только изменятся эти условия. Вся история ландшафтогенеза на Земле – история таких изменений (морские трансгрессии и регрессии, оледенение и межледниковья, изменения климата, локальные стихии, возникновение и вымирание видов и т. д.). Таким же детерминирующим фактором в природе есть и человеческая деятельность. И в этом отношении типы экосистем, обусловленные человеческой деятельностью (к примеру, заросли сорняков вдоль дорог с комплексами мышевидных грызунов и т. п.), более совершенны в условиях усиленного антропопрессинга, чем коренные леса зонального типа. Так что совершенство здесь ни при чем и речь, скорее всего, идет о разнообразии. В отношении же разнообразия форм природы можно сказать, что оно тем большее, чем большим числом факторов оно детерминировано, и по поводу любого детерминирующего фактора (в том числе антропофактора) можно говорить лишь о балансовой оценке его роли в создании разнообразия форм природы. Зальет ли все лава вулкана, засыплет ли все песок, затопит ли все вода, перепахает ли все плуг, будет ли все находиться в нетронутом состоянии (моноклимат в понимании Клементса) – все это лишь в ущерб естественному разнообразию. Ему на пользу работает лишь сбалансированная совокупность этих влияний. Так что даже в данном отношении можно найти место для антропофактора. Существенно лишь не допустить его глобализации, и наибольшая беда в том, что человечество сегодня уже стоит у этой межи.

В отношении же внутренней ценности дикой природы для самой себя я хочу у всех, кто поддерживает эту идею, спросить лишь одно: какая же внутренняя ценность (вне каких-либо отношений с окружением, в том числе мнимым) Вас или (чтобы не так обид-

но было) меня, для самих себя? Я так мыслю, что не больше, чем вес определенного класса химических веществ, составляющих ваше или мое тело и то, лишь потенциально, в случае востребования их окружением. Но будем спокойны. Эта ценность всегда на счету у природы.

Линия научная

Существенно отличается от всех вышеупомянутых отсутствием веры во что-либо кроме как в социальное апостериори. Опыт – большое дело! Господа хорошие, ничего мы не можем предпринять кроме того, что дал нам свой опыт и опыт ушедших поколений людей. Даже попытка сакрализации дикой природы и выработка некоей новой идеологии – это переоценка ценностей прежнего социального опыта и попытка использования опыта веры в святое для мотивации новых ценностных ориентиров как в обществе, так и для отдельных личностей. Но как сказал Джон Пассмор (цит. По: Хот, 2001): *“Лишь в том случае, если люди увидят, что они совершенно одиноки, и что помочь им некому, за исключением таких же как они сами людей, и что они являются продуктами природных процессов, совершенно равнодушных к их судьбе, они смогут по настоящему обратиться к решению экологических проблем. Не расширяя, а, наоборот, полностью отвергая концепцию святого, они смогут сделать эти мрачные выводы”*.

Случилось то, что случилось. Будучи способным мыслить и познавать мир, человек посредством практической деятельности частично вышел из под влияния регулирующих факторов дикой природы. Направления порывов его деяний сегодня еще в значительной мере обусловлены инерцией. От абсолютно дикой природы человек пришел к пороговой черте еще относительно дикой природы, сохранившейся кое-где. При переходе этой грани видится качественно новое состояние в системе отношений человек – природа, собственно, как и новые ее составляющие (человек, приро-

да) с явно наметившейся тенденцией регрессивных процессов в обеих составляющих. Сегодня в обществе еще продолжается активное осознание возникшей проблемы. Она находит отражение в самых различных формах общественного сознания и природным есть интерес к природоохранной эффективности тех или иных его форм. Известно, что эффективное решение любой проблемы можно найти лишь в процессе поиска, акцентировавшись на проблеме. Помышлять об этом без глубокого ее анализа, остановившись на внешних моментах ее сущности, ограничившись в познании ее – позиция испугавшегося страуса. Единственной формой общественного сознания, жидущейся лишь на имеющимся практическом опыте решения этой проблемы и поиске путей ее решения, есть наука. Созология – наука об охране природы. Слово малоизвестное (сравните – экология, кибернетика, генетика), но рано или поздно оно будет в ряду известных.

Реализуемые ныне на практике формы охраны природы имеют разнообразие и различные цели и задачи. В отношении природных комплексов, к которым адекватно употреблять термин “дикая природа”, наиболее приемлемо – заповедание. Сырбор в отношении вопроса, изучать или не изучать природу в заповеднике, мне кажется излишним, если речь идет о минимизации влияния изучающего (например, сведения его до уровня влияния природных факторов). Дело все в методике, а не в принципе. Если же дело в принципе, то данная человеку от природы способность познавать была и есть неукротимой. Ни мораль, ни религия, ни право никогда не останавливали ее. Она извечна, и история человечества тому доказательство.

Но сейчас важнее другое. По максимуму “мобилизовать ресурс” дикой природы для заповедания. В отношении утверждения некоторых авторов о том, что дикая природа для выживания человечества и вовсе не нужна (Забелин, 2000), позволю заметить следующее. А не зарвались ли мы, господа, в своей самонадеянности? Тут на-

до еще определиться с мерой дикости. Будучи существом общественным, человек все же не перестал быть существом природным. Что мы едим, пьем, чем мы лечимся, из чего состоит наше тело, о чем и чем мы думаем? Все это – вещи исконно дикой природы. Что, мы уже постигли экономически рентабельные способы искусственного биосинтеза всех необходимых составляющих хотя бы для нашего тела? Или мы можем создавать искусственные фотосинтезирующие системы, экономичнее готовых, предоставляемых нам дикой природой? Можно приводить несметное количество конкретных доказательств необходимости сохранения дикой природы вообще, в том числе экосистем “дикого” типа организации. Аргументы в защиту последних уже приводились (Нельсон, 2001). Там кроме аргумента “внутренней ценности” указано еще 29, каждый из которых отражает качество незаменимости и уникальности дикой природы в системе отношений человек – природа.

С моей точки зрения, в истории природозаповедания, как формы охраны дикой природы, следует различать два разнокачественных в познавательном аспекте этапа. Неосознанное заповедание природы лишь как форма религиозного культа или его часть (священные рощи, деревья, животные) и осознанное природозаповедание, как часть необходимой для жизни общества, человеческой практики. Оба эти этапа отражают различные уровни развития общественного сознания и, думаю, не надо доказательств невозможности возврата современного уровня общественного сознания к более низкому. Достаточно для нашей природоохранной службы его частных и локальных проявлений. Идеализация отношений человека с дикой природой в первобытном обществе мне кажется мифом, который развеется исторической наукой в ходе дальнейших исследований (но именно исследований, а не фальсификаций) в этом направлении. Религиозные культы не спасли ни изначального субтропического ближневосточного “райского сада”, ни широколист-

венных лесов Европы, ни ряда видов флоры и фауны (мамонт, шерстистый носорог, ... тарпан), ни, ни, ни. Осознание обществом необходимости сохранения стоящих над пропастью небытия зубра, амурского тигра, снежного барса, остатков нераспаханных участков восточноевропейских степей и т. д. и научно-практическая деятельность в этом направлении дало и дает хоть какие-то, но результаты. Спонтанное зарождение осознанного природозаповедания стимулировалось в большинстве случаев чисто утилитарно (охрана охотничьей фауны, резервация продуктивных лесонасаждений) или же из побуждений своего рода природомеценатства (В. Дзедушицкий, Ф. Фальц-Фейн) и было представлено единичными случаями. В меру же осознания обществом (особенно номенклатурно-командной, бюрократической, политико-функциональной его частью) необходимости сохранения исчезающих форм природы (кстати, тоже главным образом благодаря научно-просветительской работе ученых-естественников) природозаповедание стало более распространенным видом практики, до сих пор наиболее эффективной в отношении охраны дикой природы. Кардинальное улучшение состояния охраны окружающей среды, реальное изменение баланса сегодняшних составных биосферы (дезаствованные участки, антропогенно-сбалансированные полустественные участки, почти нетронутые человеком участки) возможно лишь путем разработок вопроса целым рядом существующих научных дисциплин естественного и гуманитарного цикла и возникающих по поводу этого вопроса междисциплинарных комплексов и дальнейшей их реализацией в мировой практике.

Идеологическая линия в природозаповедании образно мне видится очень узкой и длинной дорогой, а практика природозаповедания – это практика слепого человека, идущего по ней медленно и, как показывает опыт, неуверенно. Шаг влево или вправо – объект утерян. Каждый шаг, сделанный на ощупь – не всегда правильный. Иногда надо полшажка назад, а со време-

нем опять вперед. Лишь так человечество сумеет сохранить природу, оставшись человечеством. Дойдет ли человечество до конца на нашей планете? Сумеет ли человек “интродуцировать” себя и природу на другие планеты? Время покажет, но, увы, не нам, сегодня живущим.

В отношении же веры, хочу напоследок сказать. Лишь единственная вера спасет человечество. Это вера в изменяющееся в направлении гармонии с окружением человеческое бытие и человеческое сознание, вера в возможность познания человеком этого процесса и возможность найти правильное направление коэволюции. Это моя вера! Она основана на исторической практике человеческого познания, не раз заходившей в тупик, но все же, иногда с трудом, находившей пути выхода из него. Она не требует отречься, отрываться от чего-либо, абстрагироваться до абсурда. Она требует идти не по проторенной широкой дороге, а быть постоянным в поисках ее. Я рад всем попутчикам, встретившимся на любом ее отрезке. Я готов им помогать и рад их помощи, чтобы вместе идти и идя, находить дорогу для других. Сто раз отмерь и раз отрежь – девиз портного и сапожника. А может, это у меня от фамилии?

Литература

- Борейко В.Е. (1999): Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 38-39.
- Горб К.Н. (2001): Дикая природа как наследие общества и природы. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 100-105.
- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. ж. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001): “Не то, что мните вы, природа”. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 113-127.
- Забелин С.И. (2000): Проект новой концепции охраны дикой природы. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 3-6.
- Кулешова М.Е. (2001): “С каким Богом Вы общаетесь?” - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 97-100.
- Нельсон М. (2001): Аргументы в защиту дикой природы. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 138-146.
- Никольский А.А. (2001): Фетишизация дикой природы: нужна ли она? - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 78-82.
- Помнинова Е.В. (2000): Советуясь с Кантом: внутренняя ценность природы. - Гуман. экол. ж. 2 (2): 32-34.

Пруденко О. Д. (2000): Экологические воззрения в Библии и современность. - Гуман. экол. ж. 2 (2): 26-32.

Сельвицкий К. (2000): Православные комментарии к

радикальному взгляду на заповедное дело. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 40-45.

Хот Д.Ф. (2001): Христианство и проблемы экологии. - Гуман. экол. ж. 3 (2): 78-89.

Современная идея охраны дикой природы и священные природные объекты Крыма

И.М. Коваленко

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь,

e-mail: vanya@tnu.crimea.ua

В последнее время благодаря стараниям директора Киевского эколого-культурного центра В.Е. Борейко среди деятелей природоохраны СНГ стала активно обсуждаться идея дикой природы, начали разрабатываться вопросы охраны природных территорий с этических, эстетических, религиозных, культурологических позиций, стало вводиться понятие о религии природоохраны, о природных заповедных святынях, об идеологии заповедного дела и т. д. Сейчас у наших людей заново пробуждается духовность и порядочность, человек обращается взором к Богу и Добру – и очень важно использовать этот душевный подъем в святом деле охраны природы. По справедливому мнению В.Е. Борейко: “Религиозная мотивация может значительно укрепить экологические усилия общественности. Без лежащего в основе этих усилий чувства священного, все природоохранные попытки, основанные только на экологических факторах и теориях, не устоят перед напором мощных сил, настроенных использовать природу для своих меркантильных целей. Участки дикой природы нужно сравнивать с храмами, созданными человеком строениями, осквернению которых противилась бы широкая общественность (Борейко, 1998)”.

Я несколько лет занимаюсь изучением святых объектов Крымского полуострова, поэтому был очень рад ознакомиться с работами В.Е. Борейко по данному вопросу; многие из них помогли мне в моих изысканиях, многое заставило по другому взглянуть на Природу. Но, вместе с тем, с рядом

постулатов я не могу согласиться. Так, В.Е. Борейко в своей “Современной идее дикой природы” пишет: “Дикая природа – священное место, такое же святое как церковь, то есть ее следует почитать как святыню. Но в отличие от церкви стараться не посещать. Вся же остальная территория Земли, измененная человеком является светской, несвященной, вульгарной” (Борейко, 2001).

Может это и так. Но ведь все существующие в наше время священные объекты природы наделил статусом святости человек; они для него играли роль храма, роль алтаря, роль связующего звена между земным и небесным миром. Человек просто вынужден приходить к этим природным алтарям, чтобы пообщаться с высшими силами, попутно он следит за состоянием священного объекта (поправляет каптаж источника, огораживает дерево, выносит естественный мусор из пещеры и т. д.). Если мы не будем посещать природные святыни, через несколько поколений память о них просто сотрется. Так, например, было в Крыму после депортации греков в 1778 г. и татар в 1945 г. Святыни этих народов (в основном источники воды) были просто позабыты и за несколько десятилетий пришли в негодность. Сейчас даже трудно восстановить их былое местонахождение.

Второе – нельзя, на мой взгляд, говорить, что вся измененная человеком территория планеты “является светской, несвященной, вульгарной”. Практически все природные святыни Крымского полуострова претерпели влияние человека, но во мно-

гом благодаря ему эти объекты стали почитаться местным населением. Так, в горном Крыму имеется 14 скальных массивов, в недрах которых в средние века были вырублены искусственные пещеры-крипты – это так называемые “пещерные города”. Все эти горы, благодаря наличию в них пещерных монастырей и церквей, почитались и почитаются среди местного населения как святые и защищаются ими от разрушения. В пещерном монастыре Качи-Кальен несколько столетий назад монахи посадили дерево черешни, которому искусственно придали форму молящегося человека. Дерево почитается местным населением. Важно происхождение какого-либо старого дерева, могли говорить, что оно посажено святым человеком или растет на его могиле – и дерево так же почиталось как “святое”.

Перед пришествием в Тавриду христианства местные племена использовали в своих религиозных культах поклонение рощам и отдельным деревьям. Первые христианские миссионеры, обращая в свою веру автохтонное население, попутно уничтожали объекты поклонения язычников, вырубая их священные деревья и рощи.

Известный христианский просветитель Константин-философ по пути из Хазарии в Константинополь через Крым, встретил здесь людей, поклонявшихся большому старому дереву и почитавших его как божество, что, однако, не мешало им верить так же и во Христа. Это дерево было “огромный дуб, сросшийся с черешней, у которого они приносили жертвы, называя его по имени Александр, и не позволяли женскому полу приступить к нему и жертвам его”. Константин-философ упрекнул своих единоверцев в нарушении второй божьей заповеди на что те отвечали: “Не мы начали это делать, мы это приняли от отцов наших, и у этого дерева находим исполнение прошений наших, через него сходит к нам дождь и многое другое”. В конце концов Константин убедил их в неправоте своих действий и дуб решено было срубить. “Приняв из рук философа белые свечи, с пенем отправились к дереву. Константин, взяв

топор, сам ударил им 33 раза и велел всем рубить его, выкорчевать и сжечь. В ту же ночь дождь, посланный Богом, напоил землю” (Коваленко, 2001а).

Преимственность некоторых языческих культов характерна и для ислама. Святые объекты природы (родники, деревья, горы) для мусульманского населения Тавриды практически всегда были связаны с деятельностью, а чаще всего – с захоронением правоверного святого человека. Такие праведники, равно как и место захоронения, назывались у татар словом “азис”. Слава об азисе разлеталась мгновенно по всей округе и к его могиле спешили жаждущие исцеления от различных недугов, как телесных, так и душевных. Место, где лежал азис, огораживалось, приводилось в порядок, а вся округа объявлялась “священной”, неприкосновенной территорией, где запрещалась всякая хозяйственная деятельность; здесь звучали лишь молитвы и просьбы Аллаху.

Чтобы азис давал силы побеждать врагов и делать добрые дела, при нем часто совершали обряд под названием “ставрос” (с греческого “крест”). Для этого нужно было прислониться спиной к святому объекту (дереву, скале, строению) и принять форму креста, сомкнув вместе ноги и расставив руки. Этот обычай встречался у греков-мусульман, православные предки которых были вынуждены принять ислам в 1778 г., чтобы избежать высылки за пределы своей родины, когда на берега Азовского моря по указу Екатерины II насильно вывозилось все христианское население Крыма. Несмотря на свою новую веру, эти люди чтили и помнили многие христианские обычаи.

Так, при могиле практически каждого азиса росло старое дерево, которому поклонялись как вместилищу души праведника. Такие деревья пользовались огромным почетом и уважением, и являлись посредниками между молящимся и азисом. По старой восточной традиции, после молитвы к ветвям дерева привязывались лоскутки зеленой или красной материи от одеж-

ды просителя; считалось, что вместе с этим своеобразным жертвоприношением большого покинут все мучащие его недуги. Лоскутки материи, а также другие мелкие дары – монетки, пищу иногда оставляли прямо у могилы.

Известны случаи, когда объектом религиозного почитания у татар выступали более значительные творения природы, как, например, Мойнакское озеро у Евпатории. Еще в начале XX в. у самой воды озера существовала могила азиса, “отмеченная грудой камней и находящаяся в плохом состоянии”. Паломники получали здесь исцеление от язв и гноящихся сыпей и совершали в “чудодейственной воде Мойнака” полное омовение, после чего “творили молитву” (Коваленко, 2000).

В крымской религиозной природоохранной культуре ярко прослеживается наличие комплексности природных сакральных объектов. Структура такого комплекса включает в себя 2–3 священных объекта природы и чаще всего встречается в виде своеобразного “священного урочища” – “священная” гора (скала, пещера) – “священный” источник – “священное” дерево. Наиболее ярким примером такого комплекса в настоящее время выступает Качи-Кальен, в “Церковном гроте” которого, напротив “священного” источника св. Анастасии, растет “священное” дерево черешни.

Первичные природоохранные традиции, связанные с религиозным отношением к природе, были характерны для всех народов, населявших Крымский полуостров. Но вместе с тем, у разных этнокультурных сообществ одни объекты природы почитались больше, чем другие, что во многом было связано с особенностями их культуры и хозяйственной деятельности.

Так, у скотоводческих таврских племен основным объектом поклонения в природе выступали пещеры и гроты, расположенные по пути на горные пастбища, где отправлялись культы поклонения православным населением до сих пор. Но ведь это тоже “измененная человеком территория”! Один из самых известных святых источни-

ков Крыма – источник св. Анастасии, представляет собой искусственно вырубленный в скальном монолите колодец, вскрывший тектоническую водоносную трещину. Источник св. Анастасии также полностью антропогенизированный объект природы. Но, тем не менее, его территория не является “несвященной и вульгарной”. А разве можно говорить о “вульгарности” разбитых на безжизненных каменистых склонах крымского Южнобережья прекрасных произведений садово-паркового искусства, в которых сохранены многие из реликтовых видов крымского субсредиземноморья?

Не знаю как в других регионах Украины, но в Крыму создание заповедных территорий по-настоящему диких участков природы просто невозможно. Во-первых, потому что в Крыму просто нет участков природы, которые не подвергались бы антропогенному воздействию, а те святые объекты природы, которые существуют и охраняются самим народом, будут посещаться богомольцами и дальше, и никто этого им не запретит (такие прецеденты были во времена советской власти, но власть проиграла народной культуре). Во-вторых, справедливо заметил А.И. Рыжиков (2001) в прошлом номере “Гуманитарного экологического журнала”: “Создание действительно заповедных территорий было возможно только при условии полной собственности на землю, где проживали народы. Они были хозяевами природных территорий...”. Одной же из особенностей Крыма является полное отсутствие собственности на землю какого-либо этноса, так как в течение практически каждого столетия на полуострове менялись хозяева: один народ поглощал в себе другой, а тот через некоторое время растворялся в третьем. Сейчас в Крыму проживает 110 наций и народностей, из которых минимум 20 имеют свои природные святыни, причем зачастую разные народы почитают один и тот же природный объект.

Особенно ярко такое совместное почитание наблюдалось по отношению к горным источникам. Татары-мусульмане не

только верили в целебную силу “святых” источников, официально признанных Таврической епархией – Козмодамиановского, Кизилташского, источника св. Параскевы, св. Анастасии, св. Андрея и многих других, но и приходили на молебны к этим источникам во время христианских церковных праздников. Нередки бывали случаи, когда татары совершали омовение или молились у “святого” источника христиан в тайне от своего муллы.

Известны случаи совместного христианско-мусульманского поклонения горам, деревьям и пещерам. На вершину Карадага, к горе Святой поднимались на молитву как православные греки и болгары, так и татары; у Козмодамиановского монастыря росли “Священные” деревья, которым одинаково поклонялись и русские, и татарские паломники; пещера Кырк-Азис у Зуи почиталась как место мученической гибели нескольких праведников как у татар, так и у русских.

Одной из важных особенностей крымской природоохранной культуры является наследование языческих культов поклонения природе более поздними религиями – христианством и исламом, с использованием этих культов в приемлемой для новой религии форме. Древние, испытанные веками традиции зачастую были чужды новой религии, появлявшейся на берегах Тавриды, но никогда не могли быть полностью уничтожены и вместе с народом – носителем этих традиций – плавно вливались в новую культуру.

Так произошло и в те времена, когда в Тавриду пришло христианство. Христианские миссионеры вырубали священные рощи и деревья тавров, разрушали их жертвенники и святилища, порой насильно крестили местных земледельцев и скотоводов. Люди принимали новую веру, но все так же по привычке, шли молиться новому Богу на места старых языческих святилищ – к сохранившимся от уничтожения “святым” дубам, камням и родникам. Постепенно с ними связывались предания о деяниях или явлении здесь какого-либо христианского

святого и тогда скала или родник становились официально почитаемыми церковью природными объектами.

Более цивилизованные и высококультурные греки у горных источников и на вершинах отдельных гор возводили многочисленные храмы и монастыри. Святость культового сооружения постепенно распространялась на источник и гору, которые становились почитаемым уголком природы и получали название по имени храма.

В отличие от греков, татарское население края относилось к природе больше как к области хозяйственного использования, чем к области духовного. Поэтому и мало у татар “святых” гор (пастбищные уголья), практически нет “святых” рощ и деревьев (пища для скота, древесный уголь и т. д.) но высоко почитание пресной воды горных источников – как основы главных отраслей хозяйства.

Известный крымский краевед Е.Л. Марков в конце XIX в. писал: “Татары ищут ключей, как золота, и дорожат ими, как золотом... С необыкновенным искусством и терпением они сберегают воду и отводят ее на свои плантации и сады... Татарин – маэстро орошения и проведения вод” (Коваленко, 2001б).

Чаще всего каптаж источника сооружали силами какого-либо одного человека. Это объяснялось тем, что устройство придорожного фонтана на благо путника у татар являлось высшей земной добродетелью и сильно поощрялось Аллахом. Говорили, что строительство фонтана – это дело, “за которое Пророк так охотно открывает правоверному двери рая”. В связи с таким религиозным значением фонтанов на большинстве из них вырезалась строительная надпись – тарих, где приводилось какое-либо изречение из Корана, год постройки, а также имя строителя, чтобы проходящий люд, утолив жажду, мог помолиться за его здоровье.

У караимов особо выделялось почитание деревьев. Еще до наших дней сохранилась “священная” дубовая роща Балта Тиймэз у Чуфут-Кале – главная караимская свя-

тыня. На протяжении нескольких столетий исповедующие иудаизм караимы, поклоняются у священных дубов небесному боже-ству Тенгри, что является глубоко укоренив-шимся языческим пережитком, унаследо-ванным ими от своих хазарских предков.

Ни официальная религия, ни многочис-ленные исторические бури не смогли унич-тожить почитание священных дубов. Культ поклонения дубам существует и поныне. Но о его существовании знает очень незначи-тельное количество людей. Культ священ-ных дубов рощи Балта Тиймэз – глубоко табуированный, закрытый для непосвящен-ных, доступный небольшой группе караим-ских старейшин обряд. Эти люди не люб-яют, когда кто-либо со стороны проявляет излишнюю любознательность по поводу их святыни и связанных с ней традиций.

Молятся в святилище индивидуально и коллективно. По древней традиции готовят площадку, с которой видно открытое небо. Вокруг дуба выкладывают фигуру в виде солнца с расходящимися лучами. Особен-ности ритуала, связанные с многолетней цикличностью, известны только посвящен-ным и сообщаются в преддверии очеред-ного периода доверенным хранителям тра-диции, часто по женской линии. Паломни-ки оставляют у дубов посохи и землю с места жительства. С собой уносят по гор-сти священной земли. Ее бережно хранят в семьях, в качестве талисмана берут с со-бой в дальние поездки, используют в похоронном обряде. Священную землю прино-сят на могилы предков.

В настоящее время на Балта Тиймэз насчитывается 24 “священных” дуба, кото-рые расположены по периферии кладбища. Дубы насчитывают примерно одинаковый возраст, так как произрастают в схожих ус-ловиях обитания и имеют мало отличаю-щуюся по размерам окружность ствола: от 190 до 220–230 см. Около полутора деся-тка дубов огорожены деревянной изгородью. Для входа за забор имеется небольшая ка-литка, а все пространство вокруг дуба вычищено от молодой древесной поросли и находится под постоянным присмотром

строго смотрящих за своей святыней кара-имов.

Во время рубки леса на хозяйственные нужды караимы никогда не трогали фрук-товые деревья и кустарники (кизил, лещи-ну, черешню, яблоню и др.) – уничтожение плодовых пород считалось большим гре-хом. Необходимую рубку леса караимы ком-пенсировали искусственными посадками: молодой человек не имел права жениться, пока он не посадил дерево и не каптировал горный источник.

У крымских армян – из-за их малочис-ленности и компактности проживания в прошлом (исключительно на территории юго-восточного Крыма) – встречается не-значительное количество “святых” объек-тов природы. Это, прежде всего, гора Сурб-Хач (“Святой крест”), на склонах которого располагается духовный центр армянского народа, монастырь Сурб-Хач, а также три источника-фонтана на территории мона-стыря, которые почитались целебными и имели названия Источник Практичности, Источник Силы, Источник Красоты и Мо-лодости.

Поклонение “святых” объектам приро-ды и связанные с ними культурные тради-ции сыграли главную роль в формировани-и экологического мышления населявших Крым народов. Исключительно благодаря религиозно-мистическому почитанию неко-торых природных территорий, до нашего времени дожили не только сами эти места, но и в значительной мере сохранился их биоресурсный потенциал.

В настоящее время автором статьи на территории горного Крыма выявлено более 25 святых источников, около 30 святых гор, скал и пещер, священная роща и несколько священных деревьев. Дальнейшее, более детальное изучение культово-природоох-ранной культуры народов Крыма, безуслов-но, позволит выявить еще не один десяток священных объектов природы. К сожалени-ю, ни один из этих родников, ни одно де-рево, ни одна скала не являются объектом природно-заповедного фонда Автономной Республики Крым. Лишь только несколько

карстовых пещер (Красная, Ени-Сала, Змеиная, МАН) охраняются как памятники природы.

Необходима кропотливая и трудная работа по приданию заповедного статуса хотя бы некоторым из природных святынь объектов Крыма. Причем, основные трудности могут быть только со стороны землепользователя (обычно это местные лесхозы), а национальные общины без каких-либо преград будут помогать заповедыванию их святынь. На эти же общины будет возложена основная охранная задача, т. к. все мы знаем, что охрана природного объекта на бумаге и охрана в действительности – это совсем разные вещи.

Автор беседовал с заместителем Всеукраинской Ассоциации крымских караимов Г.В. Катком, который полностью поддерживал идею заповедывания священной караимской дубовой рощи Балта Тиймэз, насчитывающей 24 священных дерева. Караимы согласны полностью вести санитарный уход за рощей, охранять деревья от различных посягательств (что они, собственно говоря, всегда и делали), а в то же время проводить в роще свои национальные культовые мероприятия. Согласны караимы также на объявление памятником природы священ-

ной караимской горы Бешик-Тау (предание говорит, что в ней скрыта колыбель, в которой должен воспитываться Спаситель Мира) и вытекающего из ее недр святого источника Юсуф-Чокрак.

Таким образом, на современном этапе становления идеи охраны дикой природы на территории Крымского полуострова, наиболее предпочтительным действием было бы экспедиционное изучение святынь объектов природы, составление их полного кадастра и заповедывание в качестве памятников природы с привлечением к природоохранному движению местных национальных общин.

Литература

- Борейко В.Е. (2001): Современная идея дикой природы. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 4-37.
- Борейко В.Е. (1998): Святыни дикой природы. Киев 1-107.
- Коваленко И.М. (2000): Священные источники Крыма. - Природа. Симферополь. 3-4.
- Коваленко И. (2001а): Священные деревья. - Таврические ведомости. 13 (311). 27.04.
- Коваленко И.М. (2001б): Культура водопользования народов Крыма. - Уч. зап. ТНУ. Сер. геогр. Симферополь. 14 (1).
- Рыжиков А.И. (2001): Священные объекты дикой природы. - Гуман. экол. журн. 3 (спецвып.): 87-92.

Познание и любовь к природе

В.Н. Грищенко, кандидат биологических наук

Каневский природный заповедник,

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев, e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua

Среди тех, кто занимается вопросами идеологии охраны природы, можно выделить два основных направления – религиозно-мистическое и естественнонаучное, отличающиеся подходами, аргументами, мотивацией и т. д. Сторонники первого считают, что изучение природы ведет к обесцениванию ее в глазах человека. “Ученые видят в природе факты, а не ценности”, “дикая природа должна оставаться неисследованной, чтобы вызывать чувство благоговения”, “почитают то, что не понимают” и

т. п. – вот их обычные аргументы, восходящие к И. Канту.

Трезвый анализ, однако, показывает, что такая позиция, используя одно из излюбленных выражений В.Е. Борейко, является “саморазрушающей”. Без данных науки призывы соблюдать права животных, принципы экологической этики и т. п. превращаются в упражнения по словесной эквилибристике. Самые хорошие идеи должны иметь механизмы реализации, без чего их практическая ценность равна нулю. Да,

идеал может быть в принципе недостижим, но должны быть, по крайней мере, пути, по которым можно следовать к намеченной цели. В противном случае такой идеал будет всего лишь красочным воздушным замком, витающим в облаках и никак не соприкасающимся с грешной землей. Средневековые схоласты вели оживленные дискуссии о том, сколько чертей может уместиться на кончике иглы. В реальной жизни козней лукавого от этих философских “премудростей” почему-то не уменьшалось.

Противопоставление экологической этики науке – нонсенс, поскольку лишает ее почвы под ногами. Без привлечения научных знаний просто невозможно ответить на вопрос, который является основным для любой этической системы: “Что такое хорошо, что такое плохо?” (Грищенко, 2001а, 2001б).

На чем стоим?

Отношение к основе ценностей и морали может быть различным. Хорошо известны слова, вложенные Ф.М. Достоевским в уста Ивана Карамазова: “Если Бога нет, то все позволено”. Однако, например, З. Фрейд считал религию слишком шаткой основой для морали. По его мнению, союз религии и этики ведет к разрушению моральных ценностей, поскольку ставит их в зависимость от веры в Бога. Религия угрожает именно идеалам и ценностям. Человек должен научиться иметь дело с реальностью, а не иллюзиями. Если он знает, что ему не на что положиться, кроме собственных сил, то научится и правильно ими пользоваться (Фрейд, 1990; Фромм, 1990). К тому же, нравственные ориентиры и ценности оказываются зависимыми от системы координат, т. е. вероисповедания. Религии вообще ведь не существует. Например, правоверный мусульманин в рот не возьмет спиртные напитки, зато может иметь нескольких жен, в христианстве же установки диаметрально противоположны. Точно так же противоположно отношение к деньгам и богатству в православии и протестантизме.

“Сомнительно, – писал З. Фрейд, – чтобы люди в эпоху неограниченного господства религиозных учений были в общем и целом счастливее, чем сегодня; нравственнее они явно не были. Им всегда как-то удавалось экстериоризировать религиозные предписания и тем самым расстроить их замысел. Священники, обязанные наблюдать за религиозным послушанием, шли в этом людям навстречу. Действие божественного правосудия неизбежно пресекалось божьей благодатью: люди грешили, потом приносили жертвы или каялись, после чего были готовы грешить снова. <...> Совершенно очевидно, что священники могли поддерживать в массах религиозную покорность только ценой очень больших уступок человеческой природе с ее влечениями. На том и порешили: один бог силен и благ, человек же слаб и грешен. Безнравственность во все времена находила в религии не меньшую опору, чем нравственность [выделено мной – В.Г.]” (Фрейд, 1990).

Бывало и хуже. Вот как Г. Вебер в своей “Всеобщей истории” описывает нравственный упадок в Южной Франции и Италии в начале X в.: *“Единственной связью между людьми был расчет выгод, всеми поступками управлял эгоизм, и духовенство отдалось чувственным страстям одинаково с мирянами. В нем почти не было людей, которые вели бы такую жизнь, как требовала церковь: религиозность ограничивалась исполнением обрядов; в монастырях не осталось следов нравственного порядка” (Вебер, 1893, цит. по: Гумилев, 2002).*

Л.Н. Гумилев (2001) вообще считает, что уровень нравственности общества зависит от фазы этногенеза. С этим можно не соглашаться, но в истории легко найти немало примеров того, как попытки искусственно повысить уровень нравственности особого результата не имели.

Увы, ни одна религия ни один народ не сделала принципиально лучше. Любое вероучение сразу же приспособлялось к насущным потребностям и не мешало творить

неблагие дела (Грищенко, 2000). После торжества и христианства, и ислама отнюдь не установилось царство мира, добра и справедливости. Сразу же начались кровавые распри между сторонниками различных течений. В них были втянуты огромные массы людей, совершенно не разбиравшихся в теологических тонкостях. Цвета знамен для них были лишь знаком, помогавшим отличать своих от чужих.

В прошлом известный диссидент а ныне украинский академик Иван Дзюба пишет: *“Не ставя под сомнение наличие среди верующих многих и многих честных, жертвенных и благотворительно-деятельных людей, все же приходится признать, что активизация деятельности Церквей за последнее десятилетие не оказала заметного влияния на духовное самочувствие и практическое поведение большинства людей и существенно не улучшила моральный климат в обществе. <...> ...нигде в мире, ни в одном обществе – и в нашем также – христианство, христианская Церковь (или христианские Церкви), вопреки всеми или почти всеми признанному высокому авторитету, не оказывают решающего влияния на состояние дел в этих обществах, на социальное и этическое поведение людей”* (Дзюба, 2001).

“Все позволено” или “не позволено” может быть независимо от господствующей в обществе религиозной доктрины. Другими словами, основой морали и этики может быть и система ценностей, не связанных с религией. В охране природы, по моему мнению, лучше всего опираться на общечеловеческие ценности, выработанные за тысячелетия развития общества. Они не зависят от национальности, вероисповедания, находящихся “у руля” политических и религиозных лидеров и т. д., и т. п. Все это может меняться, а ценности остаются. Идея охраны дикой природы независимо от утилитарных интересов человека должна прочно войти в систему общечеловеческих ценностей. Именно это, с моей точки зрения, является сверхзадачей теоретиков охраны природы, а не “изобретение” очередного экзотического кюльта.

Права и ценности

“Многие люди – в том числе и те, кто в остальном понимает природу, – писал К. Лоренц, – считают странным и совершенно излишним, когда мы, биологи, по поводу каждого пятна, которое видим на каком-нибудь животном, тотчас задаемся вопросом – какую видосохраняющую функцию могло бы выполнять это пятно и какой естественный отбор мог бы привести к его появлению. Более того, мы знаем из опыта, что очень многие ставят нам это в вину как проявление грубого материализма, слепого по отношению к ценностям и потому достойного всяческого осуждения. Однако оправдан каждый вопрос, на который существует разумный ответ, а ценность и красота любого явления природы никоим образом не страдают, если нам удастся понять, почему оно происходит именно так, а не иначе. Радуга не стала менее прекрасной оттого, что мы узнали законы преломления света, благодаря которым она возникает [выделено автором – В.Г.]” (Лоренц, 2001). Об этом же писал и И. Ефремов (1991) в “Лезвии бритвы”: красота человека не обесценивается из-за того, что мы познаем ее закономерности.

Наличие специалистов-сексопатологов и психиатров не мешает мужчинам и женщинам любить друг друга, испытывая возвышенные чувства, и не “обесценивает” сферу интимных отношений. Знание физиологии пищеварения никому не мешает наслаждаться вкусной пищей. Пение соловья не перестало вдохновлять поэтов только потому, что зоологи разобрались с его функциональным предназначением. Ученые сейчас прекрасно знают, когда, куда и зачем улетают осенью птицы. Ну и что от этого “обесценилось”? Мы все так же радуемся, услышав первую песню скворца или жаворонка, и с грустью провожаем улетающие журавлиные ключи. Когда создателям фильма “Семнадцать мгновений весны” нужно было передать чувства человека, вынужденного долгие годы жить вдали от родины, они использовали именно летящих

в небе птиц. Эта сцена, усиленная прекрасной музыкой М. Таривердиева, получилась очень выразительной.

Ценность “Моны Лизы” и других шедевров мировой живописи ничуть не уменьшится от того, что специалистам будут известны состав красок, материал холста, техника рисунка и т. п., зато при необходимости картину легче будет реставрировать. Любкой мало-мальски образованный фотолобитель знает, в результате каких химических процессов появляется фотографическое изображение. Из-за этого уменьшается ценность снимка любимой девушки? Более того, специалисты-биологи сейчас могут объяснить физиологические, биохимические и поведенческие механизмы возникновения чувства благоговения, религиозного экстаза, любви, всевозможных ритуалов и т. п. Что, от этого они перестали играть огромную роль в нашей жизни?

Ученые как раз способны чувствовать красоту природы гораздо тоньше, чем сторонние наблюдатели, видящие в ней только нечто таинственное и непостижимое. Им просто дано увидеть гораздо больше. Знарок живописи видит красоту там, где для непосвященного может быть одна лишь “мазня”. *“Гармония, присущая всем живым существам, – пишет К. Лоренц, – вот что привлекает наш интерес. Отрицать это было бы ненаучно, чтобы не сказать – нечестно. Самое строгое объективное описание либо изображение животного или растения все-таки отстывает от истины в одном решающем отношении, если оно не делает очевидной красоту этого живого организма. Конечно, описывая или изображая кость, рыбий плавник или крыло птицы, мы вовсе не ставим себе сознательную задачу выразить красоту их структуры. Мы не должны допускать ни малейшего отступления от реальности только потому, что нас на это толкает эстетическое чувство. Но с другой стороны, наше изображение не будет совершенно точно соответствовать реальности, если оно одновременно не выразит красоты, присущей оригиналу”* (Лоренц,

1984). Вот, например, какую характеристику дает зоолог Я. Линдبلاد (1983) объекту своих наблюдений: *“Тигр в естественной для него обстановке словно тень от совиного крыла, эхо пушинки, лежащей на мох”*. Сложно найти более емкую и меткую метафору для передачи скрытности и бесшумности зверя в произведениях самых талантливых писателей и журналистов.

Для того чтобы соблюдать права животных, нужно самым банальным образом *знать* – при каких обстоятельствах можно их нарушить. Понятно, что, раздавив жука на дороге, вы попрали его право на жизнь. Но гораздо чаще ситуации бывают не столь однозначными. Например, появление человека в колонии черноголовой чайки во время насиживания яиц может привести к полной ее гибели – потревоженные птицы просто расклеивают яйца. А вот серебристая чайка в аналогичной ситуации ведет себя совершенно по-другому. Массовой гибели яиц не будет, зато непрошенный гость может заработать синяки и шишки от атакующих птиц. Чтобы оценить, какой интерес животного является базовым, нужно *знать* особенности биологии вида. Например, вырубая старые деревья в лесу, вы вроде бы не трогаете непосредственно серую неясыть или клинтуха, но тем самым нарушаете их право на продолжение рода – это птицы-дуплогнездки. Но чтобы понять это, нужно *знать*, где они устраивают гнезда. Во многих случаях можно компенсировать неблагоприятное действие антропогенных факторов (тем самым соблюдая интересы человека, от которых никуда не деться, и проявляя уважение прав других живых существ), в данном случае – устройством искусственных гнездовий. Но чтобы это возымело действие, нужно *знать*, где и как их делать. А для этого опять-таки необходимо изучить особенности биологии вида.

Экологические связи в природе иногда столь тонки и неожиданны, что можно “наломать дров”, совершенно не желая этого. Примеров можно найти сколько угодно в учебниках по экологии.

“Нередко случается, – пишет К. Ло-

ренц, – что пожиратель вид приносит пожирателю явную пользу. Дело не только в том, что потребитель регулирует прирост животных или растений, служащих ему пищей, так что выпадение этого фактора нарушило бы их жизненное равновесие. Популяционные катастрофы, наблюдаемые у быстро размножающихся грызунов сразу же после того, как плотность их населения становится максимальной, заведомо опаснее для сохранения вида, чем поддержание выверенного среднего числа хищниками, “снимающими” избыток. Очень часто симбиоз между пожирателем и пожирателем заходит гораздо дальше. Многие виды трав явно “сконструированы” в “расчете” на то, чтобы их постоянно укорачивали и топтали крупные копытные, этому приходится подражать при уходе за газонами, постоянно выкашивая и прикатывая их. Когда эти факторы выпадают, травы с такими свойствами сразу же вытесняются другими, не выдерживающими подобного обращения, но более жизнеспособными в чем-нибудь другом” (Лоренц, 1998).

Не так уж редко ситуации складываются вообще парадоксальные. В Антарктике среди льдов особо не разжиреешь, любой дополнительный источник корма для ее обитателей – “манна небесная”. Например, большой футляронос или белая ржанка охотно кормится пищевыми отбросами возле антарктических станций. Ликвидация же свалок в последние десятилетия ухудшила кормовую базу этого вида, что при его невысокой численности может быть серьезным неблагоприятным фактором (Лопарев, 2001). То есть, соблюдая чистоту в Антарктике, мы тем самым нарушаем право на процветание и защиту от ненужного страдания (в данном случае – от голода) футляроноса и ряда других птиц. Вряд ли кто-то из читателей захочет оспаривать утверждение, что выбрасывать пустые бутылки в море – нехорошо. Однако с этим согласятся далеко не все морские обитатели. Некоторые мелкие осьминоги, например, приспособились использовать их в качестве отлич-

ных убежищ. Благодаря этому они получили возможность освоить богатую кормовую базу песчаных и илистых грунтов, где почти нет естественных убежищ, а это способствует обогащению прибрежных экосистем (Несис, 2001). Можно ли разобраться в подобных хитросплетениях и принять ответственное решение – что делать, а что не делать – на основе лишь юридической и метафизической казуистики?

Человек, который без знания животных будет бороться за их права, может оказаться в роли красноармейца Сухова из “Белого солнца пустыни”. Это прекрасный фильм, но сюжет его сейчас воспринимается совершенно по-другому: какого черта было лезть в чужую страну и навязывать там свои ценности и обычаи? Собственно говоря, именно это и происходит, когда на животный мир пытаются переносить ценности современной западной цивилизации. Чего стоят, например, одни рассуждения о праве животных на свободу. Да вы сначала разберитесь, что нужно конкретному виду или особи. С тем же успехом можно, руководствуясь собственными представлениями о здоровой среде обитания, вытаскивать навозного жука из кучи дерьма. Для него это и есть самая что ни есть здоровая среда.

Даже в человеческом обществе отношение к свободе может быть очень различным. Почтенный американский буржуа с приличным счетом в банке склонен к тому, чтобы государство вообще никак не вмешивалось в его жизнь и бизнес. Безработный же с кучей детей с удовольствием простит тому же государству любой контроль, чтобы получать свой welfare. А какой-нибудь бомж из российской глубинки вполне вероятно согласится провести зиму в тюрьме, лишь бы не подохнуть от холода и голода. С животными еще сложнее. Домашнего кота вполне устраивает свобода есть и ничего не делать. Тем, кто интересуется проблемой освобождения животных, рекомендую почитать книги Дж. Даррелла. Вся жизнь какой-нибудь тропической белки может пройти в пределах кроны одного дерева. Если вы создадите ей подобные усло-

вия в зоопарке, тем самым обеспечите все права и интересы гораздо лучше, чем в дикой природе: вдоволь пищи, нет хищников, есть защита от паразитов и болезней. В зоопарках, при нормальных условиях содержания, животные живут гораздо дольше, чем в природе. Много видов животных и растений вообще удалось спасти от полного исчезновения только благодаря разведению в неволе. В очередной раз мы сталкиваемся с тем, что жизнь – очень сложная штука. В ней существует огромное количество цветов и оттенков, и невозможно все описать при помощи только черной и белой красок: все дикое – хорошо, все не дикое – плохо.

Если птице, несколько лет прожившей в неволе, а тем более, взятой птенцом из гнезда, “дать свободу” – она просто погибнет. Есть достаточно сложные и трудоемкие методики реабилитации таких животных. Основаны они, прежде всего, на знании экологии и поведения конкретных видов.

Познание природы важно не только для обеспечения прав живых существ и объектов неживой природы, но и для их обоснования. Ведь соблюдение их зависит, прежде всего, от того, станут ли эти идеи материальной силой, овладев массами. Как вы докажете обывателю, считающему животных “бесчувственными тварями”, что они также имеют свои интересы и способны страдать? Высказываний типа: “экофилософ N полагает, что это так” совершенно недостаточно. Цитатам из Библии, Корана и других священных книг можно противопоставить другие цитаты или иные трактовки тех же цитат. Еще меньше для этого годится художественная литература: описанные там чувства и страдания животных всегда можно списать на творческий домysel, а то и на откровенный вымысел. А вот биологические науки дают совершенно четкие и однозначные ответы, которые можно использовать в природоохранных целях. Ученые считают, что животные значительно уступают человеку лишь в рассудочной деятельности, но в плане чувств и страданий у нас намного больше общего.

Немало аргументов “убойной силы”

можно почерпнуть, например, из сравнительной этологии. Так, в семейной жизни гусей встречается немало нюансов, хорошо знакомых человеку, – от “любви с первого взгляда”, супружеской верности и самоотверженной защиты “домашнего очага” до семейных “треугольников” и даже гомосексуализма. Влюбленный самец совершенно преображается: *“Молодой гусак внезапно увлекается какой-то юной гусыней и начинает за ней бурно ухаживать – в чем ему порой очень мешает ее рассерженный отец. Ухаживание это кое в чем до смешного походит на ухаживание влюбленного молодого человека. Молодой гусак всячески показывает свою храбрость: бросается отгонять других гусаков и даже тех, которых обычно побаивается, – но, правда лишь тогда, когда его избранница может это видеть. В ее присутствии он всячески щеголяет физической силой: взмывает в воздух, чтобы пролететь короткое расстояние, которое всякий не ослепленный страстью гусь благоразумно пройдет пешком. К тому же взлетает он гораздо более стремительно, чем любой “нормальный” гусь, а, опускаясь рядом с подругой, тормозит гораздо резче. Словом, он ведет себя совсем как молодой влюбленный на мотоцикле или за рулем спортивной машины”* (Лоренц, 1984). Оказывается, гуси также могут страдать от неразделенной любви и супружеской измены. А гибель партнера вообще приводит к трагедии.

Вот, что пишет об этом К. Лоренц: *“Первая реакция на исчезновение партнера состоит в том, что серый гусь изо всех сил старается его отыскать. Он непрерывно, буквально день и ночь, издает трехсловый дальний зов, торопливо и взволнованно обегает привычные места, в которых обычно бывал вместе с пропавшим, и все больше расширяет радиус своих поисков, облетая большие пространства с непрерывным призывным криком. С утратой партнера тотчас же пропадает какая бы то ни была готовность к борьбе, осиротевший гусь вообще перестает защищаться от своих сородичей, убегает от*

более молодых и слабых; а поскольку о его состоянии сразу же “начинаются толки” в колонии, то он мигом оказывается на самой низшей ступени иерархии. Порог всех раздражений, вызывающих бегство, понижается; птица проявляет крайнюю трусость не только по отношению к сородичам, она реагирует на все раздражения внешнего мира с большим испугом, чем прежде” (Лоренц, 2001). Не правда ли, поведение вполне узнаваемо? Известны случаи, когда овдовевшие гусыни до конца своих дней оставались одинокими и сексуально пассивными, а живут эти птицы десятки лет (Лоренц, 2001). Разумеется, нельзя полностью отождествлять чувства человека и гуся, но аналогия есть, по крайней мере, слова “убитый горем” вполне подходят. У гуся тоже может быть “опечаленное” выражение лица, как и у человека. Причем оно имеет тот же механизм – за счет длительного снижения тонуса определенных мышц. “Мы не знаем и не можем знать, – пишет К. Лоренц (2001), – что субъективно происходит в гусе, который проявляет все объективные симптомы человеческого горя. Но мы не можем удержаться от чувства, что его страдание сродни нашему! [выделено автором – В.Г.]”

Сломано немало копий по поводу этичности любительской охоты. Но если показать проблему с этой стороны, вполне вероятно гораздо больше людей зададут себе вопрос: “Что мы творим?” Дело ведь не в этичности или неэтичности охоты как таковой, а в неэтичности получать удовольствие от убийства и причинения страданий. Суть этого подхода прекрасно выразил еще Р. Киплинг в одном из законов Джунглей: “Охотиться для пропитания, но не ради забавы”.

О природе любви и любви к природе

Л. Грэбер считает, что “дикая природа – это проявление “Совершенно Иного”, отличного от человека, и которое, в связи с этим, необходимо ценить” (Грэбер, 1999). Интересная постановка вопроса. А может ли в принципе человек любить и

ценить что-то только потому, что оно – иное, отличное от него? Вся история человечества свидетельствует об обратном. Сильно ли люди любили во все времена иные народы, например? Ценили – да, но в материальном выражении: при торговле рабами. То же самое было и в отношениях человека с природой. Наибольший удар по ней следовал после освоения новых территорий (Грищенко, 2001в). Столкнувшись с иным животным и растительным миром, человек стремился сделать среду обитания более привычной и урвать от природных богатств побольше. Одни виды уничтожались, другие – расселялись. В ходе колонизации Северной Америки европейцами шла непрерывная кровавая бойня. Целенаправленно уничтожалось все – от девственных лесов и обитавших в них животных (см., например, Дорст, 1968; Мак-Кланг, 1974) до индейцев и даже соседей-колонистов (долгие годы шла ожесточенная борьба между англичанами и французами, а затем между американцами и англичанами). И дело вовсе не в непривычном богатстве природы, столь же часто ее пытались “обогащать”. Надо ли напоминать о кроликах в Австралии и козах на морских островах?

Для того чтобы эффективно охранять природу, нужно, как минимум, считаться с ее законами. В том числе и теми, которые управляют поведением человека. “Наша любовь к ближнему, – пишет К. Лоренц, – настолько разбавляется массой этих ближних, притом слишком близких, что, в конце концов, даже следов ее невозможно обнаружить. Кто хочет испытывать сердечные и теплые чувства к людям вообще, должен сосредоточить их на небольшом числе друзей; как бы ни было правильно и этично требование любить всех людей, мы так устроены, что не можем его исполнить. Нам приходится, поэтому, делать выбор и тем самым в эмоциональном отношении “держаться на расстоянии” множество других людей, несомненно, не менее достойных нашей дружбы” (Лоренц, 1998). Этот же механизм можно использовать и в воспитании любви к природе.

По моему мнению, вообще не стоит злоупотреблять термином “Совершенно Иное”. Во-первых, Р. Отто вкладывал в это понятие совершенно иной смысл. Во-вторых, это выстраивает непреодолимый барьер между человеком и природой. С позиций и экологии, и экологической этики гораздо более приемлем другой подход – единство человека и природы, целостность биосферы Земли, частью которой является и вид *Homo sapiens*. Не лучше ли взять на вооружение “заветное слово” Маугли: “Мы одной крови”?

Помимо всего прочего, говоря об “Ином”, да еще “Совершенно Ином”, мы автоматически затрагиваем не лучшие свойства человеческой природы. Иное – это не наше, не такое как мы. Оно может быть враждебным, может быть нейтральным, но оно – чужое. У животных, включая человека, есть инстинктивная программа объединения “своих” для противостояния “чужим”. Объединение это может происходить по любому произвольному признаку – национальность, землячество, вероисповедание, принадлежность к определенной группе людей (класс, курс, армейское подразделение), профессия и т. д. (Дольник, 1992). В конечном итоге именно отсюда проистекают религиозные и национальные конфликты, разборки между криминальными кланами и подростковыми группировками, “дедовщина” в армии и т. п. Как учит народная мудрость, не стоит дергать за усы спящего тигра. Обыватель и так относится к природе, тем более дикой и свободной, настороженно, чему немало способствуют голливудские боевики и приключенческое чтиво. Стоит ли это усиливать еще и якобы природоохранными лозунгами?

Концепция “Совершенно Иного” неплохо смотрится в философских трактатах, но она вряд ли годится для использования “на людях”, например, в природоохранной пропаганде. Кстати, это неплохой пример того, как умудренные экофилософы в очередной раз “наступают на грабли” из-за пренебрежительного и высокомерного отношения к науке.

По мнению Ю. Одума, “краткую историю развития атмосферы следовало бы довести до сведения каждого гражданина и каждого школьника, так как она ярко показывает **абсолютную** зависимость человека от других организмов, населяющих среду, в которой он обитает [выделено автором – В.Г.]” (Одум, 1975). Причина для любви проста: Земля – наш дом. И никакие высшие силы нам его заново не построят. “Сменить квартиру” не удастся, если она придет в негодность. Природа – не “Иное”, она и в нас, и вокруг нас. Человек, что бы он ни мнил о себе, – всего лишь один из видов, населяющих биосферу. Он дышит кислородом, который выделяют растения; для жизни ему нужны питательные вещества, которые синтезируют другие организмы; отходы его жизнедеятельности, в свою очередь, также должен кто-то потреблять. Если функционирование этого глобального механизма нарушится, рано или поздно наступит, как пишет А.А. Никольский (2001), “*тот момент, когда нам не останется ничего другого, как загадать последнее желание*”. Такая научная основа для любви к природе, по моему мнению, весит гораздо больше, чем любое почитание и благоговение. Одно дело – любить “ближнего” или “дальнего”, и совсем другое – себя, своих детей и внуков, свой дом, свою родину. От такой любви нормальный человек вряд ли откажется, надо просто показать ему взаимосвязи.

Между прочим, знаменитому тезису М. Пришвина: “Охранять природу – значит охранять Родину”*, можно дать вполне научное обоснование. Как указывает Л.Н. Гумилев (2001), характер приспособляемости к природным условиям у человека иной, чем у других видов. Заселяя новый регион, он изменяет не анатомию и физиологию организма, а стереотип поведения. Так формируются новые этносы. То есть, разрушая природные ландшафты, мы тем самым

* Впрочем, примерно то же самое говорил еще Г. Конвенц, а до него – основатели немецкого национализма XIX в. (Доминик, 1997).

способствуем утрате старых традиций и обычаев и перерождению этноса. Л.Н. Гумилев (2001) отмечает: *“Историческая судьба этноса, являющаяся результатом его деятельности, непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта”*. Вот пример того, к чему приводит необратимое изменение природы: *“В VII в. арабы подчинили себе Африку и Испанию, встретив сопротивление только у горцев Атласа и Астурии, т. е. там, где ландшафты подверглись влиянию римской цивилизации минимально. Там уцелели древние этносы – берберы и баски, жившие с природой в ладу. Природа своей земли их и уберегла.*

Зато потомки римских колонистов, тех, кто извел леса на постройки роскошных вилл и храмов, развел на опустошенных просторах Испании промышленное овцеводство, а в южных предгорьях Атласа вытоптал казенными табунами тонкий гумусный слой, не восстановленный донныне, оказались беззащитными перед жестокими завоевателями...” (Гумилев, 2001). О значительной роли дикой природы в формировании американской нации говорили О. Леопольд (1983) и Р. Нэш (Nash, 1982). Все это вполне рациональные аргументы. Как видим, изучение природы и ее связей с человеком отнюдь не обесценили природу в глазах человека, а очень даже наоборот.

Если ценить и любить можно только “вещь в себе”, непознанную и непонятную, то, по логике вещей, наибольшей ценностью в окружающем нас мире, видимом невооруженным глазом (а использование инструментов – это уже познание), должна обладать туманность Андромеды. Это в буквальном смысле Совершенно Иное (инее некуда – другая галактика), совершенно неизученное – таинственное крохотное туманное пятнышко на ночном небе. Однако почему-то гораздо больше мы любим “траву у дома своего”, исхоженную и истоптанную вдоль и поперек, зато родную и близкую.

Еще один важный аспект. Когда абстрактные “жиды”, “москалы”, “хохлы”, “фундаменталисты” превращаются в кон-

кретных людей – друзей, коллег, единомышленников, презирать и ненавидеть их становится гораздо сложнее. То же самое касается и любви к природе. Вряд ли можно любить абстрактно-безликое “Совершенно Иное”. Любовь к природе начинается с теплых чувств к домашней кошке или собаке, аквариумным рыбкам, растениям в комнате или в саду. Их надо подхватывать и развивать.

Огромную роль в воспитании любви к природе у самых широких слоев населения сыграли появившиеся в последние десятилетия книги писателей-натуралистов: Дж. Адамсон, Дж. и Г. ван Лавик-Гудолл, Б. Гржимека, Дж. Даррелла, К. Лоренца, Я. Линдблада, Ф. Моуэта, Дж. Шаллера и многих других. Они описывают жизнь животных на основе собственных наблюдений, противопоставляя факты устоявшимся стереотипам и дремучим предрассудкам. Оказывается, дикие животные – вовсе не бездушные и безликие твари, они могут быть вполне яркими и интересными личностями, их жизнь богата радостями и страданиями. Причем изображение зверя или птицы как личности позволяет вызвать у читателя уважение к ним даже в том случае, когда они оказываются “по другую сторону баррикады” – как волк Лобо у Э. Сетона-Томпсона или ястреб Астер у Б. Гржимека.

Не менее важны научно-популярные книги и фильмы о дикой природе. Да и научная литература тоже. В последнее время во многих странах справочники и монографии издаются в расчете на массового читателя – с хорошей полиграфией и богато иллюстрированными. Издателями движет чисто коммерческий интерес – чем больше читателей привлечет книга, тем выше прибыль. Однако, это как раз один из тех случаев, когда страсти человеческие действуют на всеобщее благо. Ученые и природоохранные работники должны позаботиться лишь о соответствующем наполнении.

Приведу только два примера. В издательстве “Lynx Editions” в Барселоне (Испания) с 1992 г. выходит многотомный справочник по птицам мира “Handbook of the

Birds of the World". К началу 2002 г. появилось уже 7 томов. По поводу этой фундаментальной сводки сказано немало комплиментов, но в данном случае меня интересует лишь один аспект – иллюстрации. В каждом томе содержатся сотни цветных рисунков и фотографий. Фотографии интересны по сюжету, совершенны технически, а во многих случаях еще и великолепно художественно. К тому же, подписи к ним обширны и информативны.

Книгу можно просто листать, не вникая в текст (что, вполне вероятно, и делают многие любители птиц), и наслаждаться ею, смакуя каждую страницу как глоток дорогого вина, окунаясь с головой в фантастический мир птиц. Невозможно оставаться полностью равнодушным, созерцая такую красоту и совершенство. Даже совсем далекий от природы читатель как минимум поймет, что без птиц человечество все-таки что-то потеряет.

Издательство "Kosmos" в Штуттгарте (Германия) выпустило прекрасную книгу о совах Европы (Mebs, Scherzinger, 2000). Одно из ее многочисленных достоинств – также великолепные фотографии и рисунки. Уверен, что благодаря ей появится несколько больше друзей этих птиц, полюбить которых многим мешают старые дурацкие предрассудки. Глядя на умильную мордашку слетка воробьиного сычка, женственную элегантность сипухи, забавную возню с дождевым червем домового сыча или философское выражение "лица" бородачей неясити, невозможно поверить, что они и их сородичи – пособники нечистой силы, вестники несчастья и т. д., и т. п.

Надо ли объяснять, что для подготовки подобных изданий необходимо не только в совершенстве знать жизнь птиц, включая редкие и малоизученные виды, но и лезть в самые что ни есть "медвежьи" углы, чтобы запечатлеть их на пленку.

В связи со всем вышесказанным, сам собой напрашивается вывод: как минимум один вид использования можно допустить для территорий любой степени заповедности – познание. Это важно как для человека, так и для благополучия самой природы.

Литература

- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман.экол. журн. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001а): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. журн. 3 (1): 42-56.
- Грищенко В.Н. (2001б): Экологическая этика и заповедное дело. - Запов. справа в Україні. 7 (1): 1-8.
- Грищенко В.Н. (2001в): Новые мифы о главном: первобытный человек и природа. - Гуман. экол. журн. 3 (2): 56-74.
- Грэбер Л. (1999): Дикая природа как священное пространство. Киев. 1-50.
- Гумилев Л.Н. (2001): Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ. 1-560.
- Гумилев Л.Н. (2002): Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ. 1-839.
- Дзюба И. (2001): Современное общественное и церковное положение в Украине. - Зеркало недели. 26.05. 20: 3.
- Дольник В.Р. (1992): Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей? - Природа. 6: 3-16.
- Доминик Р. (1997): Антимодернизм, национализм, романтизм, мораль и религия в природоохранном движении Германии начала XX века. - Любовь к природе. Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев. 26-46.
- Дорст Ж. (1968): До того, как умрет природа. М. 1-415.
- Ефремов И. (1991): Лезвие бритвы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 1-640.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Линдبلاد Я. (1983): Мир Книги джунглей. М.: Мир.
- Лопарев С.А. (2001): Современное состояние популяции большого фуляроноса у южной границы ареала. - Беркут. 10 (1): 91-101.
- Лоренц К. (1984): Год серого гуся. М.: Мир. 1-191.
- Лоренц К. (1998): Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. - Обратная сторона зеркала. М.: Республика. 4-60.
- Лоренц К. (2001): Агрессия (так называемое "зло"). СПб: Амфора. 1-349.
- Мак-Кланг Р. (1974): Исчезающие животные Америки. М.: Мысль. 1-207.
- Несис К.Н. (2001): Кто любит пиво, а осьминог – бутылку от пива. - Природа. 3: 39-41.
- Никольский А.А. (2001): Охрана растительного и животного мира – стратегия выживания. - Глобальные проблемы биосферы. (Чтения пам. акад. А.Л. Яншина, вып. 1). М.: Наука. 129-137.
- Одум Ю. (1975): Основы экологии. М.: Мир. 1-742.
- Фрейд З. (1990): Будущее одной иллюзии. - Сумерки богов. М.: Политиздат. 94-142.
- Фромм Э. (1990): Психоанализ и религия. - Сумерки богов. М.: Политиздат. 143-221.
- Mebs T., Scherzinger W. (2000): Die Eulen Europas. Biologie, Kennzeichen, Bestände. Stuttgart: Kosmos. 1-396.
- Nash R. (1982): Wilderness and the American Mind. New Haven, London: Yale Univ. Press. 1-430.

НОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

Дэйв Формэн

В 1970-х годах природоохранители по старинке являлись проповедниками концепции многостороннего природопользования. Никому и в голову бы не пришло выступать против лесозаготовок, добычи нефти, автомобильного туризма, вездеходов и разных других способов уничтожающего использования природной среды – все это считалось законной хозяйственной деятельностью на государственных землях. Мы вели визгливые баталии против вырубki лесов, добычи руды и устройства зон массового лыжного отдыха только в определенных местностях; мы иногда призывали сократить разрешенное поголовье скота; мы требовали ограничений на движение вездеходов; но, перебирая свои четки, мы не переставали бормотать, согласно катехизису многостороннего природопользования, что по сути все это – законное мудрое и рациональное использование национальных лесов, общественных земель, а иногда даже национальных парков и резерватов дикой природы.

Устаревшие антропоцентрические аргументы природоохранителей в пользу дикой природы

В 1970-х годах дикие территории, национальные парки, резерваты дикой природы и другие охраняемые местности рассматривались преимущественно как места отдыха и первозданной красоты – но не как экологический резерв.

Заповедные участки национальных лесов были учреждены в 1920-х годах, чтобы сохранить “пионерный” образ жизни – это была реакция жителей старых лесов на

распространяющийся дым фордовской машины. До 1980-х годов природоохранители выступали за сохранение дикой природы чаще всего с точки зрения рекреации (и эстетики). Для присвоения статуса заповедной территории предлагались места, особо излюбленные туристами, скалолазами, рыболовами, охотниками и т. п. В большинстве случаев это были горные участки с ледниковыми озерами, альпийскими лугами и величественными вершинами, возвышающимися над уровнем леса. Чтобы сохранить популярные альпийские зоны, природоохранные группы легко отступались от своих предложений относительно низлежащих земель, привлекательных для лесопромышленников – даже несмотря на то, что эти лесные районы были намного экологически ценнее, чем высокогорье. Я вспоминаю, как основатель Комитета по изучению дикой природы в Нью-Мексико убеждал меня сократить площадь, предложенную мною для присвоения охранного статуса территории национального леса Джилла на юго-западе Нью-Мексико, поскольку предложенные им небольшие горные участки на севере были привлекательнее для туризма. Он боялся, что чем больше леса в Джиле, более сухого и жаркого, с менее классическим пейзажем, получит статус резервата дикой природы, тем, соответственно, меньше бездорожных, напоминающих пейзажи Колорадо районов на севере Нью-Мексико окажутся под защитой. Тот же старый турист отказался поддержать объявление заповедными земель в национальном лесу Боскдель Апач. Прошел даже ужасающий слух о собрании Калифорнийского Сьерра-Клуба в 1970-е годы, где было принято решение “отдать” старые леса и сосредоточиться на защите высокогорных зон отдыха.

Все эти природоохранители мыслили “стратегически”. Они считали, что лишь

Опубликовано: Deep ecology for the 21-st century. ed. G. Sessions. Shambhala, Boston – London, 1995. pp. 50-57. Пер. Киевского эколога культ. центра.

небольшое число земель могут получить статус охраняемой дикой природы, и они хотели, чтобы это были те места, где им больше нравилось путешествовать, жить в палатках, ловить рыбу, лазать по скалам и охотиться.

Аргументы в пользу национальных парков продолжали эту тему. С тех пор, как был основан Йеллоустоун в 1872 г., под охраной оказалась не сама по себе дикая природа, но ее виды, красоты и диковинки – такие чудеса природы, как Гранд Каньон, долина Йосемит, Карлсбадские пещеры и Кратерное озеро. Альфред Рунт, выдающийся исследователь национальных парков, назвал такую аргументацию “монументализмом”.

Национальные резерваты дикой природы, как правило, создавались для того, чтобы обеспечить условия для жизни и размножения промысловых водных птиц или крупной дичи; очень редко резерваты предназначались для сохранения таких “бесполезных” созданий, как, например, журавль. Даже редчайшие виды, стоящие на грани полного исчезновения, такие как снежный баран, вынуждены были платить за свое спасение в охотничий сезон: на снежного барана, к примеру, была разрешена ограниченная охота в Кабеса Приета и охотничьих угодьях Сан-Андрес. Виды животных, в которых были заинтересованы охотники, охраняли с помощью кампаний по истреблению хищников в национальных парках и резерватах дикой природы в первой трети нашего века. Даже после признания учеными экологически необходимой роли хищников в экосистеме, природозащитники не посмели выступать за сохранение серого волка, медведя-гризли и пумы на территориях, где их уничтожали.

Относительно всех заповедных мест еще одним антропоцентрическим рациональным обоснованием был аргумент “бесполезных земель” (как назвал его Рунт). Мы можем себе позволить оставить в покое эти земли и ограничить их многостороннюю эксплуатацию, поскольку они бедны ресурсами. Такой подход, несомненно, только подогревал стремление природоох-

ранителей исключить из поля своей деятельности леса, пастбища и земли, богатые минералами.

Кроме того, природозащитники 1970-х годов рассматривали нетронутые земли, национальные парки и резерваты дикой природы как острова – отдельные изолированные единицы. Это были живые музеи, галереи искусств на открытом воздухе, гимнастические залы в лесной глуши, естественные зоопарки. Природоохранная классификация понималась не как процесс установления природных зон, а как определение границ территорий, достойных названия “коронных бриллиантов” американской природы. Вокруг этих территорий очерчивалась граница – и они начинали рассматриваться отдельно от земель, их окружающих. Экологическая концепция дробления ареала игнорировалась федеральными учреждениями и природоохранителями (или просто была им неизвестна).

К 1980 году подобные философские и организационные концепции затрещали по швам.

Академическая философия

На протяжении 1970-х годов университетские философы Европы, Северной Америки и Австралии обращаются к экологической этике как к достойному предмету исследований и дискуссий. Социологи, историки, антропологи и другие ученые-гуманитарии также начинают интересоваться позицией человека по отношению к природе. В 1980 году интересы многих людей объединились для выхода в свет журнала “Экологическая этика” (“Environmental Ethics”). Кроме того, несколько профессоров, в частности, Билл Девалль и Джордж Сешнз популяризируют в Соединенных Штатах идеи глубинной экологии норвежского философа Арне Нейса. Развивается сеть международных контактов специалистов по экологической этике, и вследствие этого начинается одна из самых оживленных дискуссий в современной философии.

Вначале немногое из этой “бури в баш-

нях из слоновой кости” привлекало внимание действующих природоохранителей, но к концу 80-х годов уже лишь немногие активисты и волонтеры экологических групп не отдавали себе отчета в противостоянии глубинной экологии и поверхностного инвайронментализма, так же как и в широкой дискуссии по поводу экологии и этики. В центре этой дискуссии был вопрос о том, могут ли другие биологические виды иметь существенное значение или они ценны только ввиду своей полезности для человека. Естественным дополнением к этому был вопрос: есть ли у человека моральные обязанности по отношению к другим биологическим видам, и если да – то какие? Интересно, что сторонники существенной самоценности и морального долга человека перед экосистемами черпали вдохновение в трудах Олдо Леопольда, родоначальника концепции резерватов дикой природы в государственных лесах США. (Однако можно поспорить с утверждением о том, что развитие аргументации природоохранного движения с 70-х до 90-х годов – только лишь краткое повторение личной эволюции Олдо Леопольда).

Природоохранная биология

Несмотря на пример ранних сторонников дикой природы среди ученых, таких как Олдо Леопольд и Джон Мюир, немногие биологи и вообще представители естественных наук изъявили желание ввязаться в политическую борьбу 1970-х годов. Я помню, какие тогда делались попытки убедить зоологов, ботаников, экологов и других ученых в колледжах Нью-Мексико высказаться в поддержку учреждения резервата дикой природы. Согласилась горсточка, остальные нашли благовидные предлоги для отказа.

Однако в 1980-х годах появились две группы работающих биологов, готовых снабжать природоохранителей информацией, выступать публично и даже поставить на карту ради защиты дикой природы свою репутацию. Одна группа состояла из представителей официальной науки: экологов,

ботаников, зоологов, почвоведов и других исследователей, работавших для Лесной службы, Службы Национальных парков, Службы рыболовства и резерватов, а также Бюро управления землепользованием. Эти ученые исследовали старые лесные экосистемы, изучали потребности чувствительных и находящихся под угрозой биологических видов и определяли степень истощенности ресурсов различных экосистем. В 1970-х гг. Говард Уилшир, геолог из Института геологических исследований США, едва не лишился работы после публикации своего исследования, показавшего неожиданно разрушительное действие вездеходов на окружающую среду. Как и следовало ожидать, в 80-е годы лесопромышленники из Пасифик Нортвест пытались заставить замолчать некоторых правительственных исследователей дикой природы, как только их публикации начали привлекать внимание общественности. Их новые данные развенчали старые мифы о биологическом обеднении древних экосистем и подчеркнули необходимость остановить дробление ареалов.

Эти исследования заставили некоторых правительственных чиновников “ступать осторожнее”, но, что еще важнее, экологические группы начали основывать свои доводы в пользу охраны природы на фактах, приводимых в правительственных исследованиях. Тесно связано с этим появление в Лесной службе и подобных ей учреждениях служащих, которые под влиянием ученых и природоохранителей взяли на себя роль в своих организациях выступать за проведение внутренней реформы. Это привело к созданию Ассоциации служащих лесного хозяйства по экологической этике (The Association of Forest Service Employees for Environmental Ethics).

Другая группа экологов, присоединившихся к движению, состояла из университетских исследователей, подолгу работавших во влажных тропических лесах и других экзотических местностях, которые внезапно осознали, что богатство природы, изучаемой ими, стремительно исчезает. По мере накопления данных, все большее чис-

ло таких ученых приходило к неизбежному выводу: в результате деятельности “индустриального человечества” наша планета пребывает в агонии кризиса, более грозного, чем все открытые геологами древние катастрофы. Нигде и никогда прежде в пыльных архивах университетов и музеев не собиралось так много свидетельств быстрого вымирания видов, как сейчас, в конце XX века.

Эти факты оказались настолько шокирующими – как неожиданное стрекотание гремучей змеи в высокой траве – что множество биологов начали действовать и создали новую отрасль биологии. Эта “наука о кризисах” (термин, предложенный одним из ее основателей, Мишелем Суле) была названа “природоохранной биологией”. Новая научная дисциплина к концу 1980-х годов уже имеет десятки монографий и ежеквартальный журнал. Предупреждение природоохранных биологов было положительно воспринято средствами массовой информации. К ним начали прислушиваться даже некоторые политики. К концу десятилетия термин “биологическое разнообразие” (biodiversity) вошел во всеобщее употребление и стал одной из главных тем. Природоохранные группы, такие как Общество дикой природы, приглашают на работу экологов. Защитники природы удваивают свои усилия, чтобы приобрести наиболее экологически уязвимые территории земли и начинают говорить об их возможных связях и коридорах. Влажные тропические леса привлекают много внимания, но и умеренные зоны Соединенных Штатов также оказываются под пристальным взглядом. Одним из примеров активности ученых является группа ботаников Висконсинского университета, которые предложили выделить большие участки национального леса в Висконсине, чтобы сохранить их в девственном состоянии...

“Прежде Земля!”

В “Исповеди борца за природу” (Dave Forman. Confessions of an Eco-Warrior) я

описывал зарождение группы “Прежде Земля!” в рамках основного природоохранного потока, говоря о том, каковы были достижения этого замечательного явления в 1980-х годах, и объяснял, почему я считаю, что к концу 80-х годов оно в значительной степени достигло своих практических целей. Антиофициальный пафос “Прежде Земля!” был стратегическим решением, направленным на определенные конкретные задачи. Мы, основатели группы, ни в коем случае не считали, что она призвана заменить все существующие формы природоохранного движения. Во многих отношениях это была операция камикадзе.

В последней главе “Исповеди” я суммировал достижения группы “Прежде Земля!”:

– “Движение “Прежде Земля!” направило свои усилия на преобразование проблемы сохранения дикой природы с эстетической и утилитарной на собственно экологическую; от акцента на красоту и отдых – к акценту на биологическое разнообразие видов.

Таким образом, мы вышли из ограниченной “повестки дня” традиционных природоохранных групп – защиты “кусочков” оставшейся дикой природы. Мы призвали к восстановлению утраченных видов и приданию заповедного статуса обширным диким землям. Мы вынесли дискуссионную проблематику биоцентрической философии – глубинной экологии – за пределы пыльных академических журналов. Мы успешно ввели ненасильственное гражданское неповиновение в “репертуар” активистов движения в защиту дикой природы. Мы также помогли “встряхнуть” природоохранное движение, пробудить его от средневековой летаргии и вдохнуть в него новую страсть, радость и юмор. Делая все это, “Прежде Земля!” преобразовала весь спектр природоохранной проблематики и установила новые параметры экологической дискуссии.”

Группе необходимо было сознательно выйти из системы, не поддаваясь искушению ввязаться в политическую борьбу, попробовать “взбаламутить стоячую воду”; выдвинуть на передний план биоцентричес-

кие аргументы в пользу дикой природы; подчеркнуть приоритет ценностей биологического разнообразия видов над эстетически-рекреационными и утилитарными; помочь подготовить почву, на которой мог бы вырасти целый спектр разнообразных групп в пределах движения за дикую природу; и сделать возможным обсуждение таких предметов (ранее бывших табу), как восстановление популяций хищников, возрождение диких территорий и объявление вне закона вырубки лесов и выпас скота на общественных землях. Сама по себе “Прежде Земля!”, разумеется, не смогла бы защитить всю дикую природу, или остановить лесозаготовки в государственных лесах. Но, переплетаясь (как в змеином клубке) с философами-инвайронменталистами, экологическими биологами и независимыми группами простых людей движение “Прежде Земля!” сыграло ключевую роль в создании необходимых условий для возникновения нового природоохранного движения 90-х годов, которое способно осуществить многое из того, что впервые было предложено группой “Прежде Земля!”.

Концепция дикой природы

Новое природоохранное движение в значительной степени отказалось от старой концепции дикой природы как преимущественно ресурса для рекреации. Его аргументы прочно основываются на данных экологической биологии и признают биологическое разнообразие фундаментальной ценностью. Провозглашенные и развиваемые вначале лишь мечтателями, эти идеи и дела вливаются в общенациональное экологическое течение. Местности дикой природы и национальные парки больше не считаются одинокими островами опустошающей урбанизации – но видятся как нечто главное, как заповедники, связанные в единую систему, чтобы дать необходимую среду обитания жизнеспособным популяциям биологических видов, особенно уязвимым или прямо зависящим от первозданной природы – таким как пятнистая сова, серый волк, флоридская пантера, медведь гризли и многие другие, менее “харизматические” виды.

“ПРЕЖДЕ ЗЕМЛЯ!”: ОТ НАЧАЛЬНОЙ ДУХОВНОСТИ К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ СОПРОТИВЛЕНИЮ

Брок Тэйлор

Бегство в пустыне

Тьма пустынной ночи разбежалась по углам, когда ракеты фэбээровцев пронзили небо. По этому сигналу 30 тяжеловооруженных агентов бросились на трех экологических саботажников – и одного осведомителя ФБР – ютившихся под гигантскими электробашнями. Двое саботажников были быстро схвачены. Третий исчез в тени. Это бы-

ла женщина. Она бежала с отчаянием преследуемого зверя, и когда остановилась, чтобы перевести дух, то ощутила свое мистическое слияние с Землей, которая, казалось, окружила и защищала ее. Она стала невидимой как призрак. Когда вертолеты пролетали над головой, она прижималась либо к дереву, либо к земле, продолжая оставаться невидимой. Она почувствовала себя дикой кошкой, своим тотемным животным. “В ту ночь я была дикой кошкой”, вспоминает она. “Когда я бежала между кактусами, то я ощущала себя диким зверем.” В таком состоянии она вне досягае-

Опубликовано: This sacred earth: religion, nature, environment. Ed. R. Gottlieb. London and New York: Routledge, 1996. P. 545-558. Сокращ. перевод с английского С. Колоса.

мости преследователей. Спустя несколько часов ей удалось проскользнуть через посты на краю города; ее никто так и не заметил. На следующий день, на работе, в будничном мире, Пэг Миллет была арестована, но она не была удивлена – бетонный фундамент окружающих зданий отделил ее от покровительственной защиты Земли.

Марка Дэвиса тоже схватили в ту ночь. Вскоре ему было предъявлено обвинение в нескольких актах “экосаботажа” (термин, означающий саботажные действия по защите экосистемы; в обиходе это также называется акциями “гаечного ключа”), в том числе, в попытке помешать расширению горнолыжного курорта в горах Сан Франциско – местах, считающихся племенами хопи и навахо святыми. В письме из федеральной колонии в отношении этого он писал: “Индейцы хопи и навахо возмущены явным пренебрежением соглашений договоров с ними, уничтожением сотен акров старых лесов ради строительства новых лыжных дорожек и тем, что Лесная Служба субсидировала частную компанию общественными деньгами. Но самое главное в том, что эти горы являются святыми, и происшедшее здесь, (как мы ни старались, это все-таки произошло) было ужасной духовной ошибкой”.

Арестованные в мае 1989 г. в Аризонской пустыне и Миллет, и Дэвис были участниками “Прежде Земля!”, так называемого “радикального экологического” движения. В руки ФБР попал и один из основателей “Прежде Земля!” Дэйв Формэн, главный автор “Экозащита: Пособие по “экосаботажу” (1987), где описывалось то, как нужно уничтожать оборудование лесозаготовителей и иным образом мешать тем, кто уничтожает экосистемы “святой природы”. Арест, судебный процесс и осуждение этих активистов, а также попытка убить в 1990 г. активистку Джуди Бари, заставили заговорить о “Прежде Земля!” общественность США, в особенности на Западе. Но в сенсационных материалах, которыми запестрели газеты, почти ничего не говорилось о духовной подоплеке всей этой деятельности.

Однако многие участники “Прежде Земля!”, ее оппоненты и сторонники, признают важность духовной подоплеки в нынешних экологических конфликтах. Одним примером этого является письмо, предположительно написанное тем, кто пытался убить Джуди Бари. Его автор, цитируя Генеzis 1: 26 (где говорится о мире господства), писал: “этот одержимый язычеством демон, Джуди Бари, говорил, что деревья – не божий дар людям, а сами являются богами, и что рубка их – грех. Поэтому я почувствовал в себе силу господнюю и то, что меня он выбрал с тем, чтобы я поразил этого демона”. В конце письма содержалось предупреждение еще трех верующих, утверждавших, что они являются “божьими мстителями”. Правда, подлинность письма сомнительна. Некоторые считают, что оно настоящее, и писали его люди, являющиеся христианскими фундаменталистами и ментально больными. Другие полагают, что это письмо – уловка ФБР, похожие письма появились и после бомбометаний в клиниках, занимающихся абортными, благодаря которым Бюро Расследований хочет отвести подозрение в попытке убийства. Как бы там ни было, это письмо демонстрирует, что в основе экологических противоречий могут быть и определенные религиозные причины. И действительно, выражение неприятия “языческой” духовности радикальных экологов все чаще звучат из уст анти-экологов, и даже некоторых сторонников охраны природы. Так как же мы должны относиться к радикальным экологам и их духовности и политике? Справедливая оценка этого зависит от точности описания их духовной политики.

“Прежде Земля!” Религия: традиция, возникающая в мифе, символе и обряде

Прежде всего, небесполезным было бы повторить несколько положений, касающихся религии, особенно потому, что многие приверженцы “Прежде Земля!” отвергают организованную религию; некоторые

из них не считают себя “религиозными”, а другие не согласны с тем, что в их движении имеются явно религиозные ритуалы и песни. Так почему же мы должны считать “Прежде Земля!” религиозным движением?

Все религиозные традиции содержат миф, символ и ритуал. Мифы описывают происхождение мира (космогония), что он из себя представляет (космология), что могут и не могут достичь люди (моральная антропология), и что произойдет в будущем (эсхатология). Религиозная этика напрямую поддерживается этими мифическими элементами. И все же, религиозные традиции разнообразны, они не монолитны и не статичны, и зависят от того, кто интерпретирует и осуществляет эти мифы, ритуалы и обряды. Тем не менее, несмотря на огромные внутренние различия, определенные базовые убеждения, виды поведения и ценности объединяют различные религиозные движения в понятие “традиции”. Изучив “Прежде Земля!” и более широкое экологическое движение, можно понять, что возникающая группа мифов, символов и обрядов говорит о появлении динамичного, нового религиозного движения.

Теория эволюции “представляет” первичную космогонию, которая способствует эоцентрической этике движения – а именно понятию о том, что все виды должны быть способны осуществить свою эволюционную судьбу, и что экосистемные типы должны иметь возможность для процветания. Эта идея о том, что все экосистемы и виды присуще ценны, независимо от их полезности для человека, также являются центральной идеей глубинной экологии. В эссе “Земная ярость” философ движения “Прежде Земля!” Кристофер Мэйн отмечает, что если все виды развились таким образом, и если ни один из них не был создан специально для какой-то определенной цели, то метафизическая основа антропоцентризма, вместе с идеей человеческого доминирования над “Великой цепочкой бытия” оказывается лишенной всякой цели. “Эволюция означает то, – заключает он, – что нет никаких причин считать людей более

развитыми (или ценными), чем какой бы то ни было иной вид. *Homo sapiens* не является целью эволюции, так как, насколько нам известно, у эволюции нет “telos” – она просто развивает одну жизненную форму за другой”. Но раз эволюция приносит жизнь во всем ее разнообразии, то эволюционный процесс сам обладает высочайшей ценностью – таково этическое значение этой космологии. Следовательно, центральным моральным приоритетом “Прежде Земля!” является защита и восстановление дикой природы в силу того, что нетронутая природа предоставляет необходимый генофонд для продолжения эволюции.

Но все-таки: почему мы должны заботиться об эволюции или дикой природе в первую очередь? Мэйн помогает нам понять, что люди не являются наиболее ценными существами, но не объясняет того, где все-таки “окопалась” сама ценность. Именно поэтому движение “Прежде Земля!” и задействует так много духовности – своего рода духовность логически необходима для того, чтобы люди ценили эволюционный процесс и вытекающие из него жизненные формы – эволюционная теория, в качестве описательной космогонии, не может обосновать то, почему мы должны ценить эволюционный процесс. Сам Мэйн говорит, что глубинная экология и “Прежде Земля!” своими корнями уходят в “глубокую духовную привязанность людей к природе”. Представители “Прежде Земля!” часто говорят о необходимости “восстановить святость” на уровне нашего восприятия природы. Интересно, что все они верят в то, что жизнь свята и все в ней взаимосвязано, независимо от того, считаются они религиозными или нет. Даже те, кто оказался привлеченным к эоцентрической этике, основанной в основном на эволюционной космогонии, в конце концов при объяснении своих чувств начинают прибегать к метафорам святости.

Некоторые из ответвлений движения “Прежде Земля!” являются явно религиозными, уходя своими эоцентрическими корнями в даосизм, буддизм, индуизм, хрис-

тианский природный мистицизм, колдовство и языческое поклонение земле. Однако, мало кто из представителей “Прежде Земля!” становится радикальным экологом благодаря приобщению к этим традициям. Экологическое сознание, объединяющее членов “Прежде Земля!” начинает прорастать еще в повседневной жизни, задолго до ознакомления с этими религиозными традициями. Обычно будущие активисты движения открывают в религиозных традициях общие с их настроением нотки; так чаще всего все и начинается. Большинство участников “Прежде Земля!” являются первыми “родовыми” природными мистиками. Хотя они и ценят природные духовные традиции, лишь немногие отождествляют себя с какой-либо конкретной религиозной традицией.

Памятуя об этом, мы можем исследовать воздействие различных “природных” религиозных традиций на возникающую плюралистическую религию “Прежде Земля!”. Вероятно, наименее важным является христианский природный мистицизм. Два радикальных “экологических” христианина сказали мне, что они прерывают свое членство в “Прежде Земля!”, так как ее члены не хотят однозначно оценить тактику, сопряженную с риском для людей, и по причине анти-теистических позиций многих членов. Но я встречал также нескольких членов “Прежде Земля!”, считавших себя христианами. И тем не менее, общее настроение в рядах “Прежде Земля!” по отношению к христианству негативное; лишь однажды на их собрании я слышал, что христианство совместимо с серьезной экологией.

Немногие из них считают себя индуистами. Намного больше относят себя к неоязычеству, связанному с колдовством. Один такой язычник в своем выступлении на встрече в Вермонте в 1991 г., утверждал, что современные люди не могут больше воспринимать мир как нечто чарующее, потому что они забетонировали природу и заставили умолкнуть ее святые голоса. Он сказал, что представители “Прежде Земля!”

относятся к тем немногим, кто еще способен воспринимать святость Земли, добавив, что “Гномы, эльфы, феи, фавны, гоблины и великаны должны “пропитать” наш мир, изменив его изнутри. Эти природные духи разгуливают в человечесем обличии, поддерживая деревья и взрывая трактора, начиная революции и создавая религии”.

До начала 1990-х гг. важнейшим духовным пристанищем для активистов “Прежде Земля!” была духовность коренных американцев, и некоторые активисты переняли элементы этой духовности, став применять их как в своей жизни, так и на собраниях на лоне природы. Но к середине 1990-х, в результате усиления союза между коренными американскими активистами и членами “Прежде Земля!”, целью которого является защита областей, считающихся святыми обеими этими группами, открытое выражение такой духовности пошло на убыль, так как перенимание индейской духовной практики стало противоречивым.

Прежде я уже называл религиозное восприятие большинства активистов “Прежде Земля!” “первичной духовностью” и движение вообще “языческим экологизмом”. Эти названия отличают пантеистические и анимистические представления (в том числе шаманистические убеждения и убеждение в способности видов общаться между собой) многих активистов движения, а также их уверенность в том, что мы должны стараться подражать образу жизни большинства коренных народов. Многие из этих активистов называют себя язычниками, и верят в то, что они воссоздадут природную духовность, которая была насильно подавлена мировыми монотеистическими традициями. Другие заявляют о своей близости холистическим религиям Востока, согласно которым мир метафизически взаимосвязан и свят. В общем, эти активисты считают природный мир святым, особенно там, где он еще не тронут. Своей активностью, ритуализацией и усилиями по экологической “реставрации”, или, вернее, “воссозданию”, они почитают дикую природу и пытаются воссоздать ее там, где она была ос-

квернена. Члены “Прежде Земля!” часто называют себя членами племени, и многие серьезные экологи считают, что в среде коренных племен можно обрести основу для религии, философии и природосохранения, применимого для нашего общества. Более того, активисты “Прежде Земля!” признают важность ритуала для любого племенного “общества бойцов”. На своих собраниях, проводящихся на лоне природы, они иногда устраивают ритуалы войны или танцы “племенной целостности” и при этом могут выть по-волчьи. Различные животные служат в качестве тотемов, символизируя мистическое родство между племенем и другими существами.

Коренные американцы часто считают другие существа родственными “народами”, “ритуалами приобщения” расширяют сообщество тех, кто является объектами морального внимания. Некоторые активисты движения создали свой собственный подобный ритуал, называемый “Советом всех существ”, целью которого является развитие связи между людьми и другими существами и всей планетой. Также используются различные приемы, помогающие людям ощутить их “экологическое “я” – т. е. себя как часть жизни, и, следовательно, не выше других жизненных форм. Во время проведения этих ритуалов люди изображают из себя духов различных существ – животных, скал, рек – и выражают словесно те обиды, которые были им причинены людьми. Участвующие в этих обрядах провозглашают необходимость справедливого общества и гармоничных отношений между всеми элементами экосистем. “Экстатический ритуальный танец, празднующий единство всего сущего, может продолжаться всю ночь. Такие ритуалы усиливают восприятие того, что все в мире взаимосвязано и свято. “Совет всех существ” стал чем-то вроде обряда посвящения в рамках самого движения, или, по крайней мере, средством, способствующем сплочению представителей движения. В этом обряде рано или поздно принимают участие почти все члены “Прежде Земля!”.

Думая как горы

Один из главных мифов “Прежде Земля!” был заимствован из эссе Ольдо Леопольда “Думая как гора” 1949 г. Начинается это эссе с пантеистического утверждения о том, что горы, возможно, обладают знаниями, большими чем мы. Затем он рассказывает о своих чувствах, когда однажды он приблизился к застреленному им волку и увидел как “в его глазах потухает свирепый зеленый огонь”. “Я понял, – пишет Леопольд, – что в этих глазах есть что-то незнакомое для меня – то, о чем ведает лишь эта волчица и гора. Тогда я был молод... Я думал, что чем меньше будет волков, тем больше будет оленей, и что отсутствие волков означает охотничий рай. Но когда я увидел этот потухающий зеленый огонь, я понял, что ни волк, ни гора с таким взглядом не согласны”. Среди сторонников “Прежде Земля!” эта история обрела вид мифа, в котором волк общается с людьми, что подчеркивает межвидовое родство, (общение между животными и людьми является обычной темой в религиозных мифах коренных народов, и превращение животных в людей, и наоборот, часто оказываются задействованными шаманами). “Зеленый огонь” волчицы стал символом природной жизни. Вскоре после основания “Прежде Земля!”, некоторые его участники стали устраивать придорожные представления “зеленого огня”, которые по своей сути были встречами биоцентрического возрождения. Сид Клиффорд по кличке “Дакота”, своего рода конферансье этих встреч, называл их “эковангелизмом”. На этих собраниях “Одинокий волк” – Джессе Хардин – под звуки барабанов и гитар, рассказывал о мифической истории Леопольда, призывая участников открывать в себе зеленый огонь, и использовать эту силу в борьбе с разрушителями жизни. На этих собраниях персонифицированный волк призывает людей воздержаться от своих уничтожительных привычек и начать защищать Землю.

Активисты движения символически выражают свою связь с другими существа-

ми посредством песен, такой как “Я животное”, в которой Дана Лион утверждает свои чувства (распеваются эти песни в древних ритмах). Иногда на своих собраниях активисты движения в театральных представлениях повествуют о состоянии первичной невинности, когда люди жили в гармонии с природой, будучи простыми собирателями, перестав быть такими с появлением сельского хозяйства и антропоцентрических, патриархальных позиций, что и привело к нынешнему промышленному геноциду. Представление это обычно завершается настоящим шоу в котором армия “гаечного ключа” разбирает на части промышленную машину и возрождает останки животных, в том числе людей, к новой жизни природной гармонии и экстаза. Фактически все собрание начинается в экстазе танцевать, как это описывается в журнале “Прежде Земля!”: “под звуки барабанов танцуют обнаженные неандертальцы и дикие существа”. В этой же статье комментируются действия воинов племени после одного из таких собраний; “зеленый огонь по прежнему дик и свободен – мы опять рыщем по стране”. В этих песнях и представлениях чувствуется насколько важными для участников движения является исконная духовность, а также идея о том, что подлинная людская природа согласуется с дикой жизнью и защитой Земли.

Эпатаж, конечно, осуществляется не только в ритуальном танце. Эпатаж и гражданское неповиновение применяются в реальной жизни, правда и здесь они носят ритуальный характер. Многие активисты признают это. Дэйв Формэн, например, хотя и заявляет иногда о том, что он является атеистом, говорит об эпатаже как о ритуальном поклонении: “война гаечного ключа” это – своего рода поклонение земле. Делать так, значит поступать духовным образом”. Благодаря религиозным ритуалам, обычное время превращается в святое, меняется даже само сознание, и ритуалы “Прежде Земля!” не являются исключением. В книге, изданной австралийским активистом Джоном Сидом и другими “Думая как гора” (1988),

рассказывается о том, как нужно организовывать Совет всех существ. В ней же Грэхем Иннс описывает как “постепенное понимание неведомой ему до тех пор связи со всем миром” произошло в тот момент, когда он был зарыт по самую шею в землю, блокируя тем самым дорогу лесорубам. “Пульс Земли стал моим пульсом”, вспоминает он, и “мое тело стало средством ее выражения ... природа как бы овладела моим сознанием, чтобы посредством его самовыразиться”. О подобных чувствах рассказывали и многие другие активисты движения. (Например, несколько активистов, сидя на деревьях в качестве протеста также испытали нечто вроде общения с деревьями. Одна девушка сказала мне, что до того она была вегетарианкой. Но почувствовав, что дерево обладает сознанием, она поняла, что животные не превосходят растения.)

Джон Дэвис, редактор журнала “Прежде Земля!” на протяжении почти всех 1980-х гг., предложил, чтобы обряд, посвященный переходу в ранг взрослых, подразумевал прямое действие: “Обряды перевода в ранг взрослых очень важны для коренных культур ... Так почему бы не переиначить обряды посвящения и другие ритуалы в действия по экозащите? Юноши должны “зарабатывать” свой статус взрослого успешным совершением ритуальной охоты, как и в дни старины, но на нового рода добычу – бульдозеры и иную технику”. Это не просто риторика. Один активист придумал для своего сына особый обряд перехода в мир взрослых. Помимо прочего, сын должен был разобрать бульдозер.

Экофеминизм был другой силой, способствующей формированию духовности “Прежде Земля!”. Многие его идеи стали частью литургии движения. В песнях вроде “Время пожаров” и “Мужчины Мэнли” критикуется высокомерие мужчин и патриархальное господство, осуждаются гонения на ведьм и восхваляются различные языческие земные божки.

Экофеминизм и другие формы духовности тесно связаны с другим явлением – биорегионализмом. Биорегионализм является

контркультурным движением, предвидящем будущую гармоничную жизнь самостоятельных сообществ, живущих в пределах четких экосистем. Биорегионалисты критикуют промышленные общества и предпочитают экологически благоразумную экономику и децентрализованные политические структуры. В отношении присутствующей ценности и святой взаимосвязанности всей жизни биорегионалисты в общем придерживаются взглядов “Прежде Земля!”. В некоторых случаях, их духовность “привязана” к гипотезе Геи, согласно которой Земля является живым духом, самоуправляющимся организмом, названной так по имени богини Земли. Многие активисты “Прежде Земля!”, правда, считают, что для установления и процветания биорегионализма индустриальный мир должен пасть жертвой своего собственного неблагоразумия. Теория о том, что общество, способствующее экологической катастрофе, сеет зерна собственной гибели, является другой ключевой частью мифической структуры “Прежде Земля!”. Радикальность “Прежде Земля!” в основном объясняется именно этим апокалиптическим мировоззрением: промышленное общество уничтожит себя потому, что оно экологически несостоятельно. После периода страданий, эволюция, на основе уцелевшего генетического материала, должна возобновиться. Если люди также уцелеют, у них появится возможность восстановить племенной образ жизни, согласующийся с эволюционным будущим. Эдвард Эбби, роман которого “Банда гаечного ключа” помог сформировать движение, приводит типичный пример эсхатологии “Прежде Земля!”: “Неважно как называется общество; капиталистическим или коммунистическим, они делают одно и то же – уничтожают природу и себя. Я предсказываю, что военно-промышленные государства исчезнут с лица Земли в течение 50 лет. Вера в это лежит в основе моего оптимизма, является надеждой на предстоящее обновление цивилизации: человечество будет немногочисленным, и жить охотой, рыбной ловлей, собиратель-

ством, мелким фермерством и разведением скотины. Раз в году люди будут собираться на руинах брошенных городов для празднования морального, духовного, художественного и интеллектуального обновления. Для них природа станет не местом для развлечений, а домом”.

Поэтому, в то время как биорегионализм фокусируется на развитии моделей для будущего, многие активисты “Прежде Земля!” считают, что биорегионализм без предшествующего уничтожения промышленного общества невозможен. В силу этого, они придерживаются иных приоритетов, чем большинство биорегионалистов, отдавая приоритет экозащите на данный момент, ожидая в то же время этого самоуничтожения. Члены “Прежде Земля!” считают, что полноценная жизнь в промышленном обществе невозможна. Формэн критикует приоритеты тех биорегионалистов, которые “увлеклись компостированием туалетов, органических садов, “рукоделием” и безотходным производством”. Хотя “все это важно”, заключает Формэн, “биорегионализм – это не только техника, это восстановление святости Земли и самозащита”.

Об эсхатологии и стратегии “Прежде Земля!” можно судить по речам Формэна относительно биорегионализма. По его мнению, биорегионалисты должны перебраться в заповедные места. “Именно отсюда бойцовское общество “Прежде Земля!” проникает в биорегиональный мир. Поселяясь в таком месте, мы становимся этим местом. Мы часть его. Мы должны его защищать как самих себя. У нас есть план развития нашего региона, и мы его осуществляем. Если умирающая индустриальная империя попытается захватить наши святыне заповедники, мы будем сопротивляться насилию. Пока что она сильнее нас. Но используя партизанскую методику, мы можем способствовать тому, что она обратит сама на себя свою же мощь. Мы можем прибегать к саботажу, сопротивлению, судебным инстанциям, участвовать в акциях гражданского неповиновения. Нашей защитой является расстраивание этой махины

до тех пор, пока она не самоуничтожится. Это должно произойти. Затем начнется важная работа (а именно, строительство экологически разумного племенного общества)».

Разумеется, это не полный перечень задач и идей “Прежде Земля!”. Сюда можно отнести и определенные эгоцентрические и эволюционные предпосылки, идеи восточных религий и ряд других духовных концепций. Активисты движения часто разуме предпочитают интуиции и чувства: выражают свою любовь к диким местам и гнев при виде уничтожения природы. Традиция “Прежде Земля!” развилась на основе заимствования и создания удивительно разнообразия мифов, символов и ритуалов. Но от “разума” в “Прежде Земля!” не отказались: экологические науки и политический анализ очень важны для практики “Прежде Земля!”. Многие участники движения беспокоятся по поводу чрезмерного увлечения духовностью. В 1989 г. Джон Дэвис, который сам был ответственен за “муссирование” духовности и ритуала, предупредил: “Духовный подход к планете в наши дни становится объектом все большего внимания. Мы написали много статей на тему святых мест, ритуалов и тому подобного, но очень мало статей, посвященных конкретным диким землям. (Мы чуть не заменили название выпуска “Никакого компромисса в защите Матери-Земли” на “Все силы на духовность”). Но так не должно быть. Святые места, ритуал и личный рост очень важны... Однако, “Прежде Земля!” может лишиться эффективности, если мы будем способствовать этим вещам, забывая в то же время об испытанной практике представления предложений по дикой природе и другой деятельности, связанной в основном с левым полушарием наших мозгов”.

Три столпа этики “Прежде Земля!”

До сих пор мы фокусировались в основном на религиозном восприятии, лежащем в основе моральных положений, отстаива-

емых “Прежде Земля!”, т. е., на том, что все части мира присуще ценны и святая природа должна иметь возможность осуществлять свое эволюционное предназначение. Это составляет первый столп этики “Прежде Земля!”. Но этика этого движения зависит также и от двух других положений, на этот раз эмпирических, первое из которых основано на экологических науках, а второе – на политическом анализе.

Отталкиваясь от своего понимания экологических наук, активисты движения выдвигают также и экологическую посылку, согласно которой мы живем во времена беспрецедентного кризиса антропогенного происхождения, вызванного, в основном, чрезмерным числом людей, алчностью и активным потреблением; вследствие этого многие экосистемы оказались на грани уничтожения. Это – второй столп этики “Прежде Земля!”, без которого у движения нет в общем-то убедительности – у людей с экологическим моральным видением без этого не возникает желания рисковать своей свободой или личной жизнью. Если быть точнее, такой экологический анализ указывает на широкую пропасть между фактом и ценностью, между тем, что имеется, и тем, что должно быть: экосистемы, которые должны процветать, уничтожаются людьми. Это подводит нас к области политики, необходимой арены, где следует решать вопросы того, как надо преодолевать пропасть между тем, что “имеется” в отношениях между человеком и природой и тем, что “должно быть”.

Политический анализ и призыв к сопротивлению

Экологические моральные представления в сочетании с экологической ментальностью не вызывают сами по себе специфических политических стратегий или тактик. Для обоснования таких стратегий нужно провести политический анализ. В основе политического обвинения “Прежде Земля!” лежит утверждение о том, что демократия в США является симуляцией, полно-

стью регулируемой корпоративной антиэкологической силой; или, если она и не совершенная симуляция, то она настолько извращена экономикой и агрессивностью человеческих позиций, что не может реагировать достаточно быстро на угрозу уничтожения планеты. Более того, представители “Прежде Земля!” утверждают, что в свете присущей ценности природы господствующие ныне процессы, которые “пренебрегают” интересами других существ, являются незаконными.

Многие активисты “Прежде Земля!” к этой критике добавляют экофеминистское утверждение о том, что антропоцентризм и патриархат играют важную роль в экологическом уничтожении. Многие соглашались с тем, что человеческая иерархия также является ключевым фактором. Однако, мало кто из членов “Прежде Земля!” считает, что антропоцентризм или иерархия – единственные объяснения ухудшения окружающей среды. Тем не менее, фактически все члены движения полагают, что иерархия, антропоцентризм и патриархат причастны к уничтожению природы. Большинство членов “Прежде Земля!” уверены в том, что, если люди хотят жить с природой в гармонии, то они должны покончить с этими видами доминирования.

Такой политический анализ является третьим столпом радикализма “Прежде Земля!”. Без него в формально демократическом обществе трудно доказать моральную допустимость незаконной тактики. Утверждая то, что демократии, по сути, не существует, или что она маскирует господствующие структуры, эти активисты оправдывают свою нелегальную тактику.

Сведенные воедино, эти положения свидетельствуют о том, что нынешняя ситуация – морально, экологически и политически – настолько серьезна, что тактика, обычно считавшаяся неправильной, должна стать обязательной. Такой анализ, в свою очередь, способствует тактике, отражающей эти три положения. Некоторые активисты движения хотят изменить антропоцентрическое отношение людей с помощью

развития ритуальных процессов, которые, по их мнению, должны возродить в людях природную духовность. Другие делают упор на использовании научного знания, утверждая биологическое разнообразие на политической и законодательной аренах. Третьи во главу угла ставят агрессивные политические действия, чтобы напрямую сопротивляться губительной деятельности промышленного мира и вещать об экологической несправедливости. Иные, особенно те, кто находится под влиянием анархических идей, выдвигают теорию “революционной экологии”, подчеркивая тем самым свое желание уничтожить то, что они считают присуще уничтожительным, капиталистическо-промышленным государством.

Раскол и фракционность

Различия в приоритетах и тактиках, наряду с имеющими к ним отношение идеологическим и культурным различиями, стали причиной многих разногласий в самом движении. В 1990 г. это привело к тому, что многие видные активисты движения порвали с ним. Дэйв Формэн и Джон Дэвис ушли из журнала “Прежде Земля!” и начали публиковаться в “Дикая Земля” в 1991 г. Вместе с биологом Ридом Нессом, они основали Проект Диких Земель, который должен был способствовать делу сохранения дикой природы в Америке, используя при этом здравую экологическую науку.

В начале 1990-х среди участников “Прежде Земля!” словесные баталии продолжались, не затихая. В это же время, многие активисты все меньше времени проводили в организации акций гражданского неповиновения и эпатажа, и все больше занимались “бумажной” работой – “наблюдением” за планами лесозаготовщиков, научными обзорами, касающимися тех или иных видов, нанесением на компьютер границ среды обитания, необходимой для выживания исчезающего вида, и при наличии финансов – судебными процессами. Один активист признался, что время просиживания перед бульдозерами прошло.

Различия между активистами движения вызваны теми же самыми противоречиями, которые поглощали большую часть их времени в первые 15 лет активности “Прежде Земля!”: зависит ли экологическое возрождение от анархического биорегионализма, или мы должны быть более прагматичными, допуская существование государств, сопротивляясь в то же время их разрушительной деятельности? Является ли антикультурная и духовная реформация всего общества важнейшим делом и нашей единственной надеждой, или она – выражение духовности, противоречащей целям движения? Будет ли резкое уменьшение численности людей той ужасной необходимостью, без которой восстановление эволюции невозможно? Эффективен ли экотаж? Должны ли активисты движения действовать с помощью гражданского неповиновения или с помощью тактики “гаечного ключа”? И должен ли экотаж быть на виду или наоборот, тайным? И, наконец, не утихают прения по поводу того, может ли насилие против человека быть законной тактикой, и следует ли эту тему обсуждать в журналах движения.

Несмотря на такую несогласованность, у радикальных экологов есть больше общего, чем различий. Их всех вдохновляет глубоко духовный эгоцентризм и они обычно разделяют уважение к мифам, символам и ритуалам возникающего мировоззрения глубинной экологии. Они критично относятся к выражаемому желанию “системы” отреагировать на углубляющийся кризис. Они все поддерживают незаконные действия, по крайней мере тогда, когда считают это необходимым для защиты биоразнообразия. Более того, большинство верит в то, что борьбу за биоразнообразие следует вести на трех фронтах, соответствующих этим этическим столпам: 1) способствование духовному пробуждению, 2) экологическое объяснение биокризиса и требование “соблюдать здоровье экосистемы” и 3) фундаментальные политические перемены. Несмотря на глубокие различия в отношении стратегических приоритетов, большинство участников “Прежде Земля!” уважают работу тех, кто придерживается иных приоритетов.

“О, какой великой и божественно ограничивающей является мудрость стен. Эта Зеленая

Стена представляет собой, я полагаю, величайшее из когда-либо придуманных изобретений. Человек перестал быть диким животным в тот день, когда он построил первую стену; человек перестал быть диким человеком только в тот день, когда была завершена Зеленая Стена, когда этой стеной мы изолировали наш машиноподобный совершенный мир от иррационального уродливого мира деревьев, птиц и зверей”.

Написанный в 1920 году роман Евгения Замятина “Мы”, процитированный выше,

Убийство дикой природы

Вейланд Дрю

никогда не публиковался на родине автора, потому что советские власти довольно правильно

рассматривали его как подрывной и опасный. Он описывает совершенную, созданную человеком окружающую среду, холодную, регламентированную, саморегулирующуюся утопию, где граждане или Номера полностью счастливы. Страсти, экстаз, ярость, агония, героизм и честь – все эти крайности, с помощью которых человечество когда-то признавало и увеличивало свое животное наследие, были систематически сведены к повсеместному Благу. За счастье граждане Замятина радостно отдали свою свободу. Они твердо знают, что Государство удовлетворит любую их потребность, потому что Государство устранил потребности, которые оно не может удовлетворить.

Опубликовано: Drew W. Killing Wilderness. - Ontario Naturalist. 1972. September. Сокращ. перевод А. Елагина.

“Мы” – это первый из трех великих романов-антиутопий, которые вышли на английском языке за последние полстолетия. Как “О дивный новый мир” Хаксли, так и “1984” Оруэлла обязаны ему, хотя все три эти книги относятся к общей либертарианской традиции, которая простирается дальше Руссо и романтических поэтов, традиции, восхваляющей природное наследие человека перед лицом посягательств механицизма. В частности, эти романы говорят, что технологическое общество будет тоталитарным вне зависимости от того, какие политические структуры делают возможным его развитие, потому что сущностью техники является эффективность, а автономный индивидуум, способный быть скептическим, иррациональным и непокорным, неэффективен. Поэтому для общего блага опасные элементы индивидуальности должны быть подавлены, и человек должен быть отделен от всех духовных, интеллектуальных и эмоциональных влияний, которые могли бы способствовать несогласию. Целостность человека должна быть разрушена. Он должен быть фрагментирован и реформирован, чтобы довольно участвовать в гладком функционировании технологического Государства – Государства, которое является фундаментально враждебным для его инстинкта и оскорбительным для его интеллекта. Другими словами, природа человека должна быть изменена.

Главные герои всех трех романов подвергаются этому изменению, и эотя техники варьируются, они являются одинаково безжалостными. Вопрос никогда не вызывает сомнений. “Разум, – говорит герой Замятина, когда ожидает лоботомии, – должен восторжествовать”. Поскольку все это – видения совершенно рациональных Государств, понятно, что для романиста свобода состоит по большей части в иррациональности и в праве отвергать угнетающие, но разумные варианты. Некоторые люди в “Мы” сохранили это право. Это те, кто живет в дикой местности снаружи Зеленой Стены. Жители государства, которые знают об их существовании, очень боятся,

потому что они представляют собой радикальную, примитивную, жизнеспособную альтернативу этике однородности. Фактически сама дикая природа предлагает себя в качестве альтернативы. Обширная и беспокойная, она постоянно наводняет стерильный сконструированный мир напоминанием о своем присутствии: “из каких-то неведомых равнин ветер доносит до нас пожелтевшую медовую пыльцу цветов. Губы пересыхают от этой сладкой пыли. (Это) несколько беспокоит мое логическое мышление”. В своих тайне и разнообразии, в своих изобилии, распаде и плодовитости совершенство дикой природы противопоставит бесплодному и статичному совершенству Государства. Разница между ними – это разница между существованием и жизнью, между предсказуемостью и случайностью, между положением и действием. Дикая природа, говорит Замятин, будет угрожать тоталитарному государству.

Замятин знал довольно много о покорении природы, потому что он был цивилизованным человеком. Но для русской литературы пятьдесят лет тому назад полное технологическое разрушение дикого и свободного было непостижимым. Поэтому он предполагал, что контроль Государства будет продвигаться в основном на одном фронте, в направлении подчинения, ломки и переделывания индивидуума. Хаксли сделал то же самое предположение, но интересно отметить, что в его романе дикая природа была резко уменьшена, до такой степени, когда Зеленые Стены более не были необходимы. “Любовь к природе, – говорит Директор по Садикам и Воспитанию, – не дает работы фабрикам... Мы учим массы ненавидеть природу... но в то же время мы учим их любить все виды спорта на открытом воздухе. В то же самое время мы предвидим, что все виды спорта повлекут за собой использование сложных гимнастических снарядов. Поэтому они будут потреблять изготовленные товары, а также транспорт”.

В ужасающем видении Джорджа Оруэлла, написанном шестнадцатью годами

спустя, человек был отделен от ткани природы. Остаются парки, где граждане могут совершать коллективные походы под наблюдением, и немногочисленные уголки дикой земли, по-прежнему предлагавшие уединение. В одном из этих удаленных уголков, напоминающем о Золотой Стране его грез, Уинстон Смит впервые предается незаконной любви с Юлией. “Это был, – говорит нам Оруэлл, – политический акт”, потому что он был инстинктивным и поэтому подрывным. В других местах остаются только воспоминания и усеченные страсти и безнадежные атавизмы, которые все могут быть легко искоренены или изменены человеческой технологией. “Если вы хотите картину будущего, – говорит О’Брайен, Полисмен Мысли, – представьте себе сапог, наступающий на человеческое лицо – навсегда”. В контексте “1984” он абсолютно прав, выхода нет.

Видение будущего Хаксли, видение, которому в этом году исполняется сорок лет, ближе всего к теперешней правде, потому что мы фактически вышли за пределы необходимости в Зеленой Стене Замятина, но мы еще не реализовали кошмар Оруэлла. Мы находимся на том этапе, когда, цитируя одного из Контролеров из романа Хаксли, “Люди счастливы. Они получают то, чего хотят, и они никогда не хотят того, чего они не могут получить... они так привыкли, что они практически не могут не вести себя так, как им следует себя вести”. Что касается дикой природы, она рассматривается как архаичный, анархичный сумбур. Когда ее мистика испарилась, то ее измеримые компоненты, такие как вода, кислород, минералы, древесина, пространство, оказываются открытыми для служения технократии.

Технократия действует, как предсказывал Хаксли, тонко и рафинированно. Ее труды старательно отслеживались Жаком Эллюлем и Гербертом Маркузе. Ее динамика направлена ни более, ни менее на такую цель, как стерилизацию природного мира и замена его полной предсказуемостью. Когда понимаем, что оказались в ее

тисках, оставшаяся дикая природа приобретает поразительную важность, потому что это единственный указатель, которым мы можем измерить степень своего собственного подчинения неестественным силам. Когда дикая природа будет поглощена, наше понимание того, что является естественным, может быть изменено так, как это требуется, и ни одна грань человеческой психики или биологии не останется неуязвимой для пересмотра. Разум и только Разум восторжествует.

Южноафриканский романист Лоуренс ван дер Пост недавно сжато изложил задачу: “Отказаться следует не от разума, – сказал он, – но от тирании разума”. Но для современного экзистенциального городского человека, постоянно осаждаемого новшествами, отвлекающими факторами и поверхностными конфликтующими мнениями, такое утверждение уже бессмысленно. Что такое разум, если не консенсус? И как может существовать какая-то тирания при такой широте выбора, таком беспрецедентном процветании и масштабе для самовыражения? Для миллионов таких людей рациональное обоснование технократии стало абсолютным, и высочайшее использование разума состоит в поддержании своего положения в ней. Точнее говоря, их жизни полны проблем и дилемм, но ни одна из них не является неразрешимой с точки зрения искусственной окружающей среды, окружающей среды, достаточно эластичной для того, чтобы десублимировать подавленные инстинкты безвредными способами. Промискуитет, наркотики и алкоголь, азартные игры, кино и телевидение, насилие и воинственность в спорте и играх, все это таким образом принимается на службу Государству. Они отвлекают и очищают одновременно, также как и дебаты, порождаемые их присутствием, таким образом затемняя критику самой технократии. В то же время Разум технократии становится сильнее в результате самоутверждения, потому что легко показать, что технологические проблемы требуют технологических решений. Повсюду мы восходим к технократи-

ческому афоризму о том, что то, что неизвестно экспертам, не может быть известно.

Только в дикой природе возможно избежать этой тирании. В дикой природе мужчина или женщина физически оставлены вне среды воспитания – вездесущей общительности, бесконечной “информации” от средств массовой информации и так далее. До какой-то степени путешественник по дикой природе вспомнит о своей животной родне и снова разделит глубокую правильность деревьев, озер, птиц и зверей. Для городского человека это может быть ниспровергающим опытом. Некоторые могут жестоко отреагировать в попытке унизить достоинство или разрушить источник их потрясений и подчинить древние ужасы. Но даже на самом поверхностном уровне дикая природа укрепляет независимость, потому что человек, который освобожден от регламентации и обнаруживает, что он может идти куда ему угодно в любое время, вспоминает о базовых природных правах. Если он преуспел в формулировании идеи права, тогда в небольшом, но значительном отношении он станет критиком технологического ограничения. Существует фундаментальное различие между этой природной свободой и наиболее популярным достижением технократии: способностью путешествовать на тысячи миль в регулируемой атмосфере, ни разу не почувствовав дождя или солнца, никогда не пробуя чистой воды, не услышав природного звука и не вдохнув некондиционированного воздуха. Путешественник по дикой природе способен оказаться в радикальном положении, потому что он зашел дальше “разумных” аргументов против частного транспорта или о том, способны мы или нет массово производить безопасный автомобиль. Он обошел массу альтернатив, которые ставятся допущениями технологического общества и мельком увидел возможность, о которой его общество говорит ему, что она является реакционной, архаичной и невозможной, но которая, как говорят ему его тело и его дух, является абсолютно правильной. Он позиционирует себя так, чтобы пробить

брешь в Разуме своего общества, перепрыгнуть Зеленую Стену и подтвердить, что там есть нечто лучшее, чем быть одурманенным и удовлетворенным утопистом.

Человек из плоти и костей может поддерживать физическое и умственное здоровье только в той степени, в которой он может поддерживать непосредственный контакт с определенным видом реальности, не очень отличающейся от условий, при которых он эволюционировал.

Как предвидели авторы романов-антиутопий, сила, стремящаяся к полному контролю, должна вначале запутать наши унаследованные биологические указатели, которые говорят нам о том, какие типы поведения и какие формы окружающей среды согласуются с достоинством и выживанием человеческого животного. Природоохранники, которые сейчас противостоят этой силе, признают, что подлинное проявление разума включает защиту инстинктивного и иррационального, как внутри человека, так и в том, что остается от природного мира. Такие люди видят в вопросе заповедания дикой природы шанс отвергнуть то, что подчиняет и принижает их как индивидуумов. Они, в сущности, говорят, что предпочитают свободу счастью даже сейчас. Подобно Дикарю в романе “О дивный новый мир”, они отвергают суррогаты и дерзко претендуют на право на Бога, на поэзию, на реальную опасность, на свободу, на благо, на грех.

“Фактически, – сказал Мустафа Монд, – вы претендуете на право быть несчастливym... Не говоря уже на право стареть и становиться уродливым и бессильным; право болеть сифилисом и раком; право жить в постоянном опасении того, что может случиться завтра; право подхватить тиф; право испытывать невыразимые боли любого вида”.

Наступила долгая тишина. “Я претендую на все это”, – сказал Дикарь наконец”. Но одно дело достичь такого восприятия, и совсем другое – знать, как действовать в соответствии с ним. Полет все еще возможен для нас, также как для граждан Хакс-

ли, но большинство было отучено от необходимой решительности и храбрости. Кроме того, при современном темпе технологической экспансии, бегство может быть только относительным и временным.

Защита окружающей среды внутри общества кажется подающей большую надежду. Традиционно охрана природы выбирала цели, не являющиеся несовместимыми с целями общества в целом – полоска болотистой земли, роща, песчаная коса, стратегический водораздел, конкретный вид находящейся в опасности птицы – такие заботы совпадают с фрагментирующим процессом технологии и не угрожают серьезно ее прогрессу. Фактически, чем сильнее становилась охрана природы, тем сильнее она подхлестывала изощренные человеческие технологии управления, связанные с использованием земли, и недавнее расширение ее видения до включения самой Земли просто склонно усиливать очевидную потребность более плотного, глобального, технократического контроля. Угрозе распада в экологических системах можно “реалистически” противостоять, только призывая либо к тотальному менеджменту или к замене этих систем. “Космический корабль Земля”, современная расхожая фраза среди защитников окружающей среды, указывает на их кооптацию техническим рациональным обоснованием, потому что космический корабль абсолютен в техническом совершенстве. В его работе нет места иррациональному и ничто не оставляется на волю случая. Выживание тех, кто населяет его, зависит от их раболепия перед техническим прогрессом и, следовательно, – от их самоуничтожения как людей.

Каковы правильные отношения человека с остальной природой? Технолог имеет один ответ, защитник дикой природы – другой. На протяжении 99 процентов из двух миллионов лет на земле, культурный человек жил как кочевой охотник-собиратель. Именно об этом образе жизни, наиболее успешном и долговечном из когда-либо достигавшихся человеком, напоминает нам дикая природа. Мы узнали, что он не обя-

зательно был таким грязным, грубым и недалеким, как мы предполагали, и все же наш интерес к нему неизбежно принимает форму ностальгии о чем-то невозвратно потерянном. Никто не защищает возврата к “примитивному”. С точки зрения господствующего Разума абсурдно – почти буквально невысказано – рассматривать это иначе как часть антропологического упражнения. Сделать это, кажется, означает отрицать историю. Любой политик, предлагающий серьезную переоценку примитивного, был бы осмеян как эксцентричный, и ни один ученый не предложил бы постулирование этого как легитимную цель научного предприятия. Почти все философские и культурные традиции выступают против этого. Ни один физик не смог бы ни на мгновение задуматься над этим и сами демографические исследования, ставшие возможными благодаря возросшему контролю за смертью, указывают на утрату ею своей роли как в природе, так и в человеческом мышлении.

Цивилизация восторжествовала. И все же это не так. Экологически наша цивилизация является такой же бездумной, как рак, и мы все знаем, что она разрушит саму себя, разрушив своего хозяина. Ирония в том, что любые остатки человечества, которые переживут апофеоз цивилизации, будут возвращены генетически искаженными к тому состоянию, которое мы считали презренным. Если человек не выживет, “межпланетные археологи будущего классифицируют нашу планету, как планету, на которой за очень длительным и стабильным периодом мелкомасштабной охоты и собирательства последовал, очевидно, мгновенный расцвет технологии и общества, быстро ведущий к вымиранию. “Стратиграфически”, появление сельского хозяйства и термоядерного разрушения покажется, в сущности, одновременным”.

Разум, отделенный от инстинкта, является монстром. Поэтому утверждением интеллекта, а не его отменой, будет защищать как жизнеспособное развитие из цивилизации образа жизни, в котором, как инстинк-

ты, так и интеллект расцветут свободно; и в то время как дикая природа по-прежнему способна указать человеку его надлежащее место и поведение, именно узкий, высокомерный, самоубийственный и тираничный Разум, не желает ее слушать.

Как цивилизованные люди, сторонники заповедания дикой природы неохотно признавали это. Вместе с преимуществами продвинутого технологического общества они разделяют заблуждение бесконечной экспансии, или производят такое впечатлительное. Радикальная децентрализация для них представляет собой слишком анархистское и слишком негативное предложение, чтобы они его выдвигали. Везде, где это возможно, они стремятся к позитивным политическим решениям, позволяя себе таким образом вступить в диалектический процесс, с помощью которого формулируются рациональные “концепции” дикой природы, и сама дикая природа в мыслях ограничивается. Если бы они признали, что политика в рабстве у технократии, то уныло сказали бы, что они по крайней мере “покупают время”. Но в то время, пока они ведут дебаты, дикая природа сокращается; когда они добиваются компромиссов, дикая природа фрагментируется. Поддержать любое проецирование “будущих потребностей общества”, означает поддержать динамику роста, в которой укоренена технология, если уже не произошел радикальный сдвиг к экономике стабильного состояния. При теперешнем темпе расширения, технологические требования к окружающей среде будут умножены на коэффициент тридцать два к 2040 году в пределах срока жизни, живущих сейчас детей. Это безумное проецирование. Задолго до этого мы либо получим пошедшую ко дну цивилизацию, либо создадим реальность из кошмара Оруэлла. Такие слова как “индивидуальный” и “дикая природа” будут давно уже оторваны от своих семантических якорей.

Смена определений уже началась. Это столетие видело инсинуацию термина “парк дикой природы” технократической бюрократией и его охотное принятие природо-

охранниками. В этом маневре Государство ловко подрубило вопрос, поднятый дикой природой, и свело все вопросы дикой природы к статусу техник менеджмента. Когда принцип менеджмента будет признан каждым, тогда сдерживание дикой природы будет практически завершено. Будут продолжаться дискуссии, конечно, но это будут дискуссии среди зрителей и садовников. Фраза “парк дикой природы” не может более рассматриваться как терминологическое противоречие, потому что то, что лежит внутри границ таких парков, будет дикой природой по определению, и оно останется таким, каким бы дальнейшим технологическим изнасилованиям она не подвергалась. Отели в дикой природе, железные дороги и аэропорты в дикой природе, театры и торговые площади в дикой природе – в конце концов все это можно сделать имеющим смысл, потому что не останется основания для сравнения. “Разве вы не видите, – спрашивает один из коллег Уинстона Смита в “1984”, – что вся цель “Ньюспик” состоит в том, чтобы сузить диапазон мысли?” Если Государство сохранит природные области, это станут области психологического очищения для тех атавистических граждан, которым по-прежнему требуется такое лечение, но эти резервации будут парками, а не областями дикой природы.

Пока мы способны это сделать, давайте отметим это различие. Парк представляет собой единицу менеджмента, определяемую с количественных и прагматических позиций. Дикая природа не измерима количественно. Ее границы туманны или не существуют, ее содержание неизвестно, ее жители неуловимы. Целью парков является использование, отличительным признаком дикой природы является тайна. Поскольку они служат технологии, парки склонны к предсказуемости и статике, но дикая природа непрерывно развивается и изменяется, потому что это матрица самой жизни. Когда мы создаем парки, мы покоряемся возросшей бюрократии и надзору, но когда мы выступаем за дикую природу, мы

признаем наше право на меньшее количество структур и большую свободу. Регулируемые и многолюдные парки, в конце концов, фрагментируют нас также, как они фрагментируют дикую природу, которая делает нас цельными.

Только когда дикая природа может быть ограничена в мыслях, она может быть сдержана, сокращена и трансформирована на практике. Если горизонты разума так сужены, что исключают радикально простые альтернативы, то это сдерживание может быть завершено. На мгновение дикая природа ставит свой безмолвный, провокаци-

онный вопрос. Мы можем избежать этого вопроса. Мы можем стереть его. И можем легко, очень легко потерять его в трясине технологический сокращений и замен. Если мы будем продолжать действовать, основываясь на целесообразности, мы в какой-то момент окажемся похожими на потерявшего свои корни Уинстона Смита, слушая его печальную песню: “Под раскинувшемся каштановым деревом я продал тебя, а ты продал меня...” В этот момент наша идея дикой природы будет не более, чем мечтой о Золотой Стране, стране, утраченной навсегда.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Жанна Томпсон

Аргументы в пользу заповедания природных объектов и видов окружающей среды иногда апеллируют к ценности этих объектов как культурного наследия. Может ли что-либо быть ценным из-за его связи с историческим прошлым? Я исследую и оцениваю аргументы в пользу заповедания, основанные на историческом наследии и защищаю тезис о том, что мы имеем обязательство оценивать то, что ценили наши предшественники, и ценить те вещи, которые сыграли важную роль в нашей истории. Я показываю, как эта концепция наших обязательств может использоваться чтобы защищать заповедание природных объектов и видов окружающей среды, включая области дикой природы.

1. Введение

Доводы в пользу охраны природы и доводы в пользу охраны природного наследия часто считаются не имеющими много общего друг с другом. Наследие общепринято считается связанным с человеческими искусственными изделиями, которые це-

няются по историческим причинам, в то время как природа ценится за ее вклад в человеческое благополучие и выживание или согласно экоцентрическим защитникам окружающей среды, из-за того, чем она является сама по себе. Большинство дискуссий в философской литературе концентрируются на том или другом из этих оснований. Даже те, кто апеллирует к разного рода доводам – например, к эстетическим или терапевтическим ценностям, обнаруживаемым в природе – не часто рассматривают исторические ассоциации как имеющие отношение к суждениям о ценности.¹

Однако среди оснований, которые люди

¹ Однако ссылки на историческую ценность все же фигурируют в некоторых соглашениях о защите дикой природы. Например, Закон о дикой природе США 1964 года ссылается на историческую ценность, которую может иметь область дикой природы. Что-то может считаться мировым наследием либо по историческим, либо по экологическим причинам и многие области защищенные таким образом – такие как национальный парк Какаду в северной части Австралии – имеют этот статус, потому что они являются значительными, как из-за своих природных качеств, так и из-за их ассоциации с туземными народами и их культурой.

часто приводят для того чтобы сохранять или ценить природные достопримечательности или окружающую среду находится утверждение о том, что эти вещи представляют собой часть их наследия. Вот некоторые из примеров, некоторые воображаемые, но основанные на реальных случаях. Они иллюстрируют различные формы, которые может принимать апеллирование к окружающей среде как к наследию.

Достопримечательность. В середине пригородной местности находится большое старое дерево. Оно было посажено одним из ранних поселенцев и с течением лет стало достопримечательностью для людей в этом сообществе. На протяжении поколений дети играли под его ветвями и соседи договаривались “встретиться возле дерева”. На протяжении поколений люди добросовестно защищали его от ветра, засухи и болезни. Одна из его ветвей сейчас поддерживается металлическими распорками. Городской совет хочет построить новую дорогу, и дерево находится на ее пути, но местное население возражает против его устранения. Они говорят, что старое дерево представляет собой часть их наследия, и заслуживает заповедания по этой причине.

Дерево ценится из-за своих исторических ассоциаций с сообществом – а не из-за своей красоты или редкости. Другие природные объекты или ландшафты ценятся, потому что они традиционно прославлялись как вдохновляющие или красивые.

Живописные ландшафты. Живописное речное ущелье, с его водопадами, отвесными известняковыми утесами и бурной водой со времен первых поселенцев признавались как место внушающей благоговение красоты. Оно фигурирует в легендах туземных народов региона. Оно было описано ранними исследователями и на протяжении поколений изображалось художниками, прославлялось писателями и посещалось туристами. Некоторые из его изображений стали известными и знакомы каждому в этой стране. Ради жизнеспособности местного сельского хозяйства существуют планы построить дамбу, которая за-

топит ущелье. Многих людей ужасает эта перспектива. Они думают, что ущелье должно быть сохранено не только из-за своей красоты, но и как часть их регионального и национального наследия.

Природные объекты или виды окружающей среды могут также цениться в качестве наследия из-за своей ассоциации с историческими событиями или традициями.

Символическая окружающая среда. Первому национальному парку, который был провозглашен в моей стране*, сейчас угрожает коммерческая застройка. Защитники парка утверждают, помимо всего прочего, что он имеет особое значение из-за своей истории. Он представляет собой символ движения национальных парков и борьбы основателей этого движения за то, чтобы их идеалы были признаны и реализованы.

Коммерциализация парка, утверждают защитники, противоречит намерениям этих основателей и является осквернением символа движения, которое занимает особое место в нашей истории.

Природные объекты или виды окружающей среды могут даже цениться как наследие из-за их формирующего влияния на развитие сообщества или страны.

Историческая область дикой природы. Когда первооткрыватели впервые достигли моей части Австралии, они встретили лес самшита и железнокоркового эвкалипта. Эта страна уже была домом туземного народа, культура и религия которого были неразрывно связаны с характеристиками окружающей среды. Новые поселенцы боролись с этой суровой, сухой страной. Она стала частью их историй и легенд – появлялась в мифах, записях и литературе, которые сейчас считаются частью национальной культуры. Она формировала их и их образ жизни и оставила долговечный отпечаток на их характере. Сейчас от этих лесов осталось только несколько остатков, и те, кто хочет сохранить их, утверждают, помимо всего прочего, что формирующее вли-

* Австралия – *ред.*

яние, которое они оказали на нашу культуру и характер, сделало их важной частью нашего регионального и национального наследия.

Идея о том, что дикая природа представляет собой часть национального наследия, ключ к пониманию истории и характера народа, является также общей темой в североамериканских произведениях. “Дикая природа, – говорит Родерик Нэш, – была базовым ингредиентом американской цивилизации”.² Олдо Леопольд указывает, что многие атрибуты, отличающие Америку и американцев, объясняются их исторической связью с дикой природой. “Если американцы считают желательным сохранять свои традиционные институты, – спрашивает он, – тогда почему также не дикую природу?”² Следует отметить, что дикая природа представляет собой наследие в этом смысле, не потому что ее любили и ценили наши предки, но из-за ее влияния на характер людей нации. “На протяжении большей части своей истории, – продолжает Нэш, – американцы рассматривали дикую природу как моральную и физическую пустошь, пригодную только для завоевания и улучшения во имя прогресса, цивилизации и христианства”.²

Хотя апеллирование к наследию в природных объектах и окружающей среде является обычным, оно мало обсуждалось философами. Некоторые защитники окружающей среды критично относятся к такому апеллированию, потому что оно является, в сущности, сконцентрированным на человеке. Достопримечательность или окружающая среда ценятся из-за их человеческих ассоциаций, а не потому, что они являются ценными сами по себе. Однако даже экоцентрические защитники окружающей среды имеют прагматические основания для того чтобы использовать другие виды аргументов, и те защитники окружающей среды, которые меньше убеждены в ценности или значимости экоцентрических позиций, должны приветствовать другие способы

приводить доводы в пользу ценности природы для человеческих существ. Одна из проблем сконцентрированной на людях защиты окружающей среды состоит в том, что виды окружающей среды и природные объекты, которые многие люди хотят сохранить, не всегда являются существенно важными для человеческого выживания или здоровья. Кажется, что существует пробел между нашим желанием заповедать и тем, что может быть защищено сконцентрированными на людях аргументами. Аргументы, которые апеллируют к ценности наследия, могли бы помочь в заполнении этого пробела.

В этой работе я исследую такое апеллирование. Во-первых, я рассматриваю некоторые аргументы, которые могут быть приведены в пользу сохранения культурного наследия, а затем я рассматриваю, как они могли бы быть приспособлены и применены к природным объектам и окружающей среде – в частности, к тем видам окружающей среды, сохранением которых наиболее озабочены защитники окружающей среды. Поскольку нечто может рассматриваться как часть нашего культурного наследия по многим различным причинам – как иллюстрируют приведенные выше примеры – то может не существовать единого аргумента, способного обосновать все апелляции к наследию. Я пытаюсь показать, что конкретный подход – подход, который апеллирует к обязательствам, которые мы имеем в отношении наших предшественников – обеспечивает способ понимания и оправдания многих апелляций к сохранению окружающей среды как наследия.³

2. Зачем сохранять наследие?

Нечто может считаться принадлежащим к культурному наследию, если оно сыграло

² Р. Нэш, “Дикая природа и американский разум”.

³ Мое объяснение и защита наследия принимают точку зрения людей из европейской культуры. Туземные народы ценят свое наследие и имеют свои собственные основания желать его заповедания. Я не считаю себя имеющей знания или авторитет, чтобы обсуждать их точки зрения.

роль в жизни сообщества людей на протяжении ряда поколений, и фигурирует в мемуарах, записях, традициях своего народа (как в случае с достопримечательностью), будучи ценимой людьми прошлого (живописный ландшафт), сыграв роль в истории или ассоциируясь с историческими движениями или важными людьми прошлого (символическая окружающая среда), или оказав формирующее влияние на членов сообщества (историческая область дикой природы) и, без сомнения, по ряду других причин. Наследие может включать традиции и обычаи, а также объекты и окружающую среду. Семьи могут иметь наследие – объекты или обычаи, которые ценятся, из-за ассоциации с членами семьи в прошлом – а также окрестности, клубы, профессиональные ассоциации, университеты, нации, государства и другие ассоциации и даже человечество как целое. Вещи, которые могут описываться как наследие, так разнообразны и обильны, что может показаться, что спрос на заповедание, основывающееся на “ценностях наследия”, не должен быть очень массовым. Опыт показывает, что эта точка зрения неверна. В кампаниях за заповедание наследия люди обычно не испытывают трудностей в том, чтобы определить свои приоритеты и решить, какие объекты или виды окружающей среды имеют большую ценность в качестве наследия. Количество времени, в которое достопримечательность была частью жизни сообщества, имеет значение, также как и роль, которую объект сыграл в жизни или истории сообщества. Некоторые пейзажи вызывали большее восхищение, некоторые виды окружающей среды имеют большее символическое значение или сыграли большую роль в формировании национального характера. Могут иметь место разногласия относительно ценности чего-либо как наследия или споры о том, какие вещи являются наиболее важными, но тот факт, что существуют критерии для вынесения суждений о ценности чего-либо как наследия, показывает, по крайней мере, что апелляции, основанные на ценностях наследия, не явля-

ются просто риторическими. Однако то, имеют ли эти апелляции какую-нибудь реальную силу, зависит от существования убедительных аргументов в пользу заповедания чего-либо как культурного наследия.

Аргументы, приводящиеся в пользу заповедания наследия, часто бывают эстетическими. Люди говорят, обычно с хорошим на то основанием, что старые достопримечательности и ценимые ландшафты имеют важные эстетические качества, или по крайней мере, что они являются более эстетически ценными, чем то, что угрожает заменить их. Водопад, область дикой природы или здание XVIII столетия, вероятно, будут иметь большую эстетическую ценность, чем искусственное озеро, сосновая плантация или современное офисное здание, которые будут поставлены на их место. Одна из проблем с опорой на эстетику состоит в том, что некоторые достопримечательности или виды окружающей среды, которые люди хотят заповедать, могут не иметь большой эстетической ценности. Старое дерево, кривобокое, потрепанное штормами и подпертое подпорками, не является красивым объектом. Здание XVIII столетия может быть неинтересным примером своего рода. Более старый не обязательно означает лучший эстетически. Иногда нет соответствия между тем, что могут обосновать эстетические аргументы, и тем, что многие люди хотят заповедать как наследие. Еще одна трудность состоит в том, что эстетические аргументы не объясняют того, почему нам следует заповедать нечто как наследие – то есть, почему его историческая ассоциация или связь с людьми прошлого делает его ценным.

Другие аргументы, иногда приводящиеся в пользу заповедания наследия, являются проблематичными по тем же самым причинам. Дейл Джеймсон утверждает, что достопримечательности “воплощают общую мудрость тех, кто их построил, жил в них и т. д. и таким образом с большей вероятностью будут способствовать высокому качеству жизни”. Новая застройка вызывает потрясения социальной экологии и та-

ким образом, вероятно, может оказывать непредвиденные разрушительные воздействия на качество жизни. Обычно лучше, говорит он, почти не вмешиваться. Можно сказать, что дикая природа воплощает мудрость природы и вмешательство в нее со слишком большой вероятностью может оказывать непредсказуемые разрушительные последствия. Однако одна из проблем с соответствующими аргументами в пользу заповедания дикой природы состоит в том, что они преувеличивают проблемы, связанные с развитием и изменением. Изменения окружающей среды не всегда являются разрушительными для человеческого благополучия, преимущества могут перевешивать потери. Поэтому довод в пользу заповедания, который предупреждает о непредвиденных опасностях разрушения, не всегда будет оказываться правдоподобным для культурного наследия. Более того, подобно эстетическим аргументам, он не объясняет, почему мы должны сохранять что-либо как наследие.

То, что необходимо, это аргументы, которые объясняли бы, почему что-либо может быть ценным из-за его связи с прошлым – почему рациональная или морально чувствительная личность должна ценить и желать заповедать вещи, связанные с историей ее культуры или сообщества. Если мы можем найти эти основания и применить их к природной окружающей среде и достопримечательностям, тогда у нас будет отчетливый способ привести доводы в пользу заповедания некоторых вещей в природе, способ аргументации, который не сводится к апелляциям к эстетике или человеческому благополучию (как они обычно понимаются). Я не говорю, что происхождение из прошлого или то, что объект использовался или ценился людьми прошлого, достаточно, чтобы придать ему экологическую ценность. Должно быть показано, что предметы, которые принадлежат к нашему культурному наследию, имеют для нас ценность. То, чего я ищу, это основания для того, чтобы показать, что исторические ассоциации или связь с людьми прошлого мо-

гут сделать вещи ценными для нас. Поэтому я откладываю в сторону эстетические соображения и соображения благополучия, которые часто входят в аргументацию о заповедании достопримечательностей и окружающей среды и концентрируюсь на попытках показать, что их следует ценить как культурное наследие.

Есть два способа утверждать, что определенные объекты, достопримечательности и виды окружающей среды должны цениться как наследие. Один из них состоит в том, чтобы найти основания думать, что в наших интересах делать это. Другой в том, чтобы сказать, что ценить их – это моральное обязательство – или по крайней мере, что это вещь, которую хорошо делать с точки зрения морали. Большинство защитников наследия думают, что более правдоподобно принять первую стратегию, но я утверждаю, что наши, основанные на собственном интересе, основания сохранять наследие имеют во многих случаях нормативную базу.

Как может быть в наших интересах ценить предметы, ассоциирующиеся с прошлым? Наиболее очевидный ответ состоит в том, что эти предметы играют важную образовательную роль. Исторические здания, достопримечательности и окружающая среда могут знакомить людей с условиями прошлого, учить их чему-то об устремлениях и ценностях людей прошлого или о важных исторических событиях и движениях. М.П. и Н.Х.Голдман указывают, что достопримечательности служат особой образовательной функцией, обеспечивая нам живой, непосредственный контакт с нашей историей – нечто, чего даже хорошо написанная историческая книга не может сделать успешно. Они могут возбуждать ум, захватывать воображение. Поскольку люди испытывают интерес к тому, чтобы узнать о своей истории, продолжается в аргументации, особая образовательная роль наследия дает нам хорошие основания желать сохранить ее.

Не все интересуются историей. Тем не менее, кажется возможным утверждать, что

в их интересах быть заинтересованными. Хаммонд утверждает, что людям необходимо открыть свои корни и ассимилировать свое прошлое для того, чтобы обрести необходимое самосознание. Даже если контакт с прошлым не является необходимым для удовлетворительного самосознания, это может усилить чувство “я” у человека и его оценку своего мира. Допустим, что по той или иной причине в наших интересах узнать о прошлом. Тем не менее, критик ценностей наследия мог бы отрицать, что заповедание культурного наследия является необходимым для этой цели. Почему мы не можем получить живого ощущения прошлого из фотографий, видеофильмов, музеев или виртуальной реальности?

Есть два ответа на эту критику. Для того, чтобы привести довод в пользу заповедания, нам нет необходимости предполагать, что существование предмета культурного наследия является необходимым для исторического образования. Тот факт, что это действительно часто играет важную роль, несомненно представляет собой досчиточно хорошее основание для того чтобы хотеть, чтобы оно существовало. Второй ответ состоит в том, что фотографии, видеофильмы и музеи не являются адекватной заменой для настоящей вещи. Опыт, который они нам предоставляют, просто не такой же, как опыт, обеспечиваемый контактом с реальными видами окружающей среды, которые повлияли на наших предков в сообществе, достопримечательности, которые они любили, сцены, которые они воспродуцировали в искусстве, или вещи, которые они создали.

Опыт не является одним и тем же, прежде всего потому, что многие люди выводят особую ценность из нахождения в присутствии объектов, которые были реально сделаны или использовались людьми прошлого, в окружающей среде, в которой они действительно жили, пейзажах, которые они прославляли.⁴ Настоящая окружающая сре-

да или объект имеет больше ценности во многом по той же причине, по какой и настоящий Рембрандт имеет большую ценность, чем копия, какой бы та ни была совершенной. Живой опыт, который Голдманы рассматривают как ценный, или чувство связи с прошлым будут с большей вероятностью испытываться в присутствии настоящей вещи. То, почему это так, лучше всего могут объяснить психологи. Тем не менее, кажется, что существуют некоторые идеи о ценности, которые, если они правильны, могут представить объяснение того, почему опыт настоящей вещи с большей вероятностью будет иметь хороший образовательный эффект.

Способность наследия иметь образовательную ценность, которой она обладает, по-видимому требует, чтобы мы были расположены относиться с уважительным вниманием к объектам и видам окружающей среды, рассматриваемым как наследие. Мы должны думать, что они заслуживают нашего внимания и усилий, которые мы предпринимаем для того, чтобы олучить их опыт. Очевидное основание для того, чтобы испытывать это уважение, состоит в ассоциации этих вещей с людьми прошлого. Мы предпочитаем настоящего Рембрандта не только потому, что мы думаем, что его эстетические качества не могут быть повторены. Живопись уважают из-за ее связи с Рембрандтом – потому, что это именно та картина, которую он написал. Подобным образом, живописный ландшафт, которым восхищались люди стольких поколений, имеет для нас ценность не только потому, что он красив, но также потому, что он возбуждал воображение наших предшественников. Если это направление рассуждений является правильным, тогда образовательный эффект наследия зависит от веры в то, что вещи могут обладать ценностью из-за

дон и Нью-Йорк, Рутледж, 1997 г.) показывает посредством мысленных экспериментов, что истоки и происхождение имеют значение в том, как мы ценим произведения искусства и природную окружающую среду.

⁴ Роберт Эллиот в книге “Поддельная природа: этика восстановления окружающей среды” (Лон-

своей ассоциации с людьми прошлого. Нормативные соображения лежат за аргументом, исходящим из собственного интереса.

Опыт наследия может быть богатым и таким образом укрепляющим сам себя: не только из-за нашего уважения к объектам, которые были созданы, взлелеяны людьми прошлого, испытывавшими к ним восхищение. В некоторых случаях к предметам наследия испытывалось уважение, потому что они символизировали ценности, подвиги, страдания, триумфы, неудачи наших предшественников. Опыт этих вещей дает нам возможность помнить и почитать людей прошлого и таким образом связывать себя с нашей историей. Очевиднее всего это относится к таким вещам как воинские мемориалы или места концентрационных лагерей (пример, использовавшийся Гольдманами). Однако, это также представляет собой правдоподобную причину для того, чтобы ценить некоторые природные объекты и виды окружающей среды. Символическая окружающая среда кажется заслуживающей уважения, не только потому, что она красива, но потому, что она представляет собой живое напоминание о борьбе людей прошлого, о важном движении в истории.

Утверждение о том, что объекты наследия заслуживают того, чтобы их ценили и сохраняли из уважения к желаниям, идеалам, подвигам, свершениям или страданиям людей прошлого, не ограничивается теми случаями, в которых опыт наследия имеет большую образовательную ценность. Достопримечательность, это старое дерево, может не играть значительной роли в образовании теперешних членов сообщества. Может не существовать важного примера, в котором оно служит их интересам. Довод в пользу заповедания кажется зависящим от того факта, что члены сообщества прошлого любили его, заботились о нем и хотели, чтобы оно было сохранено. То, что они так поступали, делает его достойным уважения и, таким образом, накладывает обязательство какого-то рода на их последователей продолжать заботиться о нем.

3. Окружающая среда как наследие

Дискуссия до сих пор фокусировалась на основаниях для сохранения культурного наследия, какую бы форму оно ни принимало. Тем не менее она все-таки дает нам основания для сохранения, по крайней мере, некоторых природных достопримечательностей и видов окружающей среды как культурного наследия. Аргумент, который я выдвинула, применим очевидным образом к живописному пейзажу и символическому парку, также как и к такой достопримечательности сообщества, как старое дерево, потому что это вещи, которые ценили люди прошлого, и хотели, чтобы ценили мы. Мы обязаны постараться оценить ценность нашего наследия и таким образом найти основания для того, чтобы сохранять его. Мы можем решить, что наше наследие не имеет ценности, или что другие вещи имеют большую ценность. Однако, причины, которые у нас есть для оценки, говорят нам, что мы должны быть предрасположены сохранять и не желать разрушать, потому что мы знаем, что мы не можем всегда видеть ценность в том, что является ценным, и будущие поколения могут проклинать нас за нашу слепоту.

Тем не менее, многие защитники окружающей среды готовы подвергнуть сомнению то, могут ли аргументы в пользу сохранения культурного наследия – мои или любые другие – сыграть значительную или полезную роль в борьбе за сохранение окружающей среды. Вероятно, у них будут два основных предмета для беспокойства. Один состоит в том, что слишком много объектов или видов окружающей среды могут рассматриваться как культурное наследие, включая те, которые являются экологически неприятными. Больше людей в нашем обществе ценили коммерцию и индустрию, чем природу, и если мы будем действовать в соответствии с предпочтениями большинства людей прошлого, то с большей вероятностью будем ценить шахты, фабрики и универмаги, чем области дикой природы или природные достопримечательности. Другой предмет беспокойства состоит в

том, что аргументы в пользу культурного наследия не будут доступны в случаях, которые вызывают наибольшую заботу среди защитников окружающей среды. Они не будут доступны в тех случаях, когда дикая природа не имеет человеческой истории. Более серьезно то, что аргументы в пользу сохранения, которые я выдвинула, не охватывают таких примеров, как историческая область дикой природы, потому что в этих случаях, как и во многих других, наши предшественники, хотя и испытывали влияние со стороны своей окружающей среды, не ценили ее или не хотели передать ее как наследие своим потомкам. Они хотели покорить ее, цивилизовать ее, сделать из нее нечто другое.

Джеймсон думает, что это беспокойство представляет собой самый сильный аргумент против того, что у нас есть обязательства перед прошлыми поколениями: “Если это действительно так, что у нас есть обязанность сохранять творения наших предков из-за их предпочтений и желаний, тогда мы имели бы обязанность сохранять все, что бы они ни захотели, чтобы мы сохраняли... Если бы мы пожелали, чтобы свалки токсичных отходов и автомобильные кладбища были бы нашим даром будущим поколениям, тогда те, кто придет после нас, имели бы обязанность сохранять их. Это кажется извращенным”.

Давайте вначале рассмотрим второе беспокойство. Тот факт, что аргументы наследия не являются “работающими” для видов окружающей среды без человеческой истории, не является основанием для того, чтобы рассматривать их как неадекватные. В конце концов, существуют другие аргументы в пользу сохранения. Апеллирование в пользу культурного наследия находится среди аргументативных ресурсов, доступных для защитников окружающей среды. Однако, они не являются доступными по каждому поводу. Следует сказать, что существует очень немного видов окружающей среды, которые не имеют прошлых человеческих ассоциаций, туземные народы населяли большую часть того, что мы счита-

ем областями дикой природы, и в некоторых случаях по-прежнему там живут. Неспособность моего довода в пользу уважения наследия людей прошлого быть примененным к таким примерам, как историческая дикая природа, является серьезным, поскольку мы склонны думать, что такие виды окружающей среды – из-за их влияния на характер и деятельность людей прошлого и будущего – представляют собой часть нашего наследия как региона или нации. Я буду утверждать, что у нас ровно столько же оснований уважать и сохранять исторические области дикой природы, как и оснований сохранять виды окружающей среды, которые ценили наши предки – что аргумент, который я представила в последнем разделе, представляет собой конкретное применение более общего довода в пользу уважения наследия людей прошлого.

Опыт исторической области дикой природы может быть образовательным. Он может помочь нам оценить то, что сформировало жизни наших предшественников и обеспечить нам контакт с источником некоторых из наших культурных характеристик. Делая это, он соединяет нас с прошлым и вносит вклад в наше саморазвитие. Для того, чтобы дикая природа сыграла значительную роль в соединении нас с прошлым, мы должны быть готовы уделить ей уважительное внимание. То, что необходимо, это объяснить, почему мы должны уделять уважительное внимание. Почему мы должны уважать дикую природу как наше наследие, когда наши предшественники не ценили ее? Понимание ценности дикой природы как наследия требует того, чтобы мы размышляли по поводу того, что означает соединиться с прошлым и почему это является самоукрепляющим.

Связанность с прошлым означает рассмотрение самих себя как части исторического повествования: способности понимать наши жизни как продолжение истории, которая связывает устремления, точки зрения и деяния наших предков с нашими собственными устремлениями, точками зрения и деяниями. Нетрудно понять, по-

чему такая связь с прошлым является самоукрепляющей. Она обеспечивает контекст для наших жизней, придает значение нашим деяниям и судьбе. Она придает смысл нашим отношениям, идеалам и устремлениям в структуре, которая выходит за пределы наших собственных жизней. Однако наши основания для того, чтобы ориентировать себя в связи с прошлым не являются просто продиктованными собственным интересом. У нас есть моральные основания для того, чтобы установить эту связь.

Историческое повествование представляет собой наследие людей прошлого. Оно включает не просто легенды, рассказанные нам о нашей истории. Историческое повествование воплощено в имеющих ценность вещах, которые наши предки передали нам, в их деяниях и традициях. Историческое повествование также представляет собой наследие, которое мы передаем людям будущего. Многие из наших ориентированных на будущее поколения желаний касаются этого наследия. Мы хотим, чтобы наши потомки осуществляли то, что мы считаем своей исторической судьбой, или поддерживали наши идеалы, исправляли ошибки, которые мы сделали, ценили объекты и институты, которые мы считаем неотъемлемыми для нашего самосознания и истории. Мы не можем обоснованно требовать, чтобы наши последователи продолжали повествование таким образом, каким мы этого хотим. Они могут счесть некоторые из наших деяний и устремлений вызывающими возражения, и в любом случае будут иметь свои собственные проблемы и интересы. Однако мы можем обоснованно думать, что наши последователи должны уважать свое историческое наследие, что им следует понимать их устремления и деяния в связи с историей, в которой нашему вкладу, усилиям и верованиям отдается должное. В частности, кажется обоснованным требовать, чтобы они попытались оценить те объекты, традиции и институты, которые воплощают важные аспекты исторического повествования, которое мы им передали. Если

это требование является обоснованным, тогда мы обязаны отдать такую же дань уважения историческому наследию наших предков.

Наше обязательство попытаться понять и оценить то, что ценили наши предшественники, это один из аспектов более общего обязательства уважать тот путь, которым они пытались делать историю, и наследие деяний, институтов, ценностей, триумфов, неудач, ошибок и вкладов, которые они передали нам. О надлежащем отношении между поколениями можно думать как о форме коммуникации, в которой каждое поколение реагирует, критикует, корректирует, реинтерпретирует, находит ценность или добавляет к вкладам наших предков. Люди, живущие в настоящее время, имеют решающее слово в интерпретации своей истории – до тех пор, пока их потомки не подхватят повествование. Но интерпретация не является вопросом навязывания истории наших собственных ценностей. Уважение к нашему наследию требует, чтобы мы понимали свои деяния и устремления в связи с деяниями и устремлениями наших предшественников, чтобы мы соединили наши жизни с их и таким образом оказывали уважительное внимание не только к их ценностям и деяниям, но и к условиям, которые сделали их тем, чем они были.

Тот факт, что мы являемся современными интерпретаторами нашего исторического повествования, означает, что наша оценка не всегда зависит от того, что ценили наши предшественники. Объекты и виды окружающей среды, которые представляли собой фокус ценности в повествовании наших предшественников, заслуживают нашего уважительного внимания, и мы должны быть предрасположены находить ценность в таких вещах. Однако, объекты и виды окружающей среды, которые наши предшественники не ценили, могут также заслуживать уважительного отношения как часть нашего исторического наследия. Они могут заслуживать уважения потому, что мы сейчас признаем, что они сыграли важную роль в нашей истории – хотя эта роль не

была очевидной для наших предков – или потому, что они символизируют важный эпизод или движение, учитывая интерпретацию нашего исторического повествования. Таким образом, если Нэш прав, утверждая, что дикая природа являлась базовым ингредиентом американской цивилизации, то – что вероятно будет верным в отношении подобных стран, таких как Канада и Австралия – тогда американцы имеют основания верить, что остающиеся области дикой природы представляют собой важную часть их наследия. У них есть основания оказывать им уважительное отношение и быть предрасположенным ценить и сохранять их.

Наши усилия интерпретировать наше историческое наследие и связать его с нашими собственными проблемами и устремлениями, вероятно, дадут нам специфические основания для того, чтобы ценить природную окружающую среду. Первая причина связана с тем, каким образом проблемы и изменения в чувствительности привели нас к критике и реинтерпретации нашей истории. Едва ли кто-нибудь сомневается в том, что мы стоим перед серьезными проблемами в области окружающей среды, и что традиционные виды деятельности и ценности нашей культуры являются, по крайней мере отчасти, ответственными за это. Те из нас, кто пришел к этому заключению, согласятся, что ценности и деяния наших предшественников требуют критического рассмотрения, и что наша точка зрения на нашу историю должна быть изменена. В результате мы имеем основания обращать особое внимание на идеи и устремления тех предшественников, которые хотя и находились в меньшинстве, ценили природу и боролись за сохранение природной окружающей среды. Поступая так, мы не только находим аспекты своей истории, которые могут быть использованы для того, чтобы сконструировать историческое повествование, более связанное с нашими современными ценностями и заботами, но мы также отдаем должное тем, кто внес важный вклад в нашу историю, как мы сейчас

это понимаем. В качестве демонстрации этого уважения и как символ того, что мы сейчас считаем важным в нашей истории мы должны особенно заботиться об уважении к тем видам окружающей среды, которые эти предшественники ценили и хотели сохранить.

Вторая причина вытекает из роли, которую земля как место сообщества играет в большинстве исторических повествований. Не только сообщества внутри нации имеют свои собственные повествования, но также неизбежно существуют различия в мнениях среди групп относительно истории их общества. Они будут интерпретировать историю по-разному, приписывать значимость различным событиям. Тем не менее, эти национальные повествования, вероятно, будут иметь некоторые общие критерии или референтные точки. В таких обществах, как Соединенные Штаты, Канада и Австралия, которые недавно были заселены европейцами, приход к согласию с новой землей представляет собой одну из общих тем в историях потомков иммигрантов. Обучение жить в незнакомой окружающей среде было межпоколенческой проблемой, которую разделяют люди этих обществ. Мы можем ценить также, как и критиковать способы, которыми наши предшественники решали эту проблему – их встречи с местом, которое они считали чуждым и угрожающим, их попытки относиться к ним так, как будто те являются более или менее такими же, как знакомая окружающая среда старого света, то, как они начинали ценить его за уникальные качества. То, как нужно ценить землю и жить на ней, можно сказать, является важной исторической темой в этих обществах – своего рода межпоколенческий проект, который связывает нас с нашими предшественниками. Насколько сильно бы ни различались исторические повествования, они, вероятно, сходятся по этому поводу. Это согласие показывает, что природные объекты и виды окружающей среды в этих странах имеют особое значение как наследие – особенно те виды окружающей среды, которые раскры-

вают уникальность и особый характер земли. Это придает им важную образовательную роль и символическое значение для сообщества или для нации как целого. Историческая область дикой природы может служить такой цели. Заповедание в этом и

во многих других случаях представляет собой способ уважать что-то, чье существование и значение связывает людей вместе в разнообразное межпоколенческое общество.

1 декабря 1960 года американский писатель Уоллес Стегнер написал это письмо Давиду Песонену, работавшему в то время над проектом правительственного доклада о землепользовании. Это письмо стало одним из наиболее часто цитируемых произведений, в которых говорится о значении дикой природы для человечества. Г-н Стегнер весьма удачно сформулировал тезис о глубокой внутренней взаимосвязи между дикой природой и лучшими национальными чертами американцев. «Мы безусловно лишимся многого как нация, если дадим умереть дикой природе», – пишет он. «Дикая природа была фактором, во взаимодействии с которым и в преодолении которого сформировался наш национальный характер». Оставшаяся часть дикой природы, заявляет он, «является составной частью великого материка надежды» – надежды, ставшей столь прозрачной из-за поступков людей, «заставивших нас усомниться в собственной святости...»

ПИСЬМО О ДИКОЙ ПРИРОДЕ

Уоллес Стегнер

Охота, рыбалка, туризм, альпинизм, привалы с палатками, сотни прекрасных фотографий и наслаждение от окружающего пейзажа — все это, несомненно, найдет отражение в твоём докладе. Точно так же, как и сама дикая природа в качестве генетического резерва, некоего научного инструмента, с помощью которого можно измерить то, как соотносятся окружающий нас мир в его естественном равновесии и мир, сотворенный разумом и руками человека, где равновесие нарушено. То, о чем я хочу сказать, касается не столько путей эксплуатации дикой природы, которые несомненно несут выгоду человечеству, сколько самой *идеи* дикой природы, которая сама по себе есть источник неисчерпаемого. Ресурс физически

неосязаемый и духовный, для материалистов он представляется чем-то мистическим, — хотя мистическим им, наверное, покажется все, что нельзя сдвинуть с места бульдозером.

Я хочу выступить в защиту идеи дикой природы как явления, которое помогло сформироваться нашему характеру и которое, несомненно, оказало решающее влияние на эволюцию рода человеческого. Как источник духовных и физических сил дикая природа ценна не более, чем религия или чем сила воли, оптимизм и экспансивность того, что ученые-историки называют “американской идеей”. Тем не менее, учитывая тот факт, что твой доклад, где дикая природа упоминается в качестве места отдыха и восстановления сил, начинает вести счет ее плюсам, я надеюсь, ты позволишь мне вставить парочку своих мыслей, так сказать, между строк.

Опубликовано: Экологическая антология. Москва-Бостон: Голубка, 1992. С. 104-105.

Мы потеряем часть самих себя как люди, если позволим уничтожить еще сохранившиеся островки нетронутой природы; если позволим превратить последние девственные леса в комиксы для детей и пластмассовые пачки изпод сигарет; если загоним последних представителей дикой природы в зоопарки или вообще выживем их с этого света; если отравим последний глоток чистого воздуха и загадим последний чистый ручей и проложим асфальтовые полотна дорог, изгнав Тишину из нашего дома, чтобы навеки американцы оказались в плену шума, выхлопных газов, людской вони и зловония машин. Чтобы не осталось у нас ни единого шанса остаться вновь наедине с нашим собственным сердцем, выпрямиться в полный рост и ощутить себя Личностью, частью окружающего нас мира деревьев, скал и земли, братом других животных, частью природы, полноправным ее членом. С исчезновением дикой природы мы все станем обречены, без единого шанса на минуту раздумья и отдыха, на бешеную гонку по нашему технократическому муравейнику, Прекрасному Новому Миру, где каждая молекула и каждый атом подчинены желанию человека. Нам нужно сохранить дикую природу — столько, сколько ее еще осталось — ибо это есть вызов, приняв который когда-то, мы смогли стать людьми. Уверенность и осознание того, что она все еще существует, сослужат отличную службу нашему духовному здоровью, даже если мы за десять лет и близко не подойдем к лесу. Она полезна для нас, когда мы молоды, ибо в короткие минуты отдыха и общения с нею она вносит ясность и спокойствие в нашу безумную жизнь. Она важна для нас, когда большая часть жизни уже оказывается далеко позади, по той простой причине, что

она все еще здесь — важна просто как идея.

Все мы — дикие животные, как мудро заметил Дарвин. Никто нас не приручал, не одомашнивал и не улучшал нашу породу. Тем не менее, в течение почти трех тысячелетий мы все были участниками непрерывной и полной страстей гонки за правом подчинить себе и изменить окружающую природу, и в процессе этой гонки мы почти ухитрились приручить самих себя. В наши дни осталось не так много людей, кто по-прежнему согласен рассматривать так называемый “прогресс” в качестве незапятнанного блага. Точно так же, как, вне всякого сомнения, он внес в нашу жизнь определенную степень комфорта и наполнил ее новыми материальными ценностями, он пробил брешь в нашей духовности, и все мы столкнулись с перспективой появления нового Франкенштейна, способного уничтожить своего собственного создателя. Одна из задач здравого смысла заключается в том, чтобы сберечь ниточку, соединяющую нас с миром природы, дабы все мы остались, насколько это возможно, добрыми животными.

Это лишь немного из той пользы, которую дикая природа может принести нам. Именно по этой причине, ради ее сохранения, мы должны задействовать механизмы, основанные на соображениях, которые не вытекают из возможностей ее использования, “пользы” или даже отношения к ней как к источнику новых духовных и физических сил. Нам просто не выжить без дикой природы, даже если наше общение с ней сведется к короткому пикнику у края леса. Ибо это может оказаться той силой, которая возродит в нас веру в собственное здравомыслие, здравомыслие тварей божьих, и стать частью великого материка надежды.

Американские природоохранники верят в то, что, как выразился Родерик Нэш: “Заповедание и управление дикой природой — это по-настоящему культурный вклад Соединенных Штатов в охрану природы”.

В то время как сохранение дикой природы является действительно значительным вкладом в мировую цивилизацию, вопрос о том, является ли этот вклад, как он обычно понимается, всецело положительным этически, становится более проблематичным. Так как сохранение дикой природы понимается и практикуется существующей американской традицией, и как оно часто предстает перед другими странами третьего и четвертого мира, которые живут в самых близких отношениях с дикой природой, она может быть просто строфой в той же старой империалистической песне западной цивилизации”.

Нэш сам кажется близким к упоминанию этой проблемы, когда говорит, что “цивилизация создала дикую природу”, и когда он замечает, что “оценивание дикой природы началось в городах”. Урбанистические центры западной цивилизации — это центры имперской власти, глобального доминирования и притеснения. Все, что идет от них, включая классический либерализм, вероятно, испорчено ценностями, идеологией и действиями империализма.

В своей недавней книге “Права природы”, Нэш полагает, что “...свобода — это наиболее убедительная концепция в истории Америки. Продукт обеих европейских демократических революций и, следуя гипотезе Фредерика Джека Тернера, либерализм объясняет наши национальные корни и упрочняет

нашу этику. Природные права являются культурно обусловленными в Америке, по существу вне спора, как идея.

Характерная либеральная вера в доброту и внутреннюю ценность индивида ведет к подтверждению

свободы, политического равноправия, толерантности и самоопределения”.

Это точное утверждение того, что западный человек решил принести цивилизацию и свободу (как он это понимает) сначала народам и земле Северной Америки, а затем всей планете.

Точно так, как однажды возникшее радикальное аболиционистское движение стало распространением этики для того, чтобы освободить черных от эксплуатации, давая им права, точно так же сохранение дикой природы, по существу, только следующий шаг в эволюции нашей либеральной традиции, которая сейчас допустила бы даже свободу самоопределения для дикой природы. Я полагаю, что вера в эту либерально-традиционную историю есть самообман — это маскировочная история для того, чтобы прикрыть и узаконить завоевание и покорение, что требует существенной коррекции, если мы хотим понять дикую природу и этику нашего с ней взаимоотношения. Однако, если бы эта либерально-традиционная история была на самом деле задействована, если бы природе было позволено самоопределиваться, тогда она могла бы превратиться в совершенно другую историю. Дела обстоят таким образом, что самоопределение природе не разрешено даже в легально установленных резервациях дикой природы. Вместо этого дикая природа ограничена официальными дикими резервациями. Почему? Возможно, я думаю, это было бы несовместно для имперской власти разрешить настоящее самоопределение для других, чтобы они доминировали, т. к. это была бы отмена имперской власти.

Заповедники как тюрьмы

Томас Бирч

Джон Родман разоблачил опасности и ограничения нашей либеральной традиции относительно движения за освобождение животных. Меня беспокоит, что происходит тоже самое с сохранением дикой природы. Суть проблемы в предоставлении или установке прав для других, проблема, которая становится ясной, когда природа является иждивенцем, пользующимся пожертвованиями, что предполагает существование и содержание позиций власти, от которой идут эти жертвования. Предоставление прав природе требует принесения природы в нашу людскую систему легальных и моральных прав. Вера в то, что мы можем предоставить истинное самоопределение природе и разрешить ей быть дикой – это слабая вера.

Дикая природа под законом

В центре западнокультурной сомнительной веры в сохранение дикой природы лежит совершенно ошибочное предположение относительно Иного, относительно Иных всех видов, и людских, и нелюдских, и, следовательно, относительно “практических необходимостей” нашего взаимоотношения с Иными. Говоря о “практических необходимостях”, я поднимаю вопрос о том, как мы относимся к Иному.

Проблемы появляются, когда Иное понимается в обычной западной и империалистической манере как враг. В этом смысле, главенствующая западная культура рассматривает противоположные возможности, в которых Иное представляется как противник. В лучшем случае, Иное должно быть “терпимо”, что близко к выражению жалости к нему за его несчастное более низкое положение. Таким образом, основное предположение является следующим: мы принципиально существуем в состоянии войны с каждым и всем Иным. Возможно это есть самой основной доктриной нашей ведущей мифологии о необходи-

мом способе взаимоотношения с Иным. Таким образом, на практике Иные должны быть притеснены или, когда надо, истреблены. Эта мифология типична для западной культуры. Уильям Киттридж сказал: “Важно осознать, что мифология американского запада является главной мифологией нашей нации и частью более старой мировой мифологии. Это мифология покорения... Более просто, наше предание о законоведении есть преданием завоевания и господства, управления и контроля, особенно посредством силы”.

Относительно сохранения дикой земли сомнительная вера появляется, если мы верим, что создание правовых объектов, таких как зоны дикой природы, может удовлетворить практические потребности взаимоотношения с дикой землей и с самой дикой природой. Создать зоны дикой природы, это значит попытаться ввести закон к дикой природе, ввести закон о сущности Иного, навязать гражданский закон природе. Это такая же реформа, как и резервирование коренных американцев (пример “Иного”) с пуританскими намерениями переделать их в “продуктивных граждан” взамен бывшей практики их истребления.

Я полагаю, что заповедники дикой природы являются для нее тюрьмами. Непохожесть дикой природы на человеческую цивилизацию заставляет людей относиться к Иному как к ресурсу. Даже Закон о дикой природе США 1964 г. гласит, что целью защиты участков дикой природы является “сохранение для американского народа и будущих поколений ресурса дикой природы”. В участках дикой природы разрешено животноводство, развлечения, даже кое-где добыча полезных ископаемых. То есть дикая природа попала под управление человеческого закона, но согласно идеологии империализма, она незаконна.

Вместе с тем, если саму дикую при-

роду уничтожить легко, то уничтожить ее дикость гораздо сложнее. Согласно идеологии империализма, дикость должна быть введена под букву закона. Современная имперская стратегия уже направлена не на уничтожение дикости как таковой, а на создание места для дикости внутри имперского порядка. Созданное место (заповедник) является для дикой природы тюрьмой или приютом, и когда дикость помещена в нем, империализм становится совершенным.

Используя тюремную терминологию, можно сказать, что как запертие заключенного происходит в конце тюремного дня, так и дикость стали закрывать во время сумерек модернизма.

Наставая на тюремной терминологии еще больше, мы можем заявить, что когда дикость как заключенный “ведет себя плохо” (будучи сама по себе спонтанной), империализм “заключает ее в тюрьму”. “Заключение” означает помещение заключенных в их камеры, отмену привилегий, сопровождение надзором и т. д., искоренением и исправлением зловерности.

Резервации дикой природы — это не места, где природе разрешено быть вне контроля, даже если там разрешено отклоненное поведение до некоторой степени, так же как это разрешено в системе уголовных заведений для людей. Резервации дикой природы не являются теми местами свободы, где “анархия” разрешена, где природа фактически свободна. Совсем не так. Закон суров. Поскольку резервации дикой природы созданы законом, они могут быть также отменены законом. Угроза отмены сохраняется всегда. Так как и определенный заключенный, скажем древесный гриб, может быть заключен в резервацию дикой природы законом, он может так же быть истреблен этим же законом, даже внутри резервации. Империализм не отменяет, но может отменить эти “права” и привилегии.

Дикость как Иное

Мы находимся в состоянии войны с каждым и всяким Иным. Это является основной доктриной западной идеологии империализма. Таким образом, на практике Иное и Иные должны быть притеснены, или, когда надо, истреблены.

Западная культура боится, не любит дикость природы. Она относится к дикости как к Иному, противоположному, неподчиняющемуся закону, и, следовательно, иррациональному, преступному, незаконному, безумному (как медведь гризли). Но Иное, если желает остаться Иным, не может вести себя иначе. По отношению к другой личности, обществу, цивилизации и т. д. оно должно сопротивляться, защищая свою подлинность. Иное не может по существу являться тем, что определяют, анализируют, понимают, оно должно быть и оставаться Иным. Поддержка Иного предполагает прежде всего защиту свободы этого Иного, которая дает возможность абсолютной спонтанности и способствует появлению новизны...

Империализм и дикая природа

Для того, чтобы утвердить свое царствование, власть должна создать свой собственный мир, который является симуляцией реальности. Вместе с тем имперская власть не может позволить себе отбросить реальность полностью потому, что она сама требует некоторой реальности, чтобы спасти свою собственную бессмысленность и законность.

Легально созданные резервации дикой природы, таким образом, становятся подобием благополучного существования остатков дикости и дикой природы, находящихся под контролем. То есть имперская власть достигла своего: добила человеческого контроля над Иным. Если это повсеместно достигнуто, то игра окончена и ее продолжение бессмысленно.

Дикая природа и человек

Серая Сова

КУОННЕЗИН ВЭША (Серая Сова) — ДЖОРДЖ СТЕФАНИ БЕЛАНИ
(1888–1938)

Индийский писатель-самородок. Мать его была из племени оджибуэй, а отец — выходец из Шотландии. Был охотником и кочевал по лесам Канады. В первую мировую войну британское правительство Канады призвало его в армию и послало воевать за океан. В 1917 г. он вернулся в родные края, в провинцию Онтарио, где колонизаторы в то время прокладывали железную дорогу. Кругом свирепствовали пожары, индейцы вынуждены были спасаться бегством. Два года странствовал Серая Сова в поисках нетронутых лесов, где остались бы еще бобры. Во время скитаний он встретил девушку из племени ирокезов, она стала его женой и вместе они продолжили путь. И все-таки бобров нашли, спасли и выкормили осиротевших бобрят. Серая Сова написал рассказ, послал в Англию. Рассказ напечатали и просили присылать еще. И с тех пор индеец стал писать. В России вышли его книги “Саджо и ее бобры” (в переводе Аллы Макаровой), автобиографическая книга “Серая Сова” (ее перевел М.М. Пришвин) и “Рассказы опустевшей хижины”. Умер Серая Сова пятидесятилетним в Канадском национальном парке, где работал смотрителем бобрового заповедника.

Чем дальше человек живет в глуши леса, тем больше и больше он любит Дикую Природу во всем ее многообразии. В конце концов ему становится неприятным охотиться, и если необходимость заставляет его убить, он сделает это с чувством сожаления и сознания своей вины. Старые индейцы, неизменно соблюдавшие языческие обычаи (кстати сказать, среди этих обычаев есть много очень красивых и достойных сохранения), совершали обряд погребения, когда им случалось убить зверя, стоящего на высокой ступени развития и заслуживающего уважения и любви людей. Это чувство приходило медленно, но проникало очень глубоко и казалось мне результатом жизни, направленной главным образом на разрушение, а не на созидание. Я не могу себе

представить, что этот переворот в сознании произошел только у меня, и имею достаточно фактов в доказательство того, что люди, побывавшие в аналогичных условиях, за исключением, может быть, только невежд или людей, не способных к мышлению, надменных и эгоистов, переживали то же самое хотя бы в какой-то мере.

Человек, долго проживший в лесу, познавший его тайны и очарованный его прелестью, невольно будет проявлять внимание ко всему живому, что окружает его; у него появится чувство ответственности перед лесом, и, прокладывая себе тропу, он будет стараться не топтать цветы. Не раз я встречал людей, которые, поборов смущение перед присутствующими, находили в себе мужество спасти жизнь муравьев, жаб, змей и других низших существ, рискуя быть поднятыми на смех. Это были мужественные, суровые люди, чье внимание, казалось бы, не должны были

Опубликовано: Серая Сова. Рассказы опустевшей хижины. М.: Молодая гвардия, 1974. 157 с.

привлекать такие ничтожные существа. Говоря о жабах, неядовитых змеях и других невзрачных, безвредных и часто полезных созданиях, мне хочется сказать, что преследование их является результатом ненависти, возникшей от безрассудного страха со стороны тех, кто ничего о них не знает.

Есть на свете много людей, которые ходят по лесу как слепые. Они смотрят на величественные деревья несравненной красоты и высчитывают, сколько квадратных футов досок получится из них или же сколько долларов можно получить с каждой бобровой хатки. Для таких людей прелесть Дикой Природы не существует. Помню, как однажды, уже много лет назад, я работал проводником и повел одного туриста на вершину горы, чтобы показать необозримую панораму девственного соснового бора. Он расстилался у наших ног и терялся в голубой дали. Мой спутник посмотрел вниз — редко кому выпадает счастье любоваться такой сказочной картиной, я ждал, что услышу восторженные восклицания, но реакция была неожиданной. Он сказал деловито: “Вот бы срубить все это и погрузить на эстакаду. Это, скажу я вам, было бы здорово!”

Отдавая дань уважения экономике, я все же должен сказать: лес существует не только для того, чтобы быть использованным в качестве строительного материала. Необходимо сохранить огромные массивы девственного леса в целях эстетических, патриотических так же, как и в экономических, не говоря уже о работе по лесовозобновлению. Что касается последнего, то при разумном ведении лесного хозяйства можно снаб-

жать промышленность лесными материалами, не разоряя леса. Необходимо обязать коммерческие предприятия сажать шесть-двенадцать деревьев вместо каждого срубленного; таким образом, они сами обеспечат себя строительными материалами. И пусть никто не смотрит жадными глазами на уцелевшие еще в Канаде массивы первобытного леса, потому что лес будет быстро уничтожен, если только дать волю коммерсантам.

Говорят, все живое создано для того, чтобы служить человеку. Но так ли это? Рабство уже вышло из моды, и никто не станет утверждать, что сосновые шишки зреют специально для белок, а олени живут в лесу лишь для того, чтобы волки были сыты. Очутившись в лесу, мы перестаем чувствовать свое превосходство перед волком или белкой, наоборот, мы часто чувствуем себя беспомощными. Люди в огромном своем большинстве не хотят даже слышать о том, что животные, хотя бы в какой-то мере, могут быть одарены умственными способностями; поведение животных они объясняют только инстинктом. Однако многие животные наделены умственными способностями, а все люди — инстинктами. Человек стоит на самой высокой ступени развития по сравнению со всеми живыми существами на Земле, однако это еще не означает, что Природа принадлежит ему, как он надменно это воображает. Он принадлежит ей. Щедрая Природа подарила большие богатства своим детям, и если человек возьмет свою долю, это будет вполне справедливо и честно; но он не должен обижать другие существа и отнимать у них необходимое, они тоже хотят жить.

ЭКОЭТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ УКРАИНЦЕВ

А.В. Подобайло, кандидат биологических наук

Киевский университет им. Т. Шевченко, 01022, г. Киев, пр. Глушкова, 2

В современной идее дикой природы большое значение уделяется мифопоэтическому ощущению природы. Действительно, до многих людей гораздо легче достучаться, используя чувства, а не разум. Помимо многих новых образов дикой природы, которые можно создать, задействуя восточные религии – буддизм, даосизм, синтоизм, современные либерально-демократические традиции, различные языческие верования (дикая природа – священное пространство, Совершенно Иное, ущемляемое меньшинство, особое государство и т. д.), мы не должны забывать и о золотых россыпях экологических традиций наших народов.

Работая со студентами Киевского университета, несколько лекций и семинарских занятий по спецкурсам природоохранного цикла я посвящаю этой тематике. Студент-биолог, для которого несколько лет жизнь была предметом изучения, который в процессе обучения пользовался далеко не этичными методиками, поначалу воспринимает экоэтический подход как утопию. Далее, признавая плачевные результаты традиционной природоохраны, экоэтика представляется молодым биологам как один из путей выхода из экологического кризиса. Мол, по этому пути мы можем направить непросвещенное человечество. Если уж мы не можем рационально объяснить каждому, то, наверное, стоит проповедовать. Вера овладевает массами быстрее, чем знания. Пусть народ оберегает ласточку как “божью птичку”, но мы-то знаем, что это – биоло-

гический вид, богатство таких видов определяет биоразнообразие, чем оно выше, тем устойчивее экосистема, а стабильность экосистем нужна для выживания человечества. Ум, взращенный на антропоцентризме, с трудом воспринимает экоэтику.

Благо, для таких проповедей не нужно “изобретать велосипед”. Народные поверья, традиции, обряды дают прекрасные образцы природоохранной пропаганды. Эти традиции у украинского народа древние, зародились еще в дохристианскую эпоху. Но, в те времена экологического кризиса не было. А есть ли вообще этические мотивы в экологических воззрениях украинцев?

Вот яркий пример чисто украинского прагматизма во взглядах на обустройство мира зафиксированный П. Чубинским: *“То, что мы видим над собой синее так это не небо, а оболюки; а то, что ходит под оболюками, так это тучи. Туча такая плотная как холодец. Она иногда падаєт на землю и ей хорошо кормить кабанов, щоб были толстыми...”*, или *“Светит місяць да не греєт, тільки у Бога даром хлєб єст”*.

Фото 1. Степанидина криница (с. Симоны Емильчинского района Житомирской области). 2000 г. Фото А.В. Подобайло.

Фото 2. Усолусская криница (с. Усолусы Емильчинского района Житомирской области). 2000 г.

Фото А.В. Подобайло.

Сквозь христианские мотивы наблюдаем языческое почитание светил. Всем известна библейская притча о братоубийстве Каина. У нашего народа бытует легенда, что темное пятно на месяце – это Каин, который пробил вилами Авеля. Бог сотворил месяц и поместил туда сынов Адамовых, чтобы людям хорошо было видно проклятие и они не враждовали между собой. В древние времена украинская семья садилась ужинать лишь “як зйде зірниця” – вечерняя звезда, Венера. Радуга – это лестница, по которой люди будут восходить на небо. А вот и эгоцентрический взгляд: горы, долины, леса, обрывы, курганы сотво-

рил Бог для того, чтоб было куда прятаться зверью. Украинцы – хлебопашцы. Для них земля – кормилица и святыня. От земли взятый, землю кормлюсь, в землю и пойду. Грех бить землю без нужды: она – мать, а мать не бьют. Нельзя сорить на землю: она плачет, ничто так не тяжело для нее, как если на нее плюют.

Животные, как дикие, так и домашние – ярчайшие персонажи народных сказок, легенд, поверий. Конечно, чаще всего домашние животные связаны с утилитарными верованиями, присказками: “Де коза ногою, там жито копою”. Хозяйки и теперь застилают дойницу цедилкой (тряпкой, сквозь которую процеживают молоко) от злых глаз. Если кому-то дают кувшин с молоком, то тот, кто его берет, обязательно возвращает посудину немойтой с краюшкой хлеба и щепоткой соли. Это угощение для коровы для того, чтоб прибывало молоко. Всем известен обычай пускать в новый дом первым котом “як обереха”.

А обычай поздравлять домашнюю скотину с Рождеством или Великоднем, угощать освященной пасхой или окропить освященной водой это – уже обычай иного порядка. Хозяин в них обращается с животными как с равными. Во многих казацких песнях конь представлен как верный побратим казака.

То же и с дикими животными. Например, в хатах украинцев часто обитал уж. Хозяева считали, что эта рептилия ночью сосет молоко у коровы. Но ужа никто не прогонял. “Хатний” уж – хранитель достатка в доме. Есть предостережение и от обратного. Нельзя убивать “кумкачку” (жерлянку) – умрет мать. Или представление о мстительности черепа.

С другой стороны, хозяйка, убирая в доме, никогда не убивает пауков, а выпускает их на улицу. Потому, что убить паука – грех. К пчеле в народе относятся как к “божьей птичке” даже никогда не говорят о ней, что она “сдохла”, а лишь – “умерла”, “пропала”. Можно привести множество примеров этичного отношения к птицам: “Горобец маленький, а серденько мае”. Народная мораль в Украине охраняет ласточек, аистов.

Многие экологические верования связаны и с растительным миром. В давние времена запрещалось рубить живые деревья в лесу – “леший отомстит”. Интересно, почему на огороде позволяли расти бузине? Оказывается, корчевать эти кусты опасно, их вырастил дьявол. С другой стороны, мак, тирлич охраняют от нечистой силы. Согласно поверьям, дубы также не подпускают к себе нечисть. В древности это дерево считалось священным. А тополя, верба и калина являются символами Украины. Калиновые заросли считались священными. В них нельзя выпасать скот, копать, рубить кусты. “Без верби й калини нема України”.

Особое внимание хотелось бы обратить на почтительное, благоговейное отношение украинцев к священным криницам (родникам, колодцам и т. п.). Эти водные источники поддерживаются в хорошем состоянии, часто украшены рушниками (полотенцами) и иконами (фото 1, 2). С криницами связано большое количество народных поверий и традиций.

Таким образом, во всем многообразии экологических воззрений украинского народа можно выделить несколько групп поверий, обычаев. К первой можно отнести утилитарные поверья: “Де водяться голуби, там хата не горить”, либо, рубить фруктовое дерево нельзя, иначе погибнешь. Во вторую группу входят эколого-религиозные взгляды с положительными или отрицательными мотивациями. Например, ухаживать за святой криницей – дело богоугодное, убить божью коровку – грех. И, наконец, самую немногочисленную группу составляют этические воззрения. Что, самим фактом своего существования вселяют надежду в возможность сохранения дикой природы.

О ЛЮБВИ К ПРИРОДЕ

Л.Н. Самойлов, кандидат философских наук

*Кафедра философии и методологии науки факультета государственного управления МГУ
119517, Россия, Москва, ул. Матвеевская, 10, корп. 5, кв. 123*

В первом спецвыпуске “ГЭЖ”, т. 3 за 2001 г. (дискуссия об идеологии охраны дикой природы), к сожалению, очень мало говорилось о природоохранных мотивациях. Например, о любви к природе, чему я хочу посвятить эту статью.

На приводимой мной в лекциях схеме “Экологически значимые триады...” (рис.) стрелками обозначены три диаметрально противоположных экологически выраженных способа воплощения одной и другой установки человеческой души. В итоге на одном полюсе сосредоточен синдром роста и прогресса личности, созвучного и содействующего расцвету природы, ее “вос-

кресенью” (термин молодого Маркса), а на другом – синдром регресса и патологического распада личности, сметающего выстроенные культурой защитные преграды к варварскому разрушению лика Земли и обезображиванию природы. Большинство людей пребывает где-то в срединной зоне сбалансированного сосуществования и противоречивого единства двух противоположных установок с преобладанием приязни и открытости.

Хотелось бы подчеркнуть ведущую роль любви как самого экологически позитивного отношения к человеку и природе, как сво-

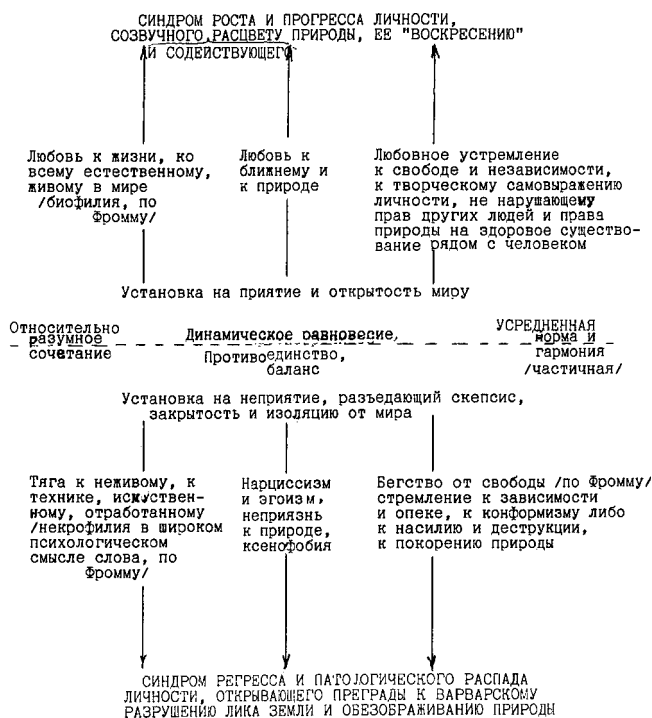

Схема “Экологически значимые триады диаметрально противоположных жизненных ориентаций личности, в том числе ее подсознательных побуждений (интенций). В основе своей представляет дополненный мною, особенно в части экологических последствий, вариант графического наброска Э. Фромма (1964).

его рода идеала образца и высокого смысла жизнедеятельности каждого человека.

Дефицит любви – одна из причин неблагополучия в обществе и в его отношениях с земной природой. В условиях массового равнодушия и усталости, разочарования и апатии населения России и стран СНГ, когда оно в большинстве пребывает за чертой бедности, разграбление природы ведомствами и отдельными дельцами не встречает, к сожалению, должного народного сопротивления на уровне общественного мнения и, зачастую, расценивается обыденным сознанием как вынужденный или даже завидный способ выживания. Как говорится, не до жиру...

И все же, думается, никогда не поздно будить в человеке способность любить и верить в любовь. Любовь удивительно само-

утоляет человека, очищает и преобразует его. Любовь всесильна. Она поможет спасти природу от пресса техногенно-потребительской цивилизации, которая необратимо разрушает воспроизводящий механизм биосферы, подрывая тем самым исторически сложившуюся за сотни миллионов лет биотическую регуляцию условий жизнеобеспечения на нашей планете. Земная природа – колыбель жизни и уютный дом человечества с биотическим регулятором стабильности. Любовь к земной природе – священна! Как остроумно заметил В.А. Кутырев (1999), главная проблема экологии – сохранить жизнь китов. По крайней мере, трех, на которых все держится: Вера, Надежда, Любовь. Но Любовь из них важнее и сильнее, как отмечал еще Апостол Павел (1 Кор. 13, 1-3; 13).

Философско-исторический экскурс позволил выявить существенные характеристики любви и предложить следующее обобщенное определение, которое охватывает многие существенные грани и такой актуальной для нас разновидности, как любовь к природе. Любовь – неудержимое сердечное стремление к единению и свободной самоотдаче для устойчивого позитивного общения и взаимодействия во имя творческой самореализации, обретения полноты бытия, наполненности его смыслом, всемерного раскрытия жизненных сил и способностей при неременном условии – взаимном сохранении свободы, независимости, самобытной индивидуальности и целостности. Искусство любить предполагает следующие слагаемые: желание и способность “отдать” себя, в эмоциональном пределе – соединиться в одно целое, про-

являя при этом взаимную ответственность, заботу, уважение и неутолимую жажду познания и сопереживания. Практическое искусство любить требует от человека зрелости характера, деятельностной активности и плодотворного творческого отношения ко всему окружающему и самому себе, дисциплины, сосредоточенности, терпения, предельной заинтересованности в овладении искусством любить, развития чувствительности к потребностям любимых и самого себя (при обязательном преодолении собственного нарциссизма), веры в себя и любимых, твердости убеждений, надежности, верности, стойкости и воли. Любовь есть духовно-практическая деятельность по проектированию и оправданию своего бытия путем избирательного овладения и в то же время сохранения свободы любимых, то есть сердечное стремление так отразиться в любимых, чтобы увидеть признание и оправдание своего бытия.

Теплый эмоциональный отклик, как показал наш опыт, вызывает у студенческой молодежи подборка афоризмов древних и современных, зарубежных и отечественных авторов о любви – именно тех афоризмов, которые распространяемы на любовь к природе. Анкеты помогли выявить их сравнительный рейтинг. Афоризмы приводятся ниже в исторической последовательности.

1. Любить – значит желать другому того, что считаешь за благо, и желать притом не ради себя, но ради того, кого любишь, и стараться по возможности доставить ему это благо. Аристотель.

2. Истинная любовь выражается скорее делом, чем словами. Шекспир.

3. Ничто не усиливает любви так, как неодолимые преграды. Лопе де Вега.

4. Кто познает природу не через любовь, тот никогда не постигнет ее законов. Ф. Шлегель.

5. Любовь – суть всякой нравственности: выход за пределы своего “я” и слияние

с тем прекрасным, что заключено в другом. П. Шелли.

6. Любить – значит жить жизнью того, кого любишь. Л. Толстой.

7. Без любви к природе нет любви к отечеству. К. Гюнттер.

8. Умиление и восторг, которое мы испытываем от созерцания природы – это подспудное воспоминание о том времени, когда мы были животными, деревьями, цветами, землей. Точнее, это сознание единства во всем, скрываемое от нас потоком времени. Л. Толстой.

9. Когда любишь, такое богатство открываешь в себе, столько нежности, ласковости, даже не верится, что так умеешь любить. А. Чехов.

10. Любовь к природе складывается, по крайней мере, из трех групп чувствований: эстетических, интеллектуальных и этических. Б.Е. Райков.

11. Любовь есть радостное приятие и благословение всего живого и сущего, та открытость души, которая распаивает свои объятия всякому проявлению бытия как такового и при этом ощущает его высший божественный смысл. С.Л. Франк.

12. Действительно ли любовь – искусство? Если да, – то она требует труда и знаний. Э. Фромм.

13. Только в любви и через любовь человек становится человеком. Без любви он неполноценное существо, лишенное подлинной жизни и глубины, неспособное ни действовать эффективно, ни понимать адекватно других и себя. А.А. Ивин.

14. Спасти природу может только любовь, только чувство восхищения, а не расчет. Ж. Дорст.

Литература

- Кутырев В.А. (1999): Разум против человека. - Философия выживания в эпоху постмодернизма. М. – Н. Новгород: “ЧеРо”. 18.
Фромм Э. (1992): Душа человека. М.: Республика. 82.

ФРОНТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЖИВОТНЫХ

В 1978 г. защитник животных англичанин Ронни Ли создал радикальную организацию “Фронт освобождения животных” (ALF), отстаивающую права и свободы диких и домашних животных. Через несколько лет в ней уже насчитывалось более 2 тыс. человек, и свои отделения Фронт имел не только в Англии, но и США и других странах.

ALF не занимается официозной деятельностью, а действует путями, которые многим организациям кажутся неприемлемыми. Многие кричат, что ALF — террористы, экстремисты и что таким не место в экологическом движении, а активисты — защитники прав животных продолжают действовать и очень успешно. Например, в сентябре 1998 г. Фронт освобождения животных взял на себя ответственность за поджоги восьми закусочных “МакДональдс” и “Квик” в районе Антверпена (Бельгия). В результате пожаров никто не пострадал, однако одна из закусочных сгорела почти дотла. Оценить сумму ущерба власти пока затрудняются, но участники ALF уже могут назвать число животных, чье мясо теперь не отправится на стол к дяденькам и тетенькам “из высшего общества”. Тем временем полиция усилила охрану подобных заведений.

Вы скажете, что ALF не существует и это выдумка, ну и продолжайте так думать дальше, а количество групп, подобных ALF, сегодня более 30, а самих ALFовцев насчитывается около 500 в 25 странах, в том числе в Австралии, Америке, Бразилии, Финляндии, Швеции, Польше и Словакии. “Такие заве-

дения, как “МакДональдс”, ежегодно отнимают жизни тысяч животных исключительно в погоне за наживой, — заявил участник британской группы ALF Робин Вебб, — мы намерены действовать до тех пор, пока не прекратятся мучения беззащитных животных”. На счету британского ALF нападение на трейлер с мясом, поджог рефрижираторного цеха и еще сотни других акций. Экологи уничтожали научные лаборатории, нанося многомиллионные убытки американским университетам. В Великобритании в 2000 г. они громили грузовики, супермаркеты и автостоянки.

На счету ALF нет ни одной жертвы, хотя спецслужбы намеренно распространяют слухи о жертвах среди населения. Так недавно, опубликовали информацию о том, что, якобы, в Петербурге и Москве участниками ALF была отравлена мясная продукция в закусочных. То ли это специально распространенный слух российских спецслужб, то ли кто-то просто побывал в таком “МакДональдсе”, стал импотентом и в ярости написал такую заметку.

Несколько лет назад ФБР включило ALF в список террористических организаций, “преследующих особые интересы”.

Вот, например, как оценивает деятельность Фронта освобождения животных директор Федерального Бюро Расследований (ФБР) Луис Фри, подготовивший доклад “Террористическая угроза Соединенным Штатам Америки” для Сената США: “Экстремисты со специальными интересами. Они отличаются от традиционных правых и левых террористов тем, что пытаются террористическими методами решить специфические проблемы, не желая при этом фундаментальных изменений в обществе. Они продолжают проводить акты

Подготовлено редакцией ГЭЖ по материалам электронного бюллетеня “Что нового?” и книги R. Nash “Rights of nature”, The University of Wisconsin Press, 1986.

политически мотивированного насилия, чтобы заставить часть общества изменить отношение к определенным вопросам. Это крайние борцы за права животных, против абортотворцев, защитники окружающей среды, борцы с ядерным оружием и энергетикой и т. д. Некоторые из них, особенно за права животных и экологи, превратились в группы вандалов и террористов.

“Фронт освобождения животных” ныне считается одним из самых опасных экстремистских элементов в США. Невзирая на деструктивные аспекты их действий, философия “Фронта” направлена против актов, которые “наносит ущерб любому животному, человеку и нечеловеку”. Группы защиты прав животных, включая этот Фронт, как правило, выходят за рамки закона. Другая группа — “Фронт освобождения земли” — взяла на себя ответственность за поджог лыжного курорта в штате Колорадо. Пожар разрушил 8 зданий и нанес ущерб, оцениваемый в \$ 12 млн. Фронт заявил, что это было сделано в знак протеста против планов по расширению курорта, которые “приведут к уничтожению среды обитания рысей в Колорадо”.

Основные виды деятельности ALF — освобождение животных и экологический саботаж, то есть “нанесение материального ущерба с целью сделать невыгодным издевательство над животными”, которых ALFовцы не считают меньшими братьями: на подвиги их вдохновляет учение австралийского философа Питера Сингера о равенстве

всех видов млекопитающих и соблюдении прав животных.

ALF не является организацией в строгом смысле этого слова, то есть не имеет иерархической структуры. Участником может стать любой желающий. Уровень конспирации активистов очень высок, их призывают — печатать письма на казенных машинках, не оставлять отпечатков пальцев, не указывать обратного адреса и даже не облизывать марку. Благодаря этому полиция до сих пор не смогла добиться никаких существенных результатов, даже создав по этому поводу специальный отдел.

С другой стороны, за решеткой оказались многие активисты этого движения, ну а о том, какую пользу они сделали для животных — никакой суд не интересуется. Продажное правосудие скорее посмотрит на деньги корпораций и на то, какой экономический урон был причинен активистами. На права животных многим людям просто наплевать, так как они считают, что наши хвостатые и усатые братья — это объект, который можно использовать в любых целях, в том числе: употреблять их в пищу, производить одежду из меха и кожи, пытаться на разных зрелищных мероприятиях вроде цирков и зоопарков. Ужасно и то, что тех, кто этому сопротивляется, не так много.

Кто стал на путь борьбы, уверен в своей правоте и не считает, что это экстремизм. Главный экстремист — государство, которое провоцирует людей на подобные действия.

Стихи о природе

Николай Щербина

Цитреннее впечатление

Расцветшей зарею
Сокровищ рассыпано много:
Все тонет в лучах предо мною...
Я чую прозревшей душою
Повсюду живущего бога...
И лик мироздания
Мне плотию духа прекрасной
Является в перлах сиянья –
Средь песен, любви, ликованья,
С улыбкою женственно-ясной.
Я, жажда тени,
Спущуся в долину глубоко,
Где бродят, скрываясь, олени, –
Отдаться и грезам и лени,
Под лепет ветвей и потока...
И тихой стопою
Я буду на горы взбираться:
Боюсь раздавить я ногою
Червя, что ползет под травой
Сияньем тепла наслаждаться;
Исполнен вниманьем
Для всякой летающей крошки,
И, груди сдержав колыханье,
В себя не втяну я дыханьем
В лучах затерявшейся мошки.

1854

Грежу я, чувствую, мыслю и внемлю:
Всюду я радостно вижу иль друга, иль брата.
Птицы заснули на ветках древесных,
В сон погрузилась семья насекомых,
Много зажглося в пространствах небесных
Звезд, мне из раннего детства родных и знакомых.
Дремлют цветки в ветерке благодатном,
Сны свои мне говорят и мечтанья
На языке ароматов понятном –
Речью одною из тысяч речей мироздания.
Грезы свои распевает цикада –
Ей, наклонившись, колосья внимают;
Весело прыгает резвое стадо –
Им потревожены, пташки пугливо порхают.
Стройная музыка тайно сокрыта,
Всё проникая в подлунной собою, –
То, что сияньем солнца облито,
Что освещается томно Дианой ночьюю.
Звучом ответным всему пламенел я,
Жажда в общей гармонии слиться;
Страстно душою прозревшей летел я
В вечное лоно любви мировой погрузиться.
Чувством широким тогда обнимаю
Сродную жизнь и стремленье всех сущих,
Маленький мир их любви открываю
В сердце летающих, в крошечной груди ползущих.
Все, что цветет, и ползет, и летает,
Долю имеет свою в наслажденьи, –
Всё и заботы, и радости знает,
Мчится и тонет со мною в житейском волненьи.

1852

Силлабический

Вечером мир низлетает на землю...
Девственно ясен румянец заката;

Опубликовано: Щербина Н.Ф. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1970. 648 с.
Николай Федорович Щербина (1821–1869) – ныне практически забытый русский и украинский поэт середины XIX века. Его стихам о природе присущи идеи этики благоговения перед жизнью.

Природе

Я не скажу, природа, пред тобою,
Что духом я, как мощью, одарен:
Ты женщина, – сильна ты надо мною,
И сердцем я покорен и влюблен!..
Чужда нам власть, – и только между нами
Невольно цепь любви проведена:
Несусь к тебе я страстными мечтами,

А ты ко мне отзвучьями полна.
 Румянец мой – от твоего лобзанья,
 В моих глазах лучи твои горят,
 Мне грусть несут осенних бурь стенанья,
 И радует весенний твой наряд.
 Моей душе и чувству непонятно,
 Что человек – властитель над тобой...

Нет! Надо всем царишь ты всеобъятно
 Чарующей своею красотой.
 Так некогда прекрасная Омфала
 Героя шерсть заставила сновать,
 И та рука веретено держала,
 Что гидр и львов привыкла поражать.

1854

Стихи о божественной дикой природе

Александр Львов

Вам нравится камин, пылающий зимою,
 Блестящий ряд огней, довольство и комфорт, –
 Природная краса вам кажется немою,
 Вы цените ее, как прибыль или спорт...
 Вам нравятся сады, подстриженные стройно,
 Природы буйный рост ваш оскорбляет взор;
 Чтоб вас, кастратов чувств, она была достойна,
 Вам нужно, чтоб кругом был плоский кругозор...
 А я люблю вид гор, нависших скал колонны,
 Болтливый шум ручья, пылающий костер,
 А над собою звезд блестящих миллионы –
 Уж роскошь для меня раскинутый шатер...
 И мне ласкает взор лес девственный таежный,
 Где нет людских следов, ущелий диких вид,
 Где крадется изюбр, пугливый, осторожный,
 Цепь голубых озер, оправленных в гранит...
 Вы любите покой, вам страшен голос бури,
 Пугает моря вас бушующий прибой,
 Спокойны вы, когда взамен небес лазури
 Раскинут потолок над вашей головой...
 И только иногда, коль сделана эстрада,
 Когда решетка есть, расчищена земля,
 Решаетесь взглянуть вы в бездну водопада,
 На море смотрите лишь с борта корабля...
 Мне сладок голос бурь и с самою грозною
 Так слиться хочется. Люблю я водопад,
 Что скачет с гор в тайге блестящей полосой, –
 С ним прыгать вниз, греметь в водовороте б рад.
 По морю в бурю я люблю носиться в лодке...
 Когда ж в лесу найду укромный уголок,
 То детски радуюсь тогда своей находке,
 Что голову мою не давит потолок...
 Вы молитесь творцу в церквах под мрачным
 сводом,
 Где похоронный гимн звучит у алтаря,

Куда зайдете вы рутинно, мимоходом,
 Там встретит толстый поп вас, алчностью горя;
 Чтоб отвести черед из страха, лицемерно
 Там молитесь творцу в назначенный лишь срок,
 Без веры и любви твердите суеверно
 Все тот же с детских лет заученный урок...
 А я молюсь везде, когда костер пылает
 И тысячами глаз тьма смотрит на меня,
 Отвсюду, свет костра куда не проникает,
 Какой-то тайною фантазию пленя...
 Я кланяюсь всему, боготворю природу,
 То звездам гимн пою, то морю, то горам
 И солнца радуюсь особенно восходу –
 Природа для меня – один обширный храм...

20 апреля 1908 г., Иркутск.

* * *

В глухой тайге, как будто в храме,
 Я близость чую Божества.
 Вон среди ветвей в зеленой раме,
 Как в день великий торжества,
 Блестит алтарь, горя огнями, –
 Сияет в небе голубом
 Голец со снежными зубцами,
 Среди гор приподнятый горбом.
 И как святых в камнях лики
 Блестят меж золоченных риз,
 Сияют солнечные блики
 В росинках, падающих вниз...
 Взамен кадильного куренья
 Природный наполняет храм
 Теперь, как в первый день творенья,
 Цветов таежных фимиам...

Александр Владимирович Львов (1871–1941),
 профессор геологии Иркутского университета.

20 июля 1920 г.

Николай Клюев

Лесные сумерки – монах
 За узорчатым часословом
 Горят заставки на листах
 Сурьюмою в золоте багровом
 И богомольно старцы пни
 Внимают звукам часословным...
 Заря, задув свои огни,
 Тускнеет венчиком иконным

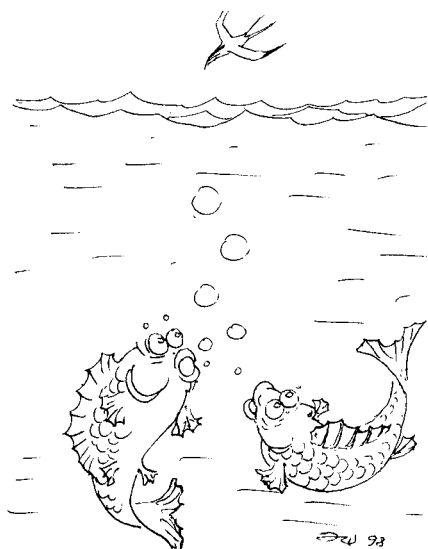
Лесных погостов старожил
 Я молодею в вечер мая,
 Как о судьбе того, кто мил,
 Над палой пихтою вздыхая.

Забвенье светлое тебе
 В многопридельном хвойном храме,
 По мощной жизни, по борьбе,
 Лесными ставшая мощами

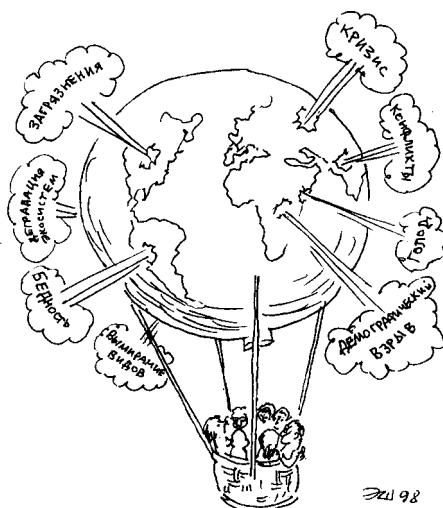
Смывает киноварь стволов
 Волна финифтяного мрака,
 Но строг и вечен часослов
 Над котловиною, где рака.

1915

Опубликовано: Клюев Н. Стихотворения и поэмы. М.: Русская книга, 1997. С. 132.

— Если бы не пускали пузыри,
 Птицам негде было бы летать!

— Главная задача – во-время создать
 советы по устойчивому развитию!

Рис. Э.Д. Шукурова.

Обзор отечественной и зарубежной литературы по философии дикой природы

Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 330 с.

Книга М.Н. Эпштейна – это попытка анализа изображения пейзажных образов в русской поэзии, охватывающая период от В. Тредиаковского до поэтов наших дней. С целью изучения поэтических воззрений на природу автор проанализировал более трех с половиной тысяч стихотворений о природе, принадлежащих 130 русским поэтам, и свел все пейзажные мотивы в каталог.

Первый раздел – «Медитации». Здесь изучено описание природы в стихах личного характера, лирические размышления затрагивают вопросы общего мировоззрения – эстетики, философии: природа как идеал художественного творчества; соотношение первоначальных стихий и человеческого разума.

Во втором разделе – «Мотивы» – речь идет о конкретных описаниях пейзажного творчества, которые присущи каждому поэту. Автор говорит о преемственности, непрерывности развития в описаниях у поэтов разных эпох и направлений. *«В лирике с ее образными и философско-психологическими константами круг мотивов наиболее отчетливо выражен и определен. Поэтому изучение мотивов в поэзии, выявляющих своеобразие художественного сознания автора и его поэтической системы, может быть особенно плодотворно. Тем более важно изучение мотивов в пейзажной поэзии, поскольку они отличаются наибольшей устойчивостью, повторяемостью – это первоэлементы, первообразы того языка, на котором природа говорит с человеком».*

Третий раздел – «Пейзажи». От мотивов автор переходит к изучению целостного отображения природы в системе взаимозависимых предметных деталей. Исследуются основные эстетические законы со-

четания разных мотивов в изобразительном целом, в «картине»: как подбираются необходимые элементы для создания идеального пейзажа, каковы главные составляющие «бурного» пейзажа, характерного для романтиков; «унылого» пейзажа, переходящего в поэтику критического реализма.

Заключительный, четвертый раздел – «Стили». В нем анализируются индивидуальные образы природы в творчестве крупнейших русских и советских поэтов, автор книги пытается отобразить то «особенное, единственное, что внес данный поэт в систему общенародного художественного мышления о природе».

Никольский В.А. Природа и человек в русской литературе XIX века (50–60-е годы). Калинин, 1973 г. 225 с.

Автор считает особенно характерной чертой *«социальную насыщенность пейзажа, его пронизанность демократическими идеями, подчеркнутую связь с трудовой деятельностью человека, с мыслями о будущем родины и народа, с борьбой за лучшее будущее. Такой тип пейзажа разработан писателями, творчество которых развивалось в русле революционно-демократической идеологии или под ее сильным воздействием»* (с. 216). Единственная мировоззренческая основа автора – пресловутый соцреализм.

С реалистических позиций осуждается и отвергается условность романтического пейзажа.

Препарируя поэтические образы, В.А. Никольский часто увлекается, и его комментарии удивительно похожи на анализ тех или иных произведений из хрестоматийных учебников. *«Кольцов, проникновенно выразивший поэзию земледельческого труда, воспел природу как арену, на которой “селянин”, “пахарь”, “косарь” совершают свои трудовые подвиги»* (с. 6).

Snyder G. A place in space. Ethics, aesthetics, and watersheds. Counterpoint, Washington, 1995. 263 p.

Гарри Снайдер – известный американский поэт, экофилософ, буддист, защитник дикой природы. В 1975 г. за книгу «Черепаший остров» он награжден Пулитцеровской премией. Новая книга «Место в космосе. Этика, эстетика и водоразделы» представляет собой дальнейшее развитие экофилософских взглядов автора. Так, в эссе «Сети бусин, паутины ячеек» Снайдер обсуждает первый принцип буддизма – принцип ахимсы. В эссе – «Новое открытие Черепашьего острова» рассказывает об идеологии движения в защиту дикой природы. Изначальная природа может быть понимаема в свете мифа об озере Артемиды – озера, спрятанного в лесу Артемидой, богиней дикой природы, которая купается в нем, дабы восстановить свою девственность. Однако в дикой природе «девственность» – это то, что если когда-то было нарушено, то никогда не может быть восстановлено. С исчезновением девственности, полагает автор, дикая природа не исчезает.

Большая часть книги посвящена очеркам о японской и китайской «природной» поэзии. Как поэт и буддист, автор великолепно чувствует восточные стихи, многие из которых имеют экологическое звучание.

Страна разрушена:

Горы и реки остаются...

Nash R. The rights of nature. A history of environmental ethics. The University of Wisconsin Press, 1989. 290 p.

Классический труд известного американского историка природоохраны Родерика Нэша «Права природы. История экологической (инвайронментальной) этики» выдержал в США уже не одно издание. К сожалению, постсоветским природоохранникам эта важная книга совершенно не знакома. Ее нет даже в центральных библиотеках стран СНГ.

Несомненное достоинство «Прав при-

роды» в том, что ее автор, скупкулезно проработав огромное количество источников, описал историю «позеленения» религии (в основном христианства), философии, а также «заражение» науки экологии и американского природоохранного движения экологической этикой. Автор считает, что сейчас наступает время последней революции, когда вслед за освобождением негров и женщин пришел черед освобождения природы. Р. Нэш полагает, что очень важным в природоохранной идеологии становится вопрос расширения моральной общности на всю природу, предоставление ей моральных прав. Автор анализирует работы Юджина Харгроува, Альберта Швейцера, Кристофера Стоуна, Тома Ригана, Питера Сингера, Пола Тейлора, Олдо Леопольда, Арне Нейса, Бэярда Калликотта, Гарри Снайдера, Генри Торо, Джона Мюира, Дэвида Броуэра, Холмса Ролстона III, Дэвида Формэна, Эдварда Эбби, Долорес Ла Шапел, святого Франциска Ассизского, показывает их вклад в развитие экологической этики.

В заключение необходимо отметить, что в 2001 г. Киевским эколого-культурным центром переведена и издана книга Р. Нэша «Права природы. История экологической этики».

This sacred Earth. Religion, nature, environment. Ed. R. Gottlieb. Routledge, New York–London, 1996. 673 p.

Внушительного вида сборник экофилософских и экотеологических эссе «Эта священная Земля. Религия, природа, окружающая среда», вышедший не так давно в Нью-Йорке и Лондоне, поражает не только своим объемом (почти 700 страниц текста). В нем представлены практически все известные западные и восточные философские и теологические работы, посвященные взаимоотношению религии и экологии. Это отрывки из популярных эссе Г. Торо, Д. Мюира, Р. Карсон, О. Леопольда, Р. Эмерсона, Лао Цзы, а также современных религиозных деятелей, теологов и экофилосо-

фов – Папы Иоанна Павла II, Л. Уайт, Р. Нэша, С. Гриффин, В. Шивы, Д. Сиды, М. Оелшлегера и др. Особый интерес представляют обращения и резолюции различных экорелигиозных совещаний и форумов, прошедших в последнее время в мире, например «Принципы экологической справедливости» или «Католическое социальное учение и экологическая этика». В конце сборника дана обширная библиография работ, посвященных вопросам взаимоотношения религии и природоохраны, а также список религиозных организаций, занимающихся экологическими проблемами.

Worldviews and ecology. Religion, philosophy and the environment. Ed. M. Tucker, J. Grim. Orbis books, Maryknoll, New York, 1994. 246 p.

В недавно вышедшем в Нью-Йорке сборнике «Взгляд на мир и экологию. Религия, философия и окружающая среда» представлены работы современных экофилософов, теологов и экологов, освещающие различные проблемы взаимоотношений экологической этики, религий и природоохраны. Так, в своем эссе «В направлении глобальной экологической этики» известный американский экофилософ Б. Калликотт дает обзор различных направлений экологической этики. Вместе с тем выглядит несколько сомнительным его утверждение, что возможна «единая глобальная экологическая этика». Наверяд ли это удастся сделать, ибо существуют различные культуры, религии, менталитеты народов.

В сборнике помещено несколько интереснейших работ, раскрывающих экологическую мудрость язычества североамериканских индейцев, иудаизма, ислама, индуизма, буддизма, бахаизма, даосизма, конфуцианства и джайнизма. Заслуживают внимания обзорные статьи по экофеминизму, «глубинной экологии» и экологической географии.

Spirit and nature. Why the environment is a religious issue. Ed.

S. Rockefeller, J. Elder. Beacon Press, Boston, 1992. 226 p.

Вышедшая в 1992 г. в Бостоне антология философских и теологических эссе под общим названием «Дух и природа» быстро стала популярной среди зарубежных гуманитарных экологов, интересующихся проблемами взаимодействия религии, философии и экологической этики.

Это объясняется умелым подбором работ, освещающих роль либеральной демократии в развитии теории прав природы, вклад тибетского буддизма и исламских теологов в природоохрану, а также пространном эссе одного из составителей сборника – С. Рокфеллера «Вера и сообщество в экологический век», в котором он делает обзор моральных и религиозных составляющих современного природоохранного движения.

Следует отметить, что определенный академический стиль многих статей не особенно отталкивает читателя своей сухостью, ибо в целом их содержание необыкновенно интересно и увлекательно, поражает глубиной взглядов и широтой охватываемых источников.

Waterbury F. Bird deities in China. Ascona: Artibur Asiae. 1952. 145 p.

Эта книга имеет уже солидный возраст и ее единственный экземпляр в СНГ находится в библиотеке РАН в Санкт-Петербурге. Тем не менее она заслуживает того, чтобы о ней упомянуть в нашем обзоре.

Автор книги «Птичьи божества в Китае» изучил огромное количество этнографических, антропологических и религиозных источников, связанных с жизнью Древнего Китая, а также стран Африки, Америки, Европы. Его обзор может претендовать на роль мирового, в книге дается очень много интересных сведений о почитании народами зверей, насекомых, рептилий и амфибий.

Но естественно, первое место уделяется птицам. По мнению автора, они издавна являлись предвестниками божественных и магических знаков, позже изображались на

печатах и даже превращались в элементы письменности. По мнению некоторых народов, они представляли верхнюю часть неба, считались духами гор, ветра, озер и рек. В Древнем Китае птица, наряду с тигром, была наиболее часто встречаемым сакральным изображением. Впрочем, мы не очень далеко ушли от древних китайцев – в нашей жизни птицы также являются одними из самых любимых существ.

Abbey E. The journey home. Some words in defense of the American west. New-York, 1977. 242 p.

Эдвард Эбби (1927–1989) – известный американский писатель, экофилософ и природоохранник, один из организаторов легендарной группы «Прежде Земля!». Его книга «Путешествие домой» посвящена дикой природе США. Однако ее нельзя назвать просто экологической или натуралистической. Во всех эссе, составляющих эту книгу, автор знакомит читателя со своей радикальной экологической философией.

Так, в небольшой главе «Свобода и дикая природа, дикая природа и свобода» Эбби показывает важность понятия свободы как для дикой природы, так и для человека, заявляя, что «человек не может быть свободным без дикой природы». В других эссе он провозглашает: «Идея дикой природы не требует защиты. Она требует только больше защитников».

Но все же главной мыслью его книги является то, что дикая природа – единственно ценная вещь, которую нам стоит спасать, и нужно научиться любить то, что является «свободным, грубым, диким, неизученным и нетронутым».

Yi-Fu Tuan. Passing strange and wonderful. Aesthetics, nature, and culture. Island press – Shearwater books, Washington, D.C. – Covelo, California, 1993. 219 p.

Знакомство с новой книгой известного американского культуролога, философа, специалиста в области эстетики природы Ий-Фу Туана «Проходя сквозь странное и

прекрасное. Эстетика природы и культуры» дорогого стоит.

В своей работе автор затрагивает разные типы природной красоты – зрительную, звуковую, «тактильную», красоту запахов, исследует эстетическую ценность дикого природного ландшафта китайских и исламских садов, эстетику природных окультуренных объектов.

Одна из интереснейших глав посвящена взаимосвязи этики и эстетики, что в настоящее время является одной из нерешенных природоохранных проблем. Например, как поступить: допустить туристов в чарующую природную долину, тем самым уничтожив ее красоту, или скрыть от глаз человека чудо природы? Автор пишет по этому поводу: «Сильное осознание конфликта между “хорошим” и “красивым” является современной проблемой. Здравый смысл подсказывает, что все общества, для того чтобы остаться жизнеспособными, должны поддерживать какое-то представление о хорошем. То, что входит в хорошее, зависит, конечно, от конкретного опыта и ценностей людей... Искусственные изделия чудесны, но какой ценой для природы...».

В качестве негативного примера автор приводит придорожные полосы, являющиеся плодом агрессивного частного предпринимательства.

В противовес философ говорит об участках дикой американской природы: «Что касается дикой природы, то это величественный храм, в котором мы проживаем ради возвышенных целей. О! То, что мы можем посвятить этой свободе и согласию и найти почитателей в ее священных стенах! Человек выбирается в дикую природу для того, чтобы пообщаться с ее сверхъестественной сущностью. И возвращается к повседневной жизни лучшим человеком».

Без сомнения, книга Ий-Фу Туана окажется великолепным собеседником для всех, кто интересуется защитой природы и ее нематериальных ценностей.

В.Е. Борейко

ВСЕМИРНЫЕ КОНГРЕССЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

С 1977 г. по инициативе различных международных и национальных природоохранных организаций стали проводиться Всемирные конгрессы дикой природы (WWC). На них обсуждались вопросы ценностей дикой природы и защиты участков дикой природы на Земле. Уже состоялось семь конгрессов: Южная Африка (1977), Австралия (1980), Шотландия (1983), США (1987), Норвегия (1993), Индия (1998), Южная Африка (2001).

На конгрессах присутствовали: философы, лидеры местных общественных движений, руководители государств, ведущие политики, природоохранники, люди культуры и искусства, бизнесмены, ученые, издатели и др., представляющие 100 наций.

Наиболее важными вопросами, обсуждаемыми на конгрессах, являются:

- признание дикой природы как приоритета в сохранении будущего природы и человечества;
- защита участков дикой природы;
- инвентаризация в глобальном масштабе участков дикой природы и диких ненарушенных рек;
- поддержка туземных народов;
- поиск финансирования на защиту дикой природы.

Первый Всемирный конгресс дикой природы

Состоялся в октябре 1977 г. в Йоханнесбурге (Южная Африка). Присутствовало 2500 делегатов из 27 стран. Обсуждалась концепция дикой природы.

Второй Всемирный конгресс дикой природы

Состоялся в июне 1980 г. в Квинсленде (Австралия). Присутствовало

1000 делегатов из 25 стран. Обсуждались проблемы защиты дикой природы Австралии и Тасмании, а также вопросы вредоносности дамб и гидроэлектростанций для диких рек. Было рекомендовано, чтобы концепция дикой природы в различных странах имела свой легальный культурный статус.

Третий Всемирный конгресс дикой природы

Состоялся в октябре 1983 г. в Ивернесе и Файндхорне (Шотландия). Присутствовало 600 делегатов из 25 стран. Обсуждались политические и плановые аспекты защиты участков дикой природы, а также вопросы охраны дикой природы в Италии, Великобритании и Австралии.

Четвертый Всемирный конгресс дикой природы

Состоялся в сентябре 1987 г. в Денвере (США). Присутствовало 2000 делегатов из 64 стран. На конгрессе было предложено создать Всемирный Фонд сохранения участков дикой природы, Всемирную службу защиты дикой природы, обсужден перечень имеющихся объектов дикой природы на Земле.

Конгресс обратился в МСОП с просьбой о введении в международную классификацию охраняемых природных территорий новой категории – “территория дикой природы”, которая и была утверждена в 1992 г.

Пятый Всемирный конгресс дикой природы

Состоялся в сентябре 1993 г. в Тромсё (Норвегия). Присутствовало 600 делегатов из 25 стран. Был посвящен защите дикой природы в Аркти-

ке. На конгрессе обсуждалась концепция сохранения дикой природы в приполярных и арктических зонах, была отмечена необходимость принятия специального законодательства. На конгрессе было представлено первое подробное описание диких рек Севера.

Шестой Всемирный конгресс дикой природы

Состоялся в октябре 1998 г. в Бангалоре (Индия). Присутствовало 700 делегатов из 30 стран. Была обсуждена концепция сохранения участков дикой

природы в Азии, а также концепция защиты морских участков дикой природы. К конгрессу был подготовлен список основных диких рек мира.

Седьмой Всемирный конгресс дикой природы

Состоялся в ноябре 2001 г. в Порт-Элизабет (Южная Африка). На нем рассмотрены вопросы защиты дикой природы, находящейся на частных землях, пан-африканская программа защиты дикой природы, создание Всемирного совета по дикой природе.

СОВЕЩАНИЕ ПО ОХРАНЕ СВЯЩЕННЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

12–13 июня 2001 г. в г. Мехико состоялся симпозиум и семинар по охране священных природных территорий (СПТ) с целью сохранения биологического разнообразия. Это мероприятие координировалось Международным Фондом дикой природы (WWF) – Мексиканская программа, а его спонсорами были Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов Мексики, Программа развития ООН, Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и мексиканская неправительственная организация “Музыка для Земли”.

Симпозиум был открыт для широкой общественности, на нем присутствовало много частных лиц и пресса. Секции были организованы по следующей тематике:

- священные территории и сохранение биологического разнообразия;
- опыт охраны СПТ;
- активизация участия местного населения в охране священных территорий.

Симпозиум был открыт лауреатом Нобелевской премии, Послом доброй

воли ЮНЕСКО, г-ном Ригоберта Менчу из Гватемалы.

На техническом семинаре присутствовали представители учреждений-организаторов; представители правительств Мексики и штата Сан-Луи Потоси; Совета старейшин общины Хьючол, а также ЮНЕСКО, Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), Международного фонда дикой природы (WWF), Фонда Ригоберта Менчу и Университета мира.

Основные выводы, вытекающие из докладов на секциях и последующих дискуссий на симпозиуме, приведены ниже.

1. СПТ местных и традиционных общин во всем мире чрезвычайно важны для жизнеспособности и выживания их культур. Многие из этих территорий важны также и для сохранения биологического разнообразия.

2. Поскольку многие СПТ не охраняются в законодательном порядке и подвергаются различным угрозам, они нуждаются в государственных и международных мерах, которые бы обеспечили их охрану.

3. Это – серьезная проблема, которая потребует совместной работы местных и традиционных общин с разнообразными государственными и международными организациями.

4. Она требует также разработки конкретных планов перевода общих концепций в эффективные реальные мероприятия.

5. Эти мероприятия должны включать:

– концептуальные рамки, четко определяющие СПТ и их взаимосвязь с

сохранением биологического разнообразия;

– определение прав местных и традиционных общин в отношении доступа к СПТ, а также пользования и управления ими;

– методологии охраны и руководства СПТ;

– соображения по организации деятельности (кто, что, где, когда, почему и зачем);

– институциональные соображения (ведущие организации, координация, финансирование).

БОРЬБА ПРОТИВ КОРРИДЫ В МОСКВЕ: НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ШТРИХИ

8–9 сентября 2001 г., в рамках “Дней Португалии в Москве” должна была состояться коррида. Несколько российских организаций, придерживающихся идеологии защиты прав животных, с 27 августа 2001 г. организовали акции протеста. К ним присоединилась легендарная актриса Бриджитт Бардо и Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

Известная французская киноактриса Бриджитт Бардо, возглавляющая Фонд защиты животных, призвала Юрия Лужкова запретить намеченную на сентябрь в Москве португальскую корриду.

В открытом письме мэру Москвы актриса писала, что “получила множество посланий от москвичей, выражающих негодование по поводу организации боя быков в их городе”. “Убийство животных является стыдом Западной Европы”, отмечает Бардо. По ее мнению, “это жестоко, архаично и разжигает самые низменные страсти”.

“На моей родине, – подчеркивает Бардо, – этот варварский спектакль проводится в отдельных районах Франции, возглавляемый мною Фонд ведет борьбу с этими пережитками. Я Вас

умоляю не включать Москву в этот позорный список. У меня совсем другое представление о России, я восхищаюсь Вашей страной, мужеством и достоинством россиян”.

* * *

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II выступил против проведения корриды в Москве.

“Убежден, что данное зрелище внесет недобрый вклад в навязчивую пропаганду насилия, с которой сталкивается в последние годы наше общество, веками воспитанное на идеалах любви и милосердия”, – пишет Патриарх в письме, опубликованном в “Комсомольской правде”.

“Людские усилия не богоугодны, если направлены на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти. Зрелища, специально подвергающие опасности жизнь и здоровье животных, даже если этот риск сведен к минимуму, безнравственны, общественно опасны и наносят урон нравственному состоянию личности, особенно детской”, – отмечает Алексей II.

В заключение своего письма он пишет: “Присоединяю свой голос к тем, кто решительно против проникновения

в Россию публичных мероприятий такого рода”.

* * *

Центр этичного отношения к животным г. Москвы провел масштабную акцию 28 июля у с/к “Олимпийский” против корриды в России. Собралось около 500 человек. Участники театрализованной акции раздавали листовки, описывающие правду о корриде, держали плакаты, среди которых были и такие: “Самый страшный зверь на корриде – толпа”, “Остановите корриду!”, “Люди! Неужели Вам мало бойни?” и т. д.

Многие из участников акции были в окровавленных фартуках, символизирующих то, что быть участником корриды и не нести ответственность за страдания животных – невозможно.

* * *

Карельское Общество защиты животных провело 24 августа пикет около представительства Министерства ино-

странных дел РФ в Карелии против планов проведения корриды в России. Участники акции держали плакаты, в т. ч. “Коррида в Москве – позор России!”, раздавали листовки.

Участниками акции была передана петиция представителю МИД РФ в Карелии, в которой от министра они потребовали направить ноту протеста против проведения корриды в Москве.

В последние дни августа мэр Москвы Ю. Лужков, под воздействием общественного мнения, запретил корриду в столице России.

Однако экологические организации России, за редким исключением, проигнорировали эту благородную акцию. Спасая виды и экосистемы, они, к сожалению, по-прежнему практически не обращают внимания на боль и страдания отдельных животных. Однако подобное отношение к природе, по меньшей мере, страдает двуличием. Нельзя, заботясь о целом, не заботиться о части.

Рис. Э.Д. Шукурова.

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или подготовленные в одной из версий Word for Windows. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи. Таблицы по ширине не должны превышать лист формата А4.
3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.
6. Рукописи и фото не рецензируются и не возвращаются.

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью? Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

Рис. Э.Д. Шукурова.

Выходит 2 раза в год. Формат 70 x 100/16. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 11,29.

Печать офсетная. Подписано в печать 14.02.2002 г. Заказ № 49.

Напечатано с готовых диапозитивов в МКП “Склавия-94”, г. Черновцы, ул. Головна, 198а.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Наука и публицистика	
Горб К.Н., Кибзун Д.Н. Дикая природа в системе символов Украины глазами населения: географический анализ	4
Горб К.Н., Сесин В.А. Опыт систематизации и географического анализа природоохранного сознания населения Украины	13
Капитонов В.И., Капитонова О.А. Значение священных рощ в сохранении редких и исчезающих видов растений и животных Удмуртии	19
Капитонов В.И., Капитонова О.А., Лебедева С.Х., Перевощиков А.А. Современное состояние священных рощ на территории Удмуртии	21
Экологическая этика	
Борейко В.Е. Билль о правах животных, растений и дикой природы	27
Никольский А.А. Концепция этической экспертизы научных исследований, проводимых в заповедниках и национальных парках	39
Борейко В.Е. Красота природы и экологическая этика	41
Дискуссии	
Дежкин В.В. Экоцентризм против антропоцентризма: давайте поспорим	44
Борейко В.Е. Дикую природу может спасти только экологическая этика	46
Штильмарк Ф.Р. К спорам о дикой природе, заповедности и антропоцентризме	49
Иванов А.Н. Некоторые философские проблемы охраны природы	51
Гусейн-заде В.М. Эстетика окружающей среды	54
Кильдиярова М.Ф. Идея дикой природы должна распространяться	55
Гараев А.С. Защита животных и современная идея дикой природы	56
Рыжиков А.И. Время и пространство природных заповедных систем	59
Борейко В.Е. Тема священности дикой природы в русской литературе и природоохране	63
Шевчик В.Л. Абстрактная критика абстрактного заповедания	67
Коваленко И.М. Современная идея охраны дикой природы и священные природные объекты Крыма	74
Грищенко В.Н. Познание и любовь к природе	79
Экодайджест	
Формэн Д. Новое движение в защиту дикой природы	89
Тэйлор Б. "Прежде Земля!": от начальной духовности к экологическому сопротивлению	93
Дрю В. Убийство дикой природы	102
Томпсон Ж. Окружающая среда как культурное наследие	108
Стегнер У. Письмо о дикой природе	118
Бирч Т. Заповедники как тюрьмы	120
Серая Сова. Дикая природа и человек	123
Опыт работы	
Подобайло А.В. Экоэтические воззрения украинцев	125
Самойлов Л.Н. О любви к природе	127
Фронт освобождения животных	130
Художественный уголок	132
Критика и библиография	135
Хроника и информация	139